

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1972 — 1978

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1972

ПОВЕСТИ

Сборник приключенческих

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1973

РАССКАЗЫ

повестей и рассказов

P2
П-75

Х у д о ж н и к
Ю. Б А Ж А Н О В

7-3-2
191-73

© Издательство «Молодая гвардия», 1973 г.

М. СТЕЙГА, Л. ВОЛЬФ

Дело Зенты Саукум

ГЛАВА I

1

Молоденькая девушка, секретарь суда, взглянула на часы. До начала заседания еще десять минут. Она выдвинула ящик стола и достала пачку синеватых бланков протокола. Потом метнула взгляд в зеркало, взбила светлые кудряшки и оправила на себе узкую коротенькую юбку.

— Зря стараешься, — с язвительной усмешкой заметила сидевшая у окна машинистка и сменила закладку в стареньком «Ундервуде». — Адвокат Робежниец предпочитает шатенок.

Секретарь же предпочла пропустить эту реплику мимо ушей. Задрав кверху курносый носик, она важно прошествовала в зал.

Зал суда был самый заурядный. Такие встречаются в Риге и в Валке, в Москве и Новосибирске. Несмотря на различия в форме и размерах, им присуще нечто общее. И прежде всего это тяжелая дубовая мебель, позолоченные гербы на высоких спинках судейских стульев, придающие залам суровую простоту, как бы подчеркивая справедливость судебного приговора и незыблемость закона.

Судебное разбирательство шло уже третью неделю, однако интерес рижан к этому делу не ослабевал. Зал был ежедневно полон публики. Одних тяжкое преступление волновало своей необычностью, других интриговали отдельные детали процесса. Были и такие, кому просто хотелось увидеть своими глазами настоящего убийцу.

Справа от судейского стола занял свое место государственный обвинитель Роберт Дзенис. Он медленно перелистывал дело, словно надеялся обнаружить в нем какое-то важное, но ускользнувшее обстоятельство.

Защитник Ивар Робежниец, щеголеватый молодой человек с худощавым энергичным лицом, сидел, небрежно заложив ногу на ногу. Выступление в столь нашумевшем

судебном процессе льстило самолюбию адвоката. И он старался произвести хорошее впечатление на публику.

Робежنيек поглядывал в зал, где не осталось ни одного свободного места. Возле самого окна дородная тетка подозрительно косилась на свидетелей и что-то нашептывала своей соседке — старушенице с тонкими, плотно сжатыми губами. Адвокат безошибочно узнавал здешних завсегдатаев. Еще не перевелись обыватели, которые дня не могут прожить, не сунув носа в чужую кастрюлю. Когда же возможности коммунальной квартиры бывают исчерпаны, эти людишки шляются по судам и млеют от удовольствия на бракоразводных процессах или на разборе дел, связанных с преступлениями против нравственности. И туго приходится судье, который примет решение слушать дело при закрытых дверях!..

В дальнем конце зала расположилась шумная компания студентов юридического факультета. Оттуда, с «камчатки», слышались приглушенные смешки и реплики:

— Потеснись, миледи! Дай сесть человеку.

— Куда лезешь, плоскостопый!

— Смотрите-ка, Айя толстую тетрадь вытащила, сейчас будет конспектировать!

После набивших оскотину скучных лекций по административному и колхозному праву этот процесс для студентов был как хорошее театральное представление, после которого есть о чем поговорить и поспорить.

Вдруг по залу пролетел шорох, словно легкий бриз тронул вершины сосен на приморских дюнах.

— Ведут, ведут!

Как по мановению волшебной палочки смолкли разговоры. Воцарилась почтительная тишина. Помощник прокурора Дзенис отложил в сторону папку с делом. Приосанился адвокат Робежниек. Секретарь отбросила непослушный локон. Всеобщее внимание сосредоточилось на боковом входе. С минуты на минуту в сопровождении милиционеров оттуда должен выйти убийца.

Итак, сейчас начнется суд.

2

В октябре вечерет быстро. Гаснет мутновато-багровое небо за подернутыми зеленоватой паутиной шпилями рижских церквей. В комнату заползают серые сумерки.

Город начинает подмигивать огненными неоновыми глазами.

Ответственный дежурный по Управлению внутренних дел включает в кабинете свет. Теперь еще отчетливей виден занимающий всю стенку рельефный план города. Крохотными домиками и фигурками обозначены на нем места, где расположены штабы народных дружин и милицейские посты. Прямые и изогнутые линии улиц унизаны красными и белыми жемчужинами электролампочек. Вереницы вспышек, словно трассирующие пули, отмечают движение милицейских машин. Сквозь атмосферные помехи в громкоговорителе слышны короткие рапорты патрулей.

— Я «Чайка-два». Нахожусь в Чиекуркальне. Двигаюсь по маршруту. Происшествий нет.

— Докладывает «Орел-три». В переулке у забора комбината «Ригас мануфактура» вижу большой сверток. Очевидно, переброшен через ограду. Продолжаю вести наблюдение. Жду распоряжений.

— Я «Чайка-восемь». В конце улицы Бикерниеку у троллейбуса сломалась полуось. Позвоните в аварийную службу.

В небольшом кабинете точно луч в капле воды отражается жизнь столицы Латвии, прослушивается ее пульс. Со всех концов города сюда стекается оперативная информация. Ответственный дежурный принимает донесения, регистрирует их, отдает распоряжения.

В соседней комнате бывалый сержант играет в новус * с молоденьким лейтенантом. Седоволосый судебно-медицинский эксперт за шахматным столиком глубокомысленно изучает позицию противника. Неужто и на этот раз не удастся одолеть самоуверенного Шерлока Холмса? Капитану Соколовскому чертовски везет в шахматы, и это обстоятельство просто бесит обычно невозмутимого врача.

— Что ж, укрепим позиции временным отступлением, — замечает он, возвращая слона на исходный рубеж.

— Сдаете завоеванную территорию без боя? — злорадствует Соколовский.

— Территория нынче не имеет решающего значения.

— Имеет, и еще какое! Однажды я приехал в свой

---

* Распространенная в Латвии игра, отдаленно напоминающая бильярд.

родной Виляжский район, — говорит капитан, не отрывая взгляда от шахматной доски. — Сидим с тамошним участковым Езупаном в его служебном кабинете. Вдруг распахивается дверь, вваливается какой-то верзила и орет: «На помощь! Убийство! Там, около старой мельницы труп!»

Лейтенант с сержантом кладут на стол кии новуса. Надо послушать! В Управлении внутренних дел капитан Соколовский известен как великий мастер рассказывать всякие байки.

Капитан продолжает, но это не мешает его ладье вторгнуться в тыл противника.

— Мы с Езупаном вскакиваем, седлаем мотоцикл и едем на мельницу. Глядим, в канаве лежит ничком какой-то малый в резиновых сапогах, руки раскинуты в стороны, весь в грязи перепачкан.

Езупан, бедняга, пожимает плечами. «Скверное дело. Надо протокол составлять. Эксперта вызвать. Что начальнику скажу?» И тут на него находит просветление:

«Слушай, да ведь это же не наша территория. Канавато пограничная! Лежит он, правда, на моей стороне, но стоял-то не на моей! Видишь, где его ноги? Поехали, позвоним».

Прибыл инспектор соседнего участка. Походил вокруг трупа, покряхтел и рассудил: «Раз голова, Езупан, на твоей территории, значит, тебе вести следствие». Езупан ни в какую. Голова, говорит, важное обстоятельство для живого, а не для трупа.

Покуда препирались, труп исчез! «Елки-палки!» — схватился за голову Езупан. А из-за кустов кто-то басит: «Эй, опохмелиться у вас нечем?»

Соколовский делает рокировку в длинную сторону.

Лейтенант с сержантом хохочут. Судебно-медицинский эксперт кисло улыбается. Лишь следователь прокуратуры Борис Трубек никак не реагирует на столь неожиданный финал истории. Он сидит в углу комнаты на низком диванчике, спина горбом, уши зажаты ладонями. Очки с толстыми стеклами съехали с переносицы. Трубек с головой ушел в свои конспекты — скоро госэкзамены, каждая свободная минута на счету.

Смуглый старший лейтенант с пижонскими усиками настраивает телевизор. До начала трансляции со стадиона остаются считанные минуты.

— Так и так твоя «Даугава» продует, — добродушно трунит над ним капитан, объявляя гарде королеве доктора. — Не порть нервы, дорогой. Здоровье надо беречь смолоду, говаривала моя мудрая тетушка, да будет ей земля пухом.

— Зачем так говоришь? — возмущается старший лейтенант. — Сегодня обязательно выиграют.

Соколовский твердит свое:

— Продуют как пить даты! Вне всякого сомнения. Класса «А» ей не видать, как тебе копейки после того, как отдал жене зарплату.

Спор прерывает металлический голос репродуктора.

— Опергруппа, на выход! Убийство на улице Вайрога! — коротко сообщает ответственный дежурный.

Старший лейтенант резко встает и выключает телевизор. Врач с сожалением покидает шахматный столик. Следователь Трубек распахивает по карманам конспекты.

Несколькими минутами позже милицейская машина уже мчится по улице Кришьяна Барона к Воздушному мосту.

3

— Свидетель Майга Страуткалн! — вызывает председатель суда. — Попросите войти.

К судейскому столу приближается стройная блондинка. Серые выразительные глаза в упор смотрят на судью.

Взгляд адвоката машинально задерживается на недурных ножках молодой женщины.

«Волнуется», — отмечает про себя прокурор, глядя на свидетельницу. — Даже руки дрожат. Наверно, первый раз в суде».

Свидетельницу предупреждают, что за ложные показания она несет уголовную ответственность по такой-то статье кодекса. Затем председатель приступает к допросу.

— Вы работаете в поликлинике?

— Да, я районный врач.

— И на месте преступления оказались первой. Расскажите, пожалуйста, как это было.

Тук-тук, тук-тук. Постукивают каблучки по асфальту. Раз-два, прыг-скок. Майга скачет на одной ноге по нарисованным мелом клеткам на тротуаре. На лице детская улыбка, озорные огоньки в глазах. Хорошо бы теперь перелезть через этот обветшалый длиннющий забор. И на другой стороне написать мелом: «Айя + Янка = дураки».

Да где уж там... Юбка узка, пальто слишком длинно. И прочие препятствия. Майга перескакивает еще в один «класс» и затем продолжает свой путь по пустынной улочке.

Тут, на окраине города, осень может показать, на что она горазда. Куда ни глянь, покрытые багрянцем и позолотой деревья. Прохладный ветерок закрутил на мостовой хоровод кленовых листьев. А когда ему это надоедает, норвит забраться Майге за ворот и растрепать волосы.

Закутавшееся в темные тучи солнце одним глазом еще косится на землю. На оконце второго этажа деревянного дома вспыхивает отблеск скупого луча.

«Как там себя чувствует Лоренц...» — вспоминает вдруг участковый врач о своей пожилой пациентке, проходя мимо ее дома.

Лоренц бывала у нее обыкновенно по средам. Но вот уже третью неделю старушки не видно. Не слегла ли?.. Сердце-то неважное. Женщина она одинокая, а соседи, по ее словам, — сущие изверги.

Майга останавливается, что-то прикидывает в уме, затем отворяет калитку и пересекает двор.

В сенцах темновато. Майга, придерживаясь за шаткие перила, осторожно поднимается на второй этаж. В нос назойливо лезет запах кислых щей.

— Это вы, доктор? — на верхней площадке из двери высовывается разлохмаченная женская голова — К кому же, у нас вроде бы все здоровы.

Женщина выходит навстречу, вытирая руки о передник.

Страуткалн невольно хмурится. Ее всякий раз передергивало от отвращения в неприбранном жилище Геновевы Щепис, да и сама хозяйка, всегда растрепанная и неряшливая, не вызывала ни малейшей симпатии.

— Я пришла к вашей соседке. Как она себя чувствует?

— Старуха-то? — скривилась Геновева. — Что ей

сделается? Такая сама кого угодно до кондрашки доведет. Настоящий антихрист. Слава богу, в последние дни не видать ее.

Страуткалн охватило дурное предчувствие. Наверное, серьезно захворала? Она подошла к двери, громко постучала, но Лоренц не отозвалась.

«Куда-нибудь вышла? — подумалось Майге. — Соседи могли не заметить, когда старушка ушла. Может, в деревню уехала?»

Страуткалн наклонилась и глянула в замочную скважину...

— Дворника! Скорей за дворником! — крикнула она Геновеве.

Дворник прибежал вместе с сержантом милиции. Взломали дверь. Посреди комнаты опрокинутый стул, на полу кровь и осколки разбитой вазы. Стены тоже забрызганы кровью. Тело Алиды Лоренц лежало на кровати. Оно было прикрыто одеялом и подушками.

Старуха была мертва.

4

Комната для свидетелей уютом не отличалась: голые стены, узкое окно и старомодные стулья на высоких ножках.

Геновева Щепис уселась в самом углу и оттуда опасно поглядывала. Хоть бы не очень донимали распрсами.

С того раза, когда ее задержали на Центральном рынке, Геновева избегала встреч с представителями власти и при виде милиционера переходила на другую сторону улицы.

Это произошло в прошлом году летом, ближе к осени. Геновева прохаживалась вдоль рядов колхозных грузовиков, стоявших почти вплотную друг к другу, как в гараже.

— Не надо ли хорошую кофточку? — шепотом предложила она свой товар краснощекой пышке, бойко торговавшей яблоками прямо из кузова машины.

— Покажи!

Геновева, воровато оглядевшись, достала из сумки синий шерстяной джемпер.

— Не пойдет, — отвергла ее товар колхозница. — Вот если б красный...

— Есть и красный.

Но Геновева не успела вынуть красную кофту. Кто-то прикоснулся к ее плечу.

— Пройдемте, гражданочка, в отделение! — мужчина в штатском сказал негромко, но твердо.

К счастью, тогда Юзику был всего только год. Не то пришлось бы, наверно, худо.

И вот опять...

Сначала вызывали в милицию. Раз, другой. Заставляли ждать, обдумывать, вспоминать. Потом таскали в прокуратуру. Теперь торчи тут, в суде. Боже милостивый, чем все это кончится!

Геновева погрузилась в невеселые раздумья и даже не услышала, когда ее вызвали в зал суда.

— Свидетель Геновева Щепис! — председатель заглянул в толстый том. — Вы жили по соседству с покойной Лоренц. Что вы можете сообщить по существу этого дела?

Геновева подозрительно посмотрела на председателя.

— Какого дела? Про дела ничего не знаю. У меня никаких дел с ней не было. Не дай бог!

В последних рядах раздались смешки. Председатель с укоризной взглянул на студентов и опять обратился к свидетельнице.

— Что вам известно об Алиде Лоренц?

— Ничего про нее не знаю, — Геновева малость осмелела. — У такой разве чего узнаешь? Пряталась как хорек в своей норе. И комнату всегда на ключ запирала. Сколько лет живем бок о бок, а хоть бы раз к себе впустила. Ни разу.

— Ее посещали родственники или друзья?

— Ах, святые угодники! Да она ни единой живой души к себе не пускала. Одну только докторицу. Еще если кто из домоуправления насчет ремонта или по какому другому делу, и то разговор вела через щелку, дверь на цепочке держала.

Геновева шумно высморкалась.

— Сквалыга распоследняя. За копейку готова была удавиться. А уж с каким скандалом за свет платила — не приведи бог. Один раз через нее у всего дома электричество отрезали. Зато для себя ничего бывало не пожалет. Всегда у нее за щекой конфета.

Судья хотел уже было направить этот словесный поток в более спокойное русло, но передумал.

— Следователю вы говорили, что у Лоренц проживали квартирантки.

— И правду говорила, истинную правду. Сперва у нее Мирдза жила, на вид квелая вроде, а сама ух, бедовая девчонка! Ругала старуху на все корки. Бывало, и в космы друг дружке вцепятся. Только старуха все равно верх брала. Мирдза плюнула, собрала пожитки и съехала с квартиры. Для старухи это было все равно что золотой зуб изо рта долой. Другую барышню привела — Тамарой звали. Такая попалась, бедняжка, неприкаянная. Целыми днями все хныкала.

— Сколько времени прожила у Лоренц Тамара? — поинтересовался председатель.

Для точного исчисления срока Геновева призвала на помощь все десять пальцев.

— До осени. Ну да, до осени. Луция, девчонка моя, уже в школу ходила. Завелся у Тамары ухажер, долговязый такой, одевался культурно — импортная куртка у него на скорой застежке. Вроде бы дело пахло свадьбой. Старуха узнала и аж почернела от злости. В тот же день у них чуть до драки не дошло из-за какой-то там юбки. Я чего-то не разобрала — то ли старуха ее сперла, то ли спалила.

Судья постучал карандашом по столу.

— Откуда вам это известно?

Геновева Щепис потупила взор.

— Подслушала за дверью, — вполголоса призналась она.

— Скажите, в последнее время Лоренц жила одна?

Допрос продолжал помощник прокурора Дзенис.

— Что вы, что вы! — замахала руками Геновева. — Сразу после Тамары другая барышня объявилась. Эта была скрытная. Домой возвращалась поздно. Из дому уходила чуть свет, покуда я встану, ее уже и духу нет. Я ее даже и разглядеть толком не успела. И, как звать, не знаю. В последнюю неделю она и вовсе не появлялась. Это, значит, до того, как докторица нашла старуху приконченную.

— Вы присутствовали, когда Лоренц была обнаружена убитой, — сухо напомнил председатель.

— Езус Мария! Этакий страх-то! Ни в жизнь не забуду!

Соколовский показал на закрытую дверь.

— Здесь?

Сержант милиции вытянул руки по швам.

— Так точно, товарищ капитан! — И вполголоса добавил: — Никого туда не допускал. Чтобы следы не запутали.

— Молодец!

Капитан отпер отмычкой дверь и остановился на пороге.

— Приступим, товарищ капитан? — сказал следователь Трубек. Рядом с ширококостным, плечистым Соколовским Борис выглядел совсем мальчиком. Остальные — Геновева Щепис, Майга Страуткалн и понятые — не спешили переступить порог.

Комната была довольно большая, но так заставлена, что негде было повернуться. Массивный круглый стол и под стать ему тяжелые стулья, высокий буфет и широкий комод.

— Включайте камеру! — крикнул капитан Соколовский.

У старшего лейтенанта все было наготове.

Застреготала кинокамера, фиксируя на пленке обстановку места происшествия. Технический эксперт сначала отснял общий вид комнаты и затем каждый отдельный предмет.

Старший инспектор милиции и следователь прокуратуры методически осматривали место происшествия. В первую очередь потолок, затем стены, пол и каждый предмет в отдельности. Шаг за шагом двигались они по кругу, постепенно приближаясь к середине комнаты.

Следователь Трубек изучал содержимое комода. Белое, по виду совсем недавно глаженное белье в ящиках было все перевернуто и помято.

— Похоже, здесь здорово порылись, — проворчал он себе под нос.

Судебно-медицинский эксперт приступил к осмотру трупа. Убитая лежала на спине. Врач снял с ее головы подушку. Лицо жертвы представляло собой кровавое месиво. Геновева Щепис с криком ужаса выбежала из комнаты. Майга Страуткалн брезгливо отвернулась.

— Шесть-восемь ударов тяжелым тупым предметом, — констатировал эксперт. — По всей вероятности, раздроблены кости черепа.

— Когда наступила смерть, можете сказать? — спросил капитан Соколовский.

— Примерно неделю тому назад.

— Вполне возможно, — согласился Соколовский. — Но неужели никто во всем доме ничего не видел, не слышал? Где соседка?

Сержант привел Геновеву Щепис. Она уже успела запереться в своей комнатке.

Соколовский показал на кровать.

— Когда вы ее видели последний раз?

Геновева молчала. В конце концов с трудом произнесла:

— В среду. На прошлой неделе. Я стирала на кухне, дверь была открыта. Лоренц, наверное, в лавку пошла, у нее был в руках бидон. Больше не видела.

— В тот вечер крик не слышали? — задал вопрос Трубек. — Или, может, на другой день?

Геновева отрицательно покачала головой.

— Я слышал, — неожиданно раздался хриплый голос.

Все оглянулись. У двери стоял дворник и мял в руках фуражку.

— Когда это было? — спросил следователь.

— В прошлый четверг... Ко мне аккуратно свояк приехал. Сидели за полночь. Он как раз собрался идти домой, как наверху кто-то закричал страшным криком. И жена тоже слышала. Еще сказала: «Небось Геновева опять со старухой Лоренц схватилась».

— В четверг? — Соколовский поглядел на судебно-медицинского эксперта. — Восемь дней.

Врач утвердительно кивнул.

— Очень может быть.

Капитан повернулся к Геновеве.

— Где вы были в четверг ночью?

— Дома. Ночью я всегда дома.

— И вы утверждаете, что ничего не слышали?

— Бог свидетель, ничегошеньки не слышала. Может, за полночь что и было, да я сплю крепко.

— Странно!

— Что и говорить, — согласился Трубек.

Он исследовал с помощью лупы обою над кроватью. Из курса криминалистики Трубек знал, что брызги крови на вертикальных поверхностях могут иметь различную форму: так, например, пятнышки, смахивающие на головастиков с задранными хвостиками, свидетельствуют

о том, что капли падали под углом сверху вниз. Однако эти мелкие темные пятнышки по большей части походили на маленькие, перевернутые наоборот парашютики и цилиндрики.

— Н-да, кровь брызнула снизу вверх, — пришел к заключению молодой следователь. — Можно предположить, что пострадавшей наносили удары, когда она была в лежачем положении.

— А вот и предмет, которым били, — отозвался Соколовский. — Тупой и тяжелый.

За шкафом валялся измазанный кровью кирпич.

— Как по-вашему, доктор?

— Вполне возможно, — согласился эксперт. — В ранах я обнаружил крупинки кирпича.

Соколовский удовлетворенно потер руки — вот и найден конец ниточки. Пока она еще очень тонкая, но тем не менее нить.

— Шамиль, будь ласков, сфотографируй на память этот драгоценный камушек. И упакуй как вещественное доказательство.

Трубек почесал за ухом.

— Да, но откуда тут взялся кирпич?

— Бес его знает, — пожал плечами Соколовский.

— У нее керосинка всегда стояла на кирпиче, — заметила Майга Страуткалн.

— Вы это знаете точно? — повернулся к ней капитан.

— Да, — подтвердила Страуткалн. — Я много раз бывала по вызову у Лоренц и говорила ей, чтобы не держала керосинку в комнате, а вынесла на кухню. Но больная упрямилась: так ей было удобней.

Соколовский посмотрел, как технический эксперт аккуратно запаковывает кирпич в коробку из-под торта.

— Ну так, — негромко сказал капитан Трубеку, отозвав его в сторонку. — Давай присмотримся к фактам, как говаривала моя дорогая тетушка, глядя в газету. Мистер Икс явился безоружным. Отсюда вытекает, что убийства он заранее не замышлял. За этим круглым столом состоялись дружеские переговоры. Предположим, о предоставлении долгосрочного кредита. Однако в ходе дебатов возникли разногласия по какому-то пункту, допустим, по поводу размеров суммы. Это привело к конфликту, и одна сторона нанесла удар другой стороне вот этим кирпичом. Нам же остается только выяс-

нить несущественную деталь — кто был этот таинственный посетитель.

Трубек запустил пятерню в свой лохматый чуб.

— Я бы не стал торопиться с подобной версией, — задумчиво протянул он. — И в особенности потому, что жертва в момент убийства находилась в постели.

Старший лейтенант с ехидцей заметил:

— Молодец, Борис! Вот видишь, Виктор, что значит учиться в институте.

Но не так просто было сбить с панталыку бывалого капитана.

— А это и не версия, а рабочая гипотеза, — уточнил он и перенес все внимание на раскрытый платяной шкаф. — Товарищ Страуткалн, вы не припомните, вся ли здесь одежда, которую вам случилось видеть на убитой?

Врач подошла к шкафу и стала нехотя перебирать висящие на плечиках платья, кофты и прочие вещи.

— Трудно сказать. Я тут не вижу зимнего пальто. У Лоренц было коричневое, с воротником из цигейки. Нет синего костюма и зеленого шерстяного платья, в котором она ходила в поликлинику.

— А не было ли у Лоренц драгоценностей? — поинтересовался Соколовский. — Вы у нее ничего такого не замечали?

— Не имею ни малейшего представления. Напротив, по-моему, Лоренц жила очень скудно. Как-то раз жаловалась, что даже на лекарства не хватает денег.

— Тем не менее имела счет в сберкассе. — И инспектор вынул из шкафа серую книжечку. — Сто сорок девять рубликов...

В этот момент шкаф шевельнулся и начал медленно двигаться к середине комнаты. Соколовский и Страуткалн отскочили в сторону.

— Помогите! — раздался за шкафом голос Трубека. — Или хотя бы не стойте на дороге. Здесь есть дверь в другую комнату.

Соколовский потрогал полоски бумаги, которыми были заклеены щели в двери.

— Придется сделать экспертизу.

— А это что за чудеса! — эксперт выудил из-под шкафа листок тетрадной бумаги с нарисованными на ней черепом и перекрещивающимися костями.

Соколовский взял бумажку.

— Тайны тысячи чертей и одной ведьмы. Детективный роман в четырех частях. Не хватает только подписи «Фантомас», и сразу стало бы ясно, кто убийца.

— Это она, сама старуха Лоренц, рисовала, — тут же стала плаксиво оправдываться Геновева Щепис. — Она мне всегда под дверь подсовывала такие картинки.

— Очень романтично, — посочувствовал капитан. — А вы на чем же отыгрывались? Что ей подсовывали вы? Быть может, вот это? — И он поднял с пола окурки папирсы.

Технический эксперт взял находку пинцетом.

— Визитная карточка, нетипичная для женщины. Прикус скорей всего мужской. В лаборатории уточним.

— Вот, я все-таки нашел роман. — Трубек протянул Соколовскому книжку в желтом переплете.

— «Катапульта», — прочитал инспектор вслух. На титульном листе стоял штамп библиотеки. — Здорово! Оказывается, старушку интересовали актуальные проблемы современной молодежи. Как вам это нравится, доктор? Василий Аксенов.

Страуткалн стояла возле комода и разглядывала черного металлического слоника.

— Сомневаюсь, — смущенно отозвалась женщина. — Вряд ли она много читала. Моя пациентка жаловалась на зрение.

— Оригинальная штучка, — Трубек взял слоника и внимательно осмотрел со всех сторон.

— Антикварная вещица, — заметила Майга Страуткалн, — Слоник всегда стоял вот тут на комодке. Но, помнится... у него был отломлен хвост. А этот цел и невредим.

— Может быть, снова отрос, — пошутил Соколовский. — В природе разные бывают чудеса. А теперь, товарищ следователь, напишем протокол осмотра места происшествия. Садись, Борис, тут ведь начальник ты.

5

Голубой «Запорожец» резко затормозил у здания суда. Майга Страуткалн, в нетерпении ожидавшая мужа, подбежала в машине.

— Где ты был так долго, Эдвин? Сейчас тебя вызовут!

Эдвин Страуткалн с невозмутимым спокойствием оглядел себя в зеркальце, провел расческой по белокурым волосам и разгладил брови. Высокий лоб, прямой, с небольшой горбинкой нос и глубоко посаженные, искрящиеся глаза давали ему повод считать себя интересным мужчиной. Он неторопливо вышел из машины, тщательно запер дверцы и направился к парадному.

— Ну как там дела? — равнодушно спросил он.

— Сегодня допрашивали соседей и дворника. Знаешь, Эдвин, я ничего больше не понимаю. Всегда считала себя хорошим психологом. Но эту несчастную женщину я все-таки не раскусила. Кое-какие странности я за ней замечала, однако...

— В ее возрасте это бывает, — заметил Эдвин.

— Сегодня о ней высказывали свое мнение несколько человек, — продолжала Майга. — О покойниках не принято говорить плохо. Тем не менее должна сказать, что моя пациентка была на редкость злой и нелюдимой. Какая-то отщепенка...

— Таких тоже на свете немало.

С подчеркнутой галантностью Эдвин распахнул перед женой дверь, пропуская ее первой.

— Ты сегодня удивительно хороша. Была в парикмахерской?

Майга вспыхнула.

— Благодарю за комплимент, но он неуместен. Неужели тебя совсем не интересуется этот суд?

— Больше всего меня интересуется, чтобы всегда была прекрасной моя жена.

— Пустомеля!

— Теперь моя очередь благодарить за комплимент. Они остановились перед дверью зала заседаний.

— Перестань, Эдвин, дурачиться. Ты же знаешь — я впервые в жизни на суде. Странная вещь: я всегда себе представляла прокурора невероятно строгим и желчным старцем с громовым голосом и парализующим взглядом питона. А этот ничего похожего! Даже иногда улыбается.

— Свидетель Страуткалн! — выкрикнул кто-то.

Эдвин открыл дверь и вошел в зал.

Председатель медленным движением снял очки и пристально смотрел на Страуткална, покуда секретарь записывала в протокол имя и фамилию свидетеля.

— Где вы работаете? Должность?

— В научно-исследовательском институте. Старший инженер.

— Что вам известно по делу об убийстве Алиды Лоренц?

— По сути, ничего, — пожал плечами Эдвин.

— Вы были на месте происшествия?

— Нет, там была моя жена.

— Вы знали Алиду Лоренц?

— Нет, не знал.

Судья принялся листать дело.

— Возможно, у прокурора есть вопросы?

Роберт Дзенис подался вперед.

— Пожалуйста, расскажите суду, когда и при каких обстоятельствах вам угрожали?

— Это произошло на третий вечер после того, как убийство было обнаружено. Около одиннадцати вечера позвонил телефон. Жена сняла трубку, и я заметил, что она побледнела. Какой-то незнакомый человек грозил рассчитаться с Майгой, если она будет вмешиваться в расследование убийства Лоренц. На следующий вечер звонок повторился. На этот раз трубку снял я. Мне велели передать жене, чтобы она не вздумала впутаться в эту историю. Не то будет плохо. Мол, в Риге хватает темных закоулков.

— Что вы на это ответили?

— Сказал, что сообщу в милицию.

— И сообщили?

— Да, жена поставила в известность прокуратуру.

— Том первый, сорок третья страница, — повернулся к судьям адвокат.

Дзенис продолжал:

— По всей вероятности, жена вам подробно рассказывала о происшествии на улице Вайрога?

— Разумеется, мы ничего не скрываем друг от друга. Тем более такой кошмарный случай.

— Быть может, вам известно, с кем еще она об этом говорила?

— Не знаю. Возможно, с приятельницами или с сослуживцами.

— Есть еще вопросы? — Председатель закрыл толстые папки с материалами дела и сложил их в стопу. — Нет? Тогда объявляю перерыв.

Ярко-желтый «Икарус» с шумом и ревом мчится по широкому асфальту улицы Ленина. Остались позади радиозавод и вагоностроительный. По обеим сторонам улицы потянулись, словно солдаты в почетном карауле, липы, клены и тополя.

На берегу Чертова озера асфальтовая лента делает петлю. Здесь конец маршрута. Дзенис выходит и, шурясь от яркого света, озирается по сторонам. Давненько он тут не бывал. Вокруг озера тоже выросли многоэтажные дома, как близнецы похожие друг на друга. Попробуй-ка сориентируйся. Еще хорошо, что старший лейтенант нарисовал план.

Дзенис поднимается на третий этаж и нажимает кнопку звонка. Дверь открывает статная блондинка. Она в нарядной пижаме. Аромат хороших духов. Роберт невольно делает шаг назад и с поклоном снимает шляпу.

— Я хотел бы видеть капитана Соколовского.

— Он дома. Входите, пожалуйста. Снимайте пальто.

У женщины низкий голос приятного тембра. Она слегка картавит.

Увидев Дзениса, Соколовский вскакивает с дивана.

— Привет, старик! Не верю своим глазам.

Судя по выражению лица, капитан искренне рад неожиданному гостю.

— Осмелился нарушить твой домашний покой. Видишь ли...

— Молодец, что пришел, Роберт. Как ты меня тут разыскал?

— Шамиль дал мне твой новый адрес. Я его видел в суде.

Дзенис с интересом разглядывает уютную комнату. Легкая мебель расставлена несимметрично, в углу небольшой шкафчик-бар. На светло-зеленых, теплого оттенка стенах развешаны глиняные маски и вазочки с цветами.

Хозяйка поправляет на голове ярко-алую ленту, огненным кругом охватывающую светлые локоны.

— Да, я же вас не представил друг другу, — спохватывается Соколовский. — Познакомьтесь

Женщина подает узкую холеную руку, ногти покрыты пунцовым лаком.

— Янина Цыбульска.

— Очень приятно. Дзенис.

Сколько ей лет? Румяные щеки, крупные, чуть подведенные глаза светятся вроде бы совсем еще молодым задором. На шее, однако, уже видны предательские морщинки. Такие у женщин обычно появляются годам к сорока.

— Я пойду приготовлю вам что-нибудь на ужин, — Янина отправляется на кухню.

— Яркая женщина, — говорит Дзенис, провожая взглядом хозяйку. — Где тебе посчастливилось ее пленить?

— Представь себе — в парикмахерской. Недалеко от нашего управления. Там и познакомились.

— И ты сюда переселился окончательно?

— Думаю, что да. Три месяца уже пролетели.

Роберт Дзенис внимательно изучает книжную полку.

— А как ты решил с Алиной и детьми?

Соколовский пожимает плечами и хмурится.

— Что поделать? Буду о них заботиться...

— Ладно, ладно, — Дзенис чувствует, что задал неуместный вопрос, и круто меняет тему. — Не подумай, что я хочу нотации тебе читать... Понимаешь ли, судебное разбирательство подходит к концу. Завтра я должен поддерживать обвинение. И тем не менее кое-какие обстоятельства не выяснены. Кое-где концы с концами не сходятся.

Соколовский несколько деланно усмехается.

— Ты что, опасаясь, как бы судья не вернул материал на исследование?

— Наоборот.

— Тогда я тебя не понимаю.

— Видишь ли, я не имею права поддерживать обвинение, если сам сомневаюсь...

— Чепуха, — перебивает его Соколовский. — Я тебя знаю, Роберт! Ты сейчас начнешь толковать о внутренней убежденности, не замкнувшейся цепи доказательств и о том, что любые сомнения в пользу обвиняемого. На сей раз, дорогой мой, все проще: наша птичка в самом начале прямо и откровенно во всем призналась. Я сам...

— Потому-то я и отмахал такой конец, чтобы ты мне рассказал, как это произошло. Ты же, можно сказать, герой этого дела.

Соколовский расплылся в самодовольной улыбке.

— Хорошо. Устраивайся поудобней и слушай.

С утра в городской библиотеке посетителей было сравнительно мало. Потому-то Лаума, обслуживавшая абонемент, сразу обратила внимание на рослого широкоплечего мужчину в драповом пальто. Лаума знала в лицо почти всех постоянных читателей библиотеки, а этого видела впервые.

Человек неловко огляделся по сторонам, затем решительно направился к столу выдачи.

— Девушка, — обратился он к Лауме, — не откажите в милости... спасти мою жизнь!

Лаума удивленно подняла брови.

— Как это понимать — в прямом или в переносном смысле?

— В любом!

Незнакомец оперся руками на стол и заговорщицки прищурился.

— Я сидел тут неподалеку в кафе. За одним столиком увидел девушку. Настоящий ангел! Рыжеватые волосы, ресницы — прямо как веера. Я уже стал соображать, как бы с ней познакомиться, но мой ангелок вдруг расправил крылышки и упорхнул.

Лаума изобразила на лице сочувствие.

— Ай-ай-ай, какая досада! Я только не понимаю, почему вы решили обратиться ко мне. Вроде бы я и не рыженькая, и ресницы у меня на веера не похожи.

— Все зависит от вас, — странный посетитель достал из кармана пальто желтую книжицу. — Дело в том, что она в спешке забыла на стуле свою книгу. На ней штамп вашей библиотеки.

— И вы решили оказать ей бескорыстную услугу?

— Почти угадали. Только мне еще надо выяснить, где проживает эта девушка.

Лаума взглянула на книжку.

— «Катапульты», Василий Аксенов. Сейчас посмотрим.

Она покопалась в картотеке и вынула учетную карточку.

— К сожалению, должна вас огорчить. Книга выдана Скайдрите Бебре. Помню эту девушку. Довольно симпатичная. Но ее внешность совсем не отвечает вашему идеалу. Нет у нее ни рыжей гривы, ни вееров-ресниц.

— Дорогая, сегодня химия и накладные ресницы

преображают женщину в мгновение ока до полной неузнаваемости.

— Улица Лугажу, общежитие Рижского строительного треста. Надо сказать, ваша симпатия очень неаккуратный человек. Книгу надо было сдать еще два месяца назад.

— Обещаю вам с ходу взяться за перевоспитание Скайдрите. Уверен, в кратчайший срок она станет образцовой читательницей. И большое вам спасибо за адрес.

В переулке капитана Соколовского поджидал милицкий «газик».

— Поехали на Лугажу! — сказал шоферу капитан.

— Вам кого? — спросила пожилая дородная женщина, вскидывая на пришельца сердитый, недоверчивый взгляд.

Голос у нее был скрипучим, словно немазаная калитка.

Тот вежливо и тихо ответил:

— Мне бы хотелось видеть коменданта.

— Я комендант. Что надо?

— В вашем общежитии проживает Скайдрите Бебре?

— Проживает. Ну и что из этого?

— Я ее двоюродный брат.

Женщина поднялась со старомодного кресла, красная плюшевая обивка которого местами протерлась уже насквозь. На посетителя она двинулась решительно и грозно, как атакующий танк.

— Видала я таких братьев, у которых в каждом кармане по бутылке.

— Да что с вами, мамаша! У меня хронический гастрит и холецистит. Я и наперстка не смею выпить, а вы — бутылка.

Непонятные слова сбили тетку с панталыку. Но сдавать позиции она не собиралась.

— Ходят тут всякие, к девкам шьются. Вот как вызову сейчас милицию!

Этим испытанным приемом комендантша надеялась обратить противника в бегство.

Но мужчина даже не шелохнулся в ответ на ее угрозу.

— Зачем же так сразу милицию? Я взаправду двою-

родный брат Скайдрите. Вчера приехал из Айнажей. Привез гостинцы и привет от тети. Вы не беспокойтесь, я только на минутку.

Комендантша не нашлась, что возразить, но и уступить ей так легко не хотелось.

— Сперва все овечками прикидываются... Ладно, на пять минут... Сорок шестая комната на третьем этаже. И чтоб без баловства.

«Вот цербер! — думал Соколовский, поднимаясь по лестнице. — Фельдфебель в юбке, форменный жандарм!»

В просторной светлой комнате стояло четыре койки. Дома оказались только две девушки. Капитан остановился в дверях и вежливо снял кепку.

— Мне нужна Скайдрите Бебре.

Курносая девушка в светлых спортивных брюках и кофточке с удивлением уставилась на незнакомого мужчину.

— Это я... Но я вас не знаю.

— Я из библиотеки.

Девушка вспыхнула.

— Вы, наверно, за книгой. Садитесь, пожалуйста.

— Да, я пришел за книгой. Срок сдачи истек два месяца тому назад.

Скайдрите медленно села на кровать и опустила руки.

— Что делать? Нет у меня этой «Катапульты». Дала Зенте почитать, а она больше носу не кажет.

Незнакомец разглядывал коврик над кроватью.

— Что за Зента? Подружка? И вы даже не знаете, где ее разыскать?

— В том-то и беда, что не знаю. Она почти год прожила тут, как приехала из деревни. Мы вместе работали на стройке.

— А потом сбежала, — как бы подсказал мужчина. — На строительстве работа трудная. Девочка не выдержала и смоталась назад к мамаше.

— Да нет же, Зента не белоручка, работы не боится. Просто познакомилась с каким-то типом. Никто из наших девчонок не видел этого парня, но, говорят, он намного старше ее. Наверно, это он и сбил Зенту с пути.

— Почему вы так думаете?

— Да так. Вдруг работа маляра стала ей неподходящей. Начала искать почище и чтобы платили побольше.

ше. Наверно, нашла, раз бросила в прошлом месяце работу.

— И из общежития тоже ушла?

— Конечно. Говорила, койку у какой-то старушки сняла. Адрес не оставила и книжку не вернула. А еще считалась подругой. Я даже не знаю, как теперь быть.

— Волноваться не надо, — успокоил девушку гость. — Давайте лучше подумаем, что нам делать с этой бесшабашной Зентой. Как ее фамилия?

— Сакум. Зента Сакум.

Мужчина как-то сдержанно встрепенулся.

— Хорошо, все будет в порядке. Я это дело улажу. А вы, Скайдрите, можете смело ходить в библиотеку. Там работает симпатичная девушка. Будет вам давать хорошие книжки.

Он подал на прощанье руку.

— Благодарю вас, большое спасибо. Обязательно приду.

Открывая дверь, капитан Соколовский чуть не сбил с ног сердитую комендантшу.

— Ведь божился, что на пять минут, — недовольно проворчала она. — С виду вроде порядочный человек, а обманываешь. Все вы теперь, мужчины, такие.

Настроение у Соколовского было отличное, и он добродушно пошутил:

— Не надо сердиться. От этого красота вянет. Вы же весь наш разговор подслушивали. И знаете, что ничего худого я вашей девушке не сделал. Так ведь?

Женщина опешила, а когда пришла в себя, Соколовского уже и след простыл.

На улице он замедлил шаг, сдвинул шляпу на лоб и задумчиво поскреб затылок.

«Ну так. Теперь ясно, кто была эта таинственная квартирантка Алиды Лоренц. Остается только разыскать эту девушку».

Прибавив шагу, Соколовский свернул за угол.

Рабочий день в Управлении внутренних дел давно начался, когда капитан Соколовский, входя в служебное помещение, резко распахнул дверь.

— Шеф у себя?

Долговязый старший лейтенант сидел за письменным столом и мирно чистил пистолет.

— Не стоит рисковать. Старик зол как черт. — Он кивнул на дверь кабинета. — Всю ночь просидел в засаде, а «крестник» так и не явился.

— Волков бояться — в лес не ходить! — подмигнул старшему лейтенанту Соколовский и осторожно приоткрыл дверь.

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Входите!

Подполковник милиции Крастынь сидел за письменным столом и просматривал оперативные донесения. Начальник отдела уголовного розыска пробегал глазами листок за листком и некоторые места подчеркивал красным карандашом, писал резолюции, делал пометки в настольном календаре.

— Ну-с, давай выкладывай! — с холодком в голосе произнес подполковник, не глядя на Соколовского. Тот молча сделал шаг вперед и положил на стол рапорт.

— Разрешите поехать в командировку!

Начальник отдела оторвал взгляд от бумаг и с интересом посмотрел на капитана.

— Опять в командировку. Это, что ли, по делу Лоренц?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Куда же?

— В Норильск.

Подполковник взял папиросу и закурил. Седую голову окутало почти непрозрачное облако дыма. Когда оно рассеялось, начальник отдела жестом предложил Соколовскому сесть. Усталые глаза рассеянно смотрели куда-то вдаль.

— Доложите о ходе расследования.

— Выяснил в общежитии имя и фамилию девушки, навел справки в нашем адресном столе, — начал Соколовский. — Сакум действительно была некоторое время прописана на улице Лугажу. А куда выбыла — отметки нет.

Подполковник откинулся на спинку кресла. Веки его были плотно прикрыты, и несведущему могло показаться, что он заснул. Однако Соколовский проработал много лет со своим начальником и знал, что тот внимательно слушает. И потому уверенно продолжал:

— Собрал сведения в отделе кадров Рижского стро-

ительного треста, узнал адрес матери. Мария Саукум проживает в совхозе, в Валмиерском районе. Оттуда год назад и приехала Зента в Ригу.

— Вы только нынче утром вернулись из Валмиеры?

— Так точно. Канители было много. Не хотелось пугать мамашу. Применил обходной маневр. Первым делом завел дружбу с почтарем — большой охотник выпить. За бутылкой старикан разговорился. Надо сказать, он в курсе дел всех окрестных жителей. От него я узнал, что Мария Саукум на днях получила письмо из Норильска.

Подполковник сидел неподвижно.

— Он убежден в том, что письмо было именно от дочери, от Зенты?

— Мария Саукум, по его словам, ни с кем переписку не вела. Почтальон хорошо запомнил штамп норильской почты. Он еще сказал, что, когда мать читала письмо, вид у нее был встревоженный.

Начальник отдела встал, подошел к окну, посмотрел на улицу.

— Стало быть, по-вашему, Зенту Саукум надо искать в Норильске?

— Считаю, что надо ехать в Норильск. Пока что это единственная возможность напасть на ее след.

— А если почтальон наболтал?

— Товарищ подполковник, я что, по-вашему, совсем уж лопух? На другое утро пошел на почту. Сортировщица тоже помнит это письмо. Более того, она узнала почерк на конверте. Такие же письма раньше приходили из Риги.

Подполковник по-прежнему стоял у окна.

— Хорошо, капитан, допускаю, в Норильске вы отыщете эту Зенту. А дальше?

— Девушка, несомненно, знает многое. Я уверен. Иначе она не бросила бы работу с такой поспешностью и не скрылась. Этот неожиданный рывок на Крайний Север очень похож на бегство.

Крастынь вернулся к столу. Взял рапорт Соколовского и наложил резолюцию.

— Ладно, поезжайте. Я сейчас свяжусь с Норильском по прямому проводу. Когда вылетаете?

— Сегодня ночью.

— Тогда попутного ветра тебе, Виктор!

Он сердечно пожал Соколовскому руку.

Сотрудники Управления внутренних дел гостеприимно встретили своего коллегу из далекой Риги. Им уже удалось выяснить, что Зента Саукум действительно недавно поселилась в Норильске. Работает на горнорудном комбинате, живет в общежитии. Прописана девятнадцатого октября, приблизительно неделю спустя после убийства Лоренц.

— Мне необходимо срочно допросить эту девушку, — уточнил свои намерения Соколовский.

— Можем доставить хоть сейчас, — предложил начальник уголовного розыска и отдал приказание младшему лейтенанту: — Петя, садись в машину и кати в общежитие. Если там не застанешь, давай прямо на комбинат. Ясно?

Не прошло и часа, как лейтенант привел невзрачную худенькую девушку. Остроносое личико с большими темными глазами, с тонкими, как бы в удивлении поднятыми вверх бровями, пухлым ртом обрамлял толстый шерстяной платок, завязанный сзади на шее узлом. Худые ноги, свободно болтавшиеся в непомерно больших валенках, казались от этого еще тоньше...

— Лабвакар, Зента! — поздоровался Соколовский с девушкой по-латышски.

Она вздрогнула.

— Присядь, малышка, — фамильярно продолжал капитан. — Давай поговорим. Я ведь специально приехал из Риги, чтобы спросить у тебя, за что ты укущила Алиду Лоренц.

Зента вмиг как-то съежилась и опала.

— Я не хотела, не думала... Честное слово, я сама не знаю, как все случилось, а...

Соколовский опешил. Такого поворота дела он не ожидал. Все, что угодно, но не признание в убийстве.

Капитан был убежден, что внезапный отъезд девушки связан с таинственным происшествием на улице Вайрога, что ей многое известно. Он рассчитывал с помощью Зенты напасть на след преступника и потому надеялся, что такое вот неожиданное обвинение сразу развяжет девчонке язык. Это был испытанный и нехитрый психологический прием. Нередко человек, став очевидцем тяжкого преступления, в первую очередь пробует скрыться. Замыкается в себе и, трясясь от страха, выжидает развязки. Когда же нагрянет опасность, то срабатывает инстинкт самосохранения. Спасая свою

шкуру, он в отчаянии выдает участников преступления, не щадя даже самых близких людей. Соколовский только на это и рассчитывал. Ему и в голову не приходило, что эта девочка сама могла убить Алиду Лоренц.

Капитан быстро взял себя в руки.

— Рассказывайте все по порядку. Во-первых, кто вам предложил снять койку у Лоренц?

— Никто. Я сама.

— А может, все-таки ваш друг или знакомый?

— Нет у меня друга.

— Это неправда. Вы сами рассказывали девушкам о своем парне.

— Рассказывала, — созналась после паузы Зента. — Потому что они все время дразнили меня старой девой. Я и придумала, будто у меня тоже есть друг, лишь бы они отвязались. Хоть верьте, хоть не верьте, но ни одна из наших девчонок его ни разу не видала.

— Верно. Чего не было, того не было, — согласился Соколовский. — А как вы познакомились с Алидой Лоренц?

— Совсем случайно, у доски объявлений. Плохо мне было в общежитии. К девчонкам приходили знакомые ребята. Иногда гулянки устраивали. Я училась в вечерней школе и не могла готовить уроки при таком шумё.

— Но первым делом вы ведь бросили работу.

— Так получилось. Не по силам была мне эта работа. Подвернулась возможность поступить ученицей в шляпную мастерскую. Специальность подходящая, и зарабатывать можно прилично.

Ответы Зенты звучали правдиво.

— Что же было дальше? Стали враждовать с хозяйкой квартиры?

— Никакой вражды не было. Это вышло нечаянно.

— Нечаянно убили человека?

— Лоренц была жутко вредной старухой. Никогда ей было не угодить. За койку драла большие деньги и еще придиралась на каждом шагу. Я терпела сколько могла, старалась ей не перечить. Боялась остаться на улице.

Зента поджала губы.

— Расскажите про тот вечер.

— Я в тот день пришла домой очень усталая. С ног прямо падала. Да еще схватила двойку за контрольную

по математике. И так было тошно, а хозяйка принялась мне мораль читать. Я не выдержала...

— И взялись за топор.

— Нет, я стала на нее кричать. Первый раз в жизни выругалась и велела ей заткнуться. И еще пригрозила, что, если не замолчит, хвачу ее чем-нибудь.

— А она? Показала на дверь?

— Стояла посреди комнаты и трясла кулаками. Обзывала меня всякими словами, грозилась на работу пожаловаться. А потом... Сама не знаю, как у меня в руках оказался кирпич. Я не хотела ее ударить, честное слово, — понурилась Зента. — Ей-богу, не хотела. Сама не понимаю...

На капитана смотрели влажные, до смерти перепутанные глаза.

— И потом выбросили кирпич в окно?

— Нет, за шкаф кинула.

— А почему окно осталось открыто?

— Не знаю, уже не помню. Может, окно было открыто, не заметила. Только я его не открывала. Лоренц никогда не давала открывать окно, не позволяла проветривать комнату.

— Что же было потом?

— Со страху накидала на хозяйку сверху одеяла и подушки, взяла свой чемоданчик и бросилась бежать.

— Перед тем как уйти, в шкафу или в комодке что-нибудь искали?

— Да, свою одежду забрала.

— Но из шкафа исчезли кое-какие вещи Лоренц?

— Да что вы! К чужому я никогда даже не прикасалась!

— Впопыхах дверь, наверно, не заперли.

— Н-нет, не может быть, — подумав, возразила Зента. — Нет, нет, заперла. Я это хорошо помню. Потом всю ночь проходила по улицам. Как помешанная была. Несколько раз хотела пойти в милицию, но не осмелилась. На другое утро взяла расчет и уехала в Москву. Оттуда полетела в Норильск. Старалась уехать как можно дальше.

Наступило гнетущее молчание. На чистом бланке протокола капитан Соколовский задумчиво рисовал чертиков. Одного, другого, третьего... Словно проверяя себя, он мысленно сопоставлял факты. Картина убийства, столь отчетливо нарисованная Зентой Саукум, соответ-

ствовала тому, что он видел своими глазами в квартире Алиды Лоренц. Сваленные на труп одеяла и подушки, кирпич за шкафом, раскрытый комод, запертая дверь комнаты...

Однако капитан не испытывал профессионального удовлетворения, всегда сопровождающего раскрытие тяжелого преступления. Напротив, он ощущал разочарование. Вместо матерого бандита перед ним стояла худышка с большими детскими глазами. Что поделает, бывает в жизни и такое...

— Отправитесь со мной в Ригу, — объявил о своем решении капитан. — Или будем оформлять арест официально?

Зента поняла.

— Не сбегу. Все равно разыщете.

— Ладно, тогда поехали в общежитие за вещами.

9

Зал суда был набит до отказа. У самых дверей даже нельзя было различить лица людей — они сливались в одну сплошную гудящую массу.

Сегодняшнее заседание обещало быть интересным. Свидетели уже были допрошены, эксперты подтвердили свои заключения, подсудимая призналась в содеянном преступлении. Публика с нетерпением ожидала обвинительной речи прокурора.

На последних скамьях студенты с юридического сдвинули головы вместе. Девушка с русыми косичками торопливо листает «Уголовный кодекс».

— Пожалуй, точнее будет квалифицировать как особо жестокое убийство.

Худой и длинный юнец полностью с ней согласен:

— Конечно, Миллия. Зверское убийство, жесточайшее. Кирпич-то ведь был такой жесткий!

— Эх вы, лопухи, наверняка это будет убийство в состоянии сильного душевного волнения, — включает-ся в разговор брюнетка в очках.

— А может, убийство при самозащите или по неосторожности, — робко высказывает свое предположение еще кто-то.

Адвокат Робежниец явно скучает. Он больше не

смотрит на публику, а, поджав губы, что-то рисует в своем блокноте.

Через полузакрытые двери народ помаленьку проти-скаивался в зал и толпился в проходах.

Разговоры внезапно смолкли. В зале суда мгновенно воцарилась напряженная тишина. Все взгляды обратились на боковую дверь. На пороге возник дюжий широколицый милиционер. За ним семенила щупленькая девушка. Рядом со своим стражем Зента Саукум выглядела и вовсе ребенком. Жиденькая челка прикрывала и без того невысокий лобик. На худом личике была написана покорность неотвратимой и жестокой судьбе.

Девушка послушно прошла к отгороженной барьером скамье подсудимых. Мгновение поколебавшись, опустилась на нее. Сидела одинокая и поникшая.

Затуманенный взгляд Зенты бесцельно блуждал по коричневым стенам, по ребристым сводам потолка, покуда не застыл на тяжелой дубовой люстре с лампами в виде свечей. Казалось, девушка лишь сейчас окончательно поняла, где находится.

Темная туча заслонила солнце, и в зале стало сумрачно, но ненадолго — спокойный, ровный свет вскоре опять залил переполненное помещение.

Прокурор бросил на подсудимую короткий взгляд, который задержался на миг на ее лице и соскользнул в сторону. На лбу государственного обвинителя собрались глубокие складки.

Дзенис медленно встал и заговорил спокойно, как бы размышляя вслух. Его голос постепенно становился громче, каждое слово падало камнем в тревожную тишину.

— Мы заслушали показания свидетелей, заключения экспертов. Признание подсудимой Саукум, казалось бы, объективно совпадает с другими обстоятельствами дела. Однако если углубиться в его сущность, то возникает ряд вопросов, на которые следствие не дало ответа. Зента Саукум точно описала место происшествия. Не подлежит сомнению то, что она там была. Очень вероятно, что она является соучастницей преступления. Однако нет бесспорного доказательства того, что убийство совершила она. Подсудимая призналась. Но ведь всякому юристу известно, что признание не является

доказательством вины, если оно не находит иных убедительных подтверждений.

Голос прокурора звучал сурово и с оттенком горечи.

— Обвинение зиждется в основном на показаниях самой Зенты Сакум, — продолжал Дзенис. — Но они идут вразрез с неоспоримыми фактами, а стало быть, вызывают сомнение. Обвиняемая утверждает, что нанесла Лоренц удар кирпичом посреди комнаты. Однако пятна на стене говорят о другом: Лоренц убита в постели. Когда опергруппа прибыла на место происшествия, окно в комнате не было заперто на задвижку. Если же верить Сакум, то ни она, ни Лоренц его никогда не раскрывали. В довершение всего исчезла наиболее ценная одежда убитой. Обвиняемая утверждает, что вещи она не трогала. Ложь? Не исключено. В таком случае каким же ее показаниям можно верить?

Дзенис на мгновение умолк, и в жаркой тишине зала был слышен лишь скрип пера судьи. Люди словно боялись пошевелиться. Обе старушки возле окна так и застыли с раскрытыми ртами. Притихла даже неукротимая студенческая «камчатка». Ребята с любопытством вытянули шеи, предчувствуя неожиданный поворот в ходе судебного процесса. Однако обвиняемая, кажется, не отдавала себе до конца отчета в том, что происходит вокруг.

— Цепь доказательств не замкнута, — продолжал Дзенис. — Отсутствует ряд важных звеньев. Ввиду этого я не имею права назвать Зенту Сакум убийцей. Не исключено, что за ней стоит один или даже несколько преступников, которые завтра будут угрожать жизни других людей. Не исключено также, что обвиняемая боится назвать их имена.

По рядам пробежал ропот удивления. Дзенис невольно повысил голос.

— Товарищи судьи, мой долг исчерпать истину до последней капли. Посему прошу передать материалы дела на исследование в прокуратуру.

Дзенис сел. Вид у него был усталый.

Зента Сакум подняла влажные, полные отчаяния глаза на прокурора. Она дышала тяжело, будто взвалила на себя непосильный груз. Потом сгорбилась и уронила голову на грудь.

В этом году весна в Риге финишировала бурно: еще не кончился май, а город утопал в цветущей сирени.

По тенистым дорожкам бульвара у древней Бастионной горки носилась ватага школьников. Побросав на скамейки свои пальтишки и ранцы, детвора шумно «штурмовала высоту».

Под Большими часами прохаживались молодые люди, нетерпеливо на них поглядывавшие. Рядом, на мосту через канал — пестрая группа экскурсантов. Гости как зачарованные не могли оторвать взор от лебедей. А тем хоть бы что — плывут себе, горделиво выгнув шею, наслаждаются солнышком и свободой.

Однако настроение у помощника прокурора Роберта Дзениса в тот день было отнюдь не весенним. Подхваченный людской толпой, он медленно шел по улице, немного нескладный в своем мешковатом костюме. Зигрида позвонила и сказала, что задерживается в редакции — дописывает статью в завтрашний номер. Надо теперь самому тащиться в детский сад за Марите, по пути купить хлеба и молока. Надо бы и в школу заглянуть, поговорить с классным руководителем Ольгерта. Мальчишка в последнее время совсем от рук отбился. В дневнике одни тройки.

И тут еще дело Зенты Саукум. Мысли непрерывно возвращаются к нему. Суд не согласился с его выводом и дал девчонке семь лет.

Дзенис был настолько погружен в размышления, что не обратил внимания на темно-красный «Москвич», остановившийся у края тротуара. Смуглый мужчина в модной замшевой куртке с вязаными рукавами и воротником приоткрыл дверцу машины.

— Маэстро, карета подана. Разрешите вас подвезти.

Дзенис не питал особой симпатии к адвокату Робежниеку. И тем не менее решил воспользоваться его любезностью.

— Странная вещь, товарищ прокурор, — в глазах Робежниека блеснула искорка иронии. — Ведь сегодня утром мы с вами фактически поменялись ролями. Даже я, защитник Саукум, не усмотрел ни малейшей воз-

возможности отрицать ее виновность. А государственный обвинитель еще бы чуть — и добился оправдания подсудимой.

— Разве это было бы так плохо? — спокойно парировал Дзенис.

— Вы, я вижу, философ.

— Ничуть. Я отнюдь не пытался добиться оправдательного приговора, а лишь дополнительного расследования. По-моему, это далеко не одно и то же.

В следующий миг Дзенис едва не вышиб лбом ветровое стекло. Перед самым радиатором машины промелькнуло юное существо, чей пол по внешнему виду определить было нельзя. Оно, по-видимому, намеревалось ошеломить публику удалью и проскочить под самым носом «Москвича». И чуть не угодило под колеса. Робезник едва успел затормозить.

— Скотина! — в сердцах выругался адвокат. Затем обратился к Дзенису: — Вы, маэстро, всегда были правдорборцем. Но где она, ваша правда? Допусти шофер малейшую оплошность, и автоинспектор тут же лишает его водительских прав или пробивает дырку в талоне. Зато любой разиня пешеход может вытворять на улице все что угодно.

Дзенис поглядел, как потомок Тарзана поспешно ретируется с места чуть было не состоявшегося происшествия.

— Если бы вы догнали этого малого и вздули, я на минутку позабыл бы о том, что работаю в прокуратуре.

Робезник покосился на своего пассажира.

— А вы не такой тихоня, каким кажетесь. Поэтому, наверно, вас так и заело дело Зенты Сакум.

— Я ей не верю.

— Вот оно что! Прокурор не верит чистосердечному признанию обвиняемого. Оригинальный подход!

— А вы сами разве полностью исключаете мысль, что не Зента, а кто-то другой...

— ...отправил старуху на тот свет? Ну и что? Один лезет зимой купаться в проруби...

— Другой кидается с пятого этажа от несчастной любви, — с мрачной иронией подхватил Дзенис.

— Вот именно. А этой девчонке захотелось посидеть за шведскими гардинами. Ну и пусть сидит себе на здоровье. Не знал, что так печется о спасении душ заблудших овечек.

— Нет, нет, я не намерен вторгаться в сферу вашей деятельности.

— Что вы хотите этим сказать? Уж не то ли, что адвокат Робежник перед лицом суда норовит отмыть добела черного кобеля?

— Не перед судом, а перед публикой. Ведь это вам выгодно: растет клиентура, а с ней и доходы.

Не отрывая взгляда от дороги, Робежник ловко закурил сигарету и ухмыльнулся.

— Что поделаешь? Сэ ля ви, как говорят французы. Такова жизнь.

— Н-да, как видно, у нас с вами взгляды на нее весьма различаются.

Адвокат вздохнул с деланной досадой.

— В этом-то и вся беда, дорогой коллега. Разумеется, ваша беда. Жизнь отпущена человеку единожды, и желательно прожить ее с комфортом. Разве я не прав?

— Признаться, я об этом не задумывался.

— Челуха! О хорошей жизни мечтают даже распоследние дураки. Только не каждому по уму устроить ее для себя. Иной уже в двадцать лет норовит просунуть глупую башку в хомут супружества и весь век влачит семейную колымагу. А то и похуже — разводы, матери-одиночки, брошенные дети, папаши-алиментщики... Бр-р-р!

— Вы убежденный холостяк?

— Упаси боже! Я за семью. Только в разумной дозировке. — Робежник проводил долгим взглядом девушку в ярко-красном брючном костюме, прогуливавшуюся по аллее. — Придет время, и я брошу якорь в тихой гавани супружества. Не хочу одинокой старости. А пока что стараюсь жить полноценной жизнью. Скажите, Дзенис, вы когда-нибудь проводили отпуск в Сочи или в Ялте?

— Нет. Летом мы, как правило, отдыхаем в палаточном городке на Гауе.

— Это прекрасно. Но, дорогой мой, неужели так вам никогда и не хотелось отведать плодов цивилизации двадцатого века?

— В каком смысле? — не без ехидства улыбнулся Дзенис. — Для меня, например, самая большая радость — это провести свободное время с женой и детьми.

Робежник усмехнулся, но промолчал.

Машина катилась под сенью вековых деревьев бульвара Падомью. На обширных газонах садовники высаживали цветочную рассаду.

— Сколько вам лет, Ивар? — неожиданно спросил Дзенис. — Тридцать или даже того меньше?

— Давайте, давайте, Дзенис, продолжайте. Обожаю лекции о моральном облике молодежи...

— Я имел в виду другое, — перебил его Дзенис. — Вы помните дело Скалберга? Сколько энергии вы в него вложили, сколько бессонных ночей оно вам стоило! Мне тогда понравился молодой и способный адвокат Робежниец, с таким азартом исполнявший свой долг юриста и гражданина. Вы доказали невиновность Скалберга и предотвратили чудовищную судебную ошибку. Какие чувства вы испытывали после заседания суда, когда его освободили из заключения?

Робежниец усмехнулся и стал притормаживать — впереди, на перекрестке у драматического театра, зеленый огонек светофора помигал и сменился желтым.

— Вас интересуют мои тогдашние чувства? Наивный вопрос. Почувствовал приятный хруст банкнотов в кармане.

— Ну знаете ли! — возмутился не на шутку Дзенис. — Не притворяйтесь худшим, чем вы есть на самом деле.

— По-моему, лучше уж так, чем наоборот. Или вам больше по душе негодяи, прикидывающиеся святошами?

Помощник прокурора хмуро смотрел вперед и на провокационный вопрос ответил не сразу.

— Знаете, Ивар, очевидно, вы избрали для себя верный путь в жизни. Вы прирожденный адвокат.

— Благодарю за комплимент.

— Серьезно. Вы одаренный человек. Зато из вас никогда не вышел бы следователь или оперативный работник.

Робежниец сдвинул к переносице брови и спросил неожиданно серьезно:

— Вы убеждены в этом?

— Абсолютно. Разыскать нужных свидетелей, нащупать слабые места в обвинении, а потом эффектно преподнести суду свои выводы, заодно блеснуть остроумием перед большой аудиторией — все это вам удастся без труда. А вот изо дня в день по крохам собирать

доказательства, разрабатывать и проверять версию за версией — это уж вам не по плечу. У вас не хватило бы ни настойчивости, ни терпения, ни...

Дзенис осекся.

— Стоп! Вот я и приехал. Мне надо забежать за дочкой в детсад. Спасибо, Ивар.

Робежниеке резко затормозил. На его лице была не свойственная ему серьезность.

— Как говорится, зуб за зуб. Я тоже буду откровенен. — Робежниеке достал сигарету, закурил и выключил двигатель. — Я ваш характер знаю, Дзенис. Чего бы вам ни стоило, вы добьетесь доследования по делу Саукум. А раз так, то вникните получше в заключение экспертизы. Похоже, вы оставили без внимания немало-важное обстоятельство: смертельные удары были нанесены Лоренц по правому виску. Уж не был ли убийца левшой? Зента Саукум не левша. Я это проверил.

Помощник прокурора открыл было дверцу машины, но снова захлопнул.

— Чувствую, что становлюсь вашим должником. Не понимаю только, почему в суде...

●В Робежниеке вновь заговорил давешний циник.

— Угождал своим клиентам. Саукум очень желала, чтобы ей вынесли обвинительный приговор. Вы разве этого не заметили?

— Отказываюсь вас понимать, Робежниеке.

Дзенис вышел из машины.

— Вы многого не понимаете, уважаемый коллега. И не замечаете. Вы обратили внимание на свидетеля Майгу Страуткалн? На редкость привлекательная женщина, должен вам сказать...

И, помахав Дзенису рукой, Робежниеке резко дал газ. Машина набрала скорость и скрылась за углом.

2

В тот вечер Роберту Дзенису долго не удавалось заснуть. Тихонько, не зажигая света, чтобы не разбудить Зигриду, он выскользнул в коридор. Заглянул в смежную комнату. Марите сладко посапывала в обнимку со своим любимым медвежонком. Ольгерт беспокойно метался во сне и что-то бормотал. Роберт укрыл сынишку, вышел на балкон.

Легкий ветерок овеивал лицо, шею, забирался под пижаму и приятно ласкал тело.

Дзенис задумчиво смотрел на темное небо и вспоминал другую майскую ночь, увы, давно минувшую. Студенту Роберту Дзенису тогда тоже не спалось. В точности, как сегодня, он стоял в общежитии у распахнутого окна, и в голове беспорядочно роились мысли.

Накануне профессор сказал на лекции, что стать юристом, как и врачом, имеет право лишь тот, кто любит людей, верит им. Вечером в общежитии по этому поводу развернулись ожесточенные дебаты.

— Старик, безусловно, прав, — держал речь кудрявый Марек, величайший философ на их курсе. — В каждом человеке, и даже в распоследнем преступнике, где-то в глубинах его натуры тлеет искорка добра. Иной раз бывает трудно разглядеть этот крохотный огонек. Долг юриста его разжечь, заставить гореть ярким пламенем и вернуть человека обществу.

— Как это прикажешь понимать? — возмутилась Мария, шупленькая блондиночка. — Мы, значит, должны стать такими всепрощающими христианскими пастырями? Ты укуошишь человека, а я тебя поглажу по головке и легонько пожую: «Ай, ай, ай, мальчик, как ты нехорошо поступил, так делать нельзя». А на другой день ты преспокойно свернешь шею еще кому-нибудь. Ложно понимаемый гуманизм! Преступников необходимо строго карать без всякого снисхождения и жалости.

— При чем тут жалость? Никто не проповедует жалость! — возразил Марек. — У нас есть милиция, суд, прокуратура, по всей строгости взыскивающие с преступников и нарушителей законности. В этом и проявляется истинный гуманизм.

— Ага! — потирала руки Мария. — Теперь сам же себе и противоречишь!

— Никакого противоречия в этом нет.

В спор вмешался Роберт. Он редко принимал участие в словесных баталиях. Но если случалось высказаться, то каждое его слово било в цель. Авторитет Дзениса среди однокурсников был непререкаем.

— Карать и воспитывать. И никакого противоречия в этом нет, — веско заметил Роберт. — Кара — один из методов воспитания. Одному надо помочь стать на путь истинный. Другому достаточно небольшого нака-

зания. Но есть и закоренелые правонарушители, которые берутся за ум лишь тогда, когда их надолго изолируют от общества.

— Выходит, для каждого нужно издавать отдельный закон? — не уступала своих позиций Мария.

— Зачем же? — продолжал Роберт. — Закон для всех один. Но применять его надо с умом.

— А где взять такой дозиметр, чтобы определить, по какой мерке отмерять в том или ином случае? — задиристо спросила Айя, бойкая толстушка со второго курса.

— Вот тут-то собака и зарыта, кисонька. Не всякому это по плечу, — иронизировал Марек. — На плечах надобно иметь головку, а вот тут, в грудной клетушке, чуткую душу, — ехидно добавил он и приложил руку к сердцу. — А теперь, философы, послушайте.

С этими словами Марек взял с полки небольшую книжицу.

— Клапье де Лука Вовенарг, французский писатель, восемнадцатый век. — Он открыл на нужной странице и стал читать вслух: — «Разум и чувство помогают друг другу и дополняют друг друга. Тот, кто следует советам одного из них, отказываясь от другого, нерасчетливо лишает себя той помощи, которая дана нам для нашего руководства».

Эти отдающие архаикой, но мудрые слова на всю жизнь запали в сердце Роберта.

С помощью холодного рассудка юрист воспринимает факты, анализирует показания, оценивает преступление с точки зрения его опасности для общества. Но вот он с глазу на глаз встречается с обвиняемым, наблюдает его, изучает характер, образ мыслей, отношение к содеянному, выясняет психологические мотивы, побудившие человека к преступным действиям. И тут к рассудку присоединяется чутье — личные эмоции и впечатления юриста, его внутренняя убежденность. Вот теперь он имеет право принять решение, как действовать дальше. Если следователь, прокурор, судья обладают способностью разумно сочетать рассудок с интуицией, то их решения, несомненно, будут точны и справедливы.

Эмоциональное восприятие юриста зачастую входит в противоречие с обстоятельствами уголовного дела. В таком случае нельзя спешить с выводами. Необходимо все тщательно взвесить, обдумать. И уж если ты

пришел к определенному заключению и убежден в его точности — не бойся принять на себя ответственность, действуй смело и безоговорочно, без трусливой оглядки.

...Блуждая в прошлом по закоулкам памяти, Роберт Дзенис даже не заметил, как над темной стеной дома напротив заблестел краешек луны. Край довольно быстро округлялся, покуда серебристый диск не оторвался от крыши и не выплыл в открытое небесное море.

Темные деревья на тротуаре отбрасывали призрачные тени на пустынную мостовую. На черной листве мерцала бледная лунная дорожка. Она тянулась все дальше, до тех пор, пока не уперлась в кустарник на сквере у перекрестка.

«Светлая тропинка, — подумалось Роберту. — Как трудно бывает иной раз отыскать ее в жизни! Вот и в деле Зенты Саукум столько еще неясного, еще так много темных мест, которые надо высветить».

В ходе следствия девушка многие свои показания повторяла слово в слово как зазубренный урок. Именно эта точность не устраивала Дзениса. Очень редки случаи, когда люди вспоминают происшествие во всех подробностях.

Дзенис помнил, как выглядела Зента Саукум на суде: смиренная, даже флегматичная, с замедленной реакцией. Такой человек вряд ли способен потерять самообладание и убить другого в ссоре из-за пустяка.

С какой готовностью рассказывала она все до мельчайших подробностей, словно опасалась, что ей не поверят. Обвиняемые так поступают лишь в одном из трех случаев: когда стараются угодить следователю или судье в надежде на смягчение наказания, с намерением скрыть другое, более тяжкое преступление или же если хотят выгородить истинного виновника.

От внимания Дзениса не ускользнула тревога Саукум, когда он потребовал дополнительного следствия. Когда же суд огласил приговор, который, казалось бы, должен привести ее в смятение, Саукум странно успокоилась. Несомненно, она что-то скрывает; Но что? Неужели это так и останется тайной?

Роберт Дзенис по-прежнему стоял на балконе. Небо на востоке затянулось облаками. Одна за другой гасли сонные звезды. Ночной холодок пробирал все глубже.

«Утро вечера мудренее», — решил Роберт и пошел спать.

Ивар Робежник просунул голову в окошко регистратуры.

— Дайте, пожалуйста, номерок к врачу Страуткалн.

— Карточка есть? — не поднимая взгляда, спросила девушка.

— Извольте.

Робежник подал свою визитную карточку.

— Вы что дурака валяете, гражданин! Я спрашиваю, есть ли у вас амбулаторная карточка! Бывали у нас или вы первичный больной?

Адвокат развел руками.

— К сожалению, нет. Если бы знал, что тут такие симпатичные девушки...

— Паспорт! — коротко потребовали у него.

— Очень жаль, но не захватил с собой. Могу предложить только служебное удостоверение.

Девушка была неумолима.

— Мне нужен паспорт. Может, вы не из нашего района.

— Из вашего, дорогая, — адвокат что-то прикинул в уме. — Улица Бикерниеку, шестнадцать. Это ведь ваш район?

— Ничего не знаю. Без паспорта не имею права заводить на вас карту.

— У меня высокая температура. Бросает то в жар, то в холод. Необходима срочная медпомощь. Не верите? Дайте градусник.

Регистраторша смягчилась.

— Ладно уж. Как для тяжелобольного сделаю исключение. А в следующий раз обязательно берите с собой паспорт. Держите номерок. Семнадцатый.

В коридоре перед кабинетом врача толпились люди. Робежник вышел на лестницу покурить. Когда вернулся, его очередь уже прошла. У врача побывал уже двадцатый и даже двадцать пятый номер. Адвокат терпеливо ждал. Время тянулось медленно, как больная черепаха.

Наконец, из кабинета вышел последний посетитель. В двери появилась медсестра.

— Есть еще кто на прием?

Робежник подал свой номерок.

— Я немного опоздал и потому ждал, когда пройдут все.

— Входите, пожалуйста.

В белом халате Майга Страуткалн показалась Робезнику еще привлекательнее, чем на суде. Она сидела за столиком. Халат снизу был слегка приоткрыт, юбка подтянулась кверху.

Перехватив нескромный взгляд пациента, Страуткалн запахла полы халата.

— Садитесь. На что жалуетесь?

— Сердце болит, — вздохнул адвокат.

— Боль щемящая или колющая?

— Нечто среднее.

Врач с подозрением посмотрела на больного. Измерила пульс, кровяное давление, выслушала сердце и легкие.

— Изжога есть?

— Да, очень сильная.

— Головокружение бывает?

— Бывает и головокружение.

— И боль в пояснице?

— Почти ежедневно.

Врач с трудом сдерживала смех.

— Скверно, — заключила она. — Придется немедленно положить вас в больницу. Необходимо клиническое исследование. Анализ крови из вены, рентгеноскопия кишечника, анализ желудочного сока и желчи...

Робезник поежился.

— Доктор, но у меня болит ведь только сердце. Неужели его теперь лечат методами средневековых пыток?

— Извините, но мне уж видней, что делать, — сухо сказала врач.

— Но, быть может, все это можно в амбулаторном порядке, под вашим надзором? Хотелось бы...

— Ни под каким видом, — в том же непреклонном тоне возразила врач. — Только в больнице, в условиях стационара. Сейчас позвоню, чтобы подготовили место.

Страуткалн взялась за телефонную трубку.

— Одну минутку! — задержал ее руку Робезник. — По-моему, мне уже лучше.

Глаза Майги Страуткалн лукаво заискрились.

— Вот видите. А ведь многие больные не верят в психотерапию.

— Я же сказал, что хочу лечиться только у вас.

— Пришли к этому решению еще тогда, в зале суда? Робезник рассмеялся.

— Стало быть, узнали?

— Как только появились на пороге. У меня хорошая зрительная память. А минутой позже я убедилась в вашем незаурядном здоровье.

— Выходит, разыграли меня?

— Да нет, отчего же. Просто теперь мы квиты.

Робезник был восхищен.

— Вы изумительны!

— И вы пришли только ради этого сообщения?

Адвокат встал.

— Вопрос по существу. Кабинет врача неподходящее место для частных бесед. Прием ведь уже окончен. У входа стоит моя машина. Разрешите...

— С работы я предпочитаю ходить пешком. Прогулка на свежем воздухе — надежная защита от микробов и инфекций.

— С удовольствием составил бы компанию, если не возражаете. Только сомневаюсь, что хождение по пыльным улицам отвечает требованиям гигиены. У меня другое предложение. Поедьте на взморье. Вы когда-нибудь гуляли по пляжу в мае месяце?

Страуткалк сняла халат.

— Соблазнительное предложение. Только...

Она взглянула на часы. Затем неожиданно решилась.

— Хорошо! Только с одним условием. В семь я должна быть дома.

Робезник поклонился.

— Ваше желание будет исполнено. Как говорили раньше: ваша воля для меня закон.

Взморское шоссе, летом обычно переполненное машинами, теперь было пустынным и маяющим. Робезник смело прибавил газу. Стрелка спидометра поползла вверх. Майга опустила боковое стекло.

— Люблю такую скорость. Мой муж не ездит быстрее шестидесяти.

— Последовательный человек. Простите, а он ревнив? — поинтересовался адвокат. — Может быть, мне предстоит дуэль?

— Чепуха, мой муж не так уж глуп, к тому же у него нет никакого повода для ревности.

Позади остался мост через Лиелупе. Дорога пошла сосновым лесом. Вскоре за деревьями замелькали дачки.

У концертного зала в Дзинтари Робежниеку остановился и помог своей спутнице выйти из машины.

К пляжу вела асфальтовая дорожка. Порыв ветра метнул в лицо влажный привет моря, пошуршал в кустарнике и затих среди сосен. Солнечные лучи, расширяясь о синие волны, рассыпали ослепительные искры, и глаза приходилось все время щурить или прикрывать ладонью.

Вокруг не было ни души, если не считать одной парочки в отдалении. Парень, защищая девушку от ветра, прикрыл ее своим плащом и крепко обнимал.

Море шумело и звало. Синие с прозеленью волны, облитые молочно-белой пеной, набегали на песок, но, передумав, медленно возвращались в море. Чайки с вызывающими криками пролетали низко над водой и терялись среди белых гребешков.

— Как тут хорошо, когда нет людей, — сказала Майга. — Трудно себе представить, что через месяц тут будет толчея, как на рынке. Такое взморье я не люблю.

— Вы индивидуалистка, — засмеялся Робежниеку. — Избегаете людей.

— Ничего подобного. Людей я люблю. Но иногда они меня утомляют, и тогда хочется побыть одной.

Под ногами похрустывали мелкие белые ракушки.

— Давайте будем откровенны, — после паузы, как-то особенно неожиданно сказала Страуткалн. — Скажите, каким ветром вас сегодня занесло в поликлинику? И для чего привезли меня сюда?

— А вы сомневаетесь в силе своих чар? Как увидел вас в зале суда...

Страуткалн резко его прервала:

— Не надо. Терпеть не могу тривиальностей. Я не девочка, да и вы достаточно практичный человек, чтобы тратить время попусту.

Робежниеку молчал. Он что-то обдумывал, потом сказал:

— Мне было необходимо вас встретить.

— Как адвокату по делу об убийстве Лоренц?

Робежниеку уклонился от прямого ответа на вопрос.

— Скажите, вы никогда не мечтали стать актрисой? — начал он издали.

— Конечно, мечтала, как все девчонки. В школе даже играла в художественной самодеятельности. И, говорят, неплохо получалось.

— А что вы скажете, если я сейчас предложу вам роль?

— Интересно. Какую же?

— Весьма таинственную...

Ветер постепенно крепчал. Над морем летели рыже-вато-серые, рваные облака.

Со стороны врач и адвокат ходили на влюбленную пару, которой нипочем любая буря. Над их головами кружили любопытные чайки, словно хотели подслушать, о чем так оживленно разговаривают эти два человека.

Внезапно адвокат посмотрел на часы.

— Половина седьмого. Пора ехать! Обещал доставить вас в срок.

И вскоре красный «Москвич» снова демонстрировал, на что способен его мотор.

4

Электричка остановилась в Саулкрастах.

Стояло погожее воскресное утро. Из переполненных вагонов высыпались сотни пассажиров, слились в бурливый людской ручей и утекли в сторону пляжа. Лишь десятка два человек отделились от общей массы и направились в противоположном направлении, в лес, начавшийся сразу за железной дорогой.

Дорожка вилась через сосновый бор, огибала болотце и взбегала на пологий холм.

Дзенис шел краем оврага мимо недавно заложенных садов и недостроенных дач. На своих участках сутились работающие человечки. Краснощекий здоровяк в шелковой майке быстро, как в мультфильме, орудовал лопатой. Он копал с такой потешной быстротой, точно боялся, что у него вырвут лопату из рук. Сухой песок сыпался с краев ямы будто в песочных часах.

Немного подальше долговязый субъект, в очках и с бородкой, вытянувшись ничком на крыше сарайчика-временки, приколачивал толевую обшивку. Он энергично лупил молотком перед самым своим носом, через несколько ударов ощупывал головку вбитого гвоздя и, кажется, что-то приговаривал.

Тоненькая невысокая женщина с модной прической, стиснув зубы, толкала перед собой навстречу Дзенису

тачку торфа — удобрение для сада. «В поте лица своего...» — вспомнилось Дзенису.

В самой середине участка, над кособокими, кое-как сколоченными временными постройками гордо возвышалась готовая дача с пологой крышей. К ней подъехал грузовик. Бригада рабочих выгружала шпунтованные доски для пола и складывала в аккуратный штабель. Энергичный человек суетливо бегал и командовал:

— Давай, давай, ребятки, поднажмем! Сегодня еще в одном месте успеем подкалымить.

Дзенис подошел ближе.

— Вы не скажете, где тут живет Озоллапа? — спросил он.

— Не знаю, не знаю, — отмахнулся тот.

К счастью, подошел хозяин соседнего дома, мускулистый человек с большими руками. Он охотно объяснил Дзенису:

— В нашем кооперативе два Озоллапы. Один строится вон там, видите, желтая конура? А другой подалее, у самого леса.

В конце концов Дзенис разыскал того, который был ему нужен. Возле небольшой хибарки, сколоченной из горбыля, плечистый мужчина приделывал к лопате новый черенок. Рыжеватые волосы были подстрижены ежиком. Безукоризненные складки на серых рабочих брюках и аккуратно закатанные рукава говорили о том, что этот человек в любых обстоятельствах не забывает о своей внешности.

Он неожиданно поднял взгляд и увидел Дзениса.

— Роберт! — он повернулся к хибаре. — Гайда, иди погляди, кто к нам пожаловал!

В дверях появилась полная шатенка.

— Ба, сам Роберт Дзенис! — радушно воскликнула хозяйка.

Хозяин двинулся навстречу гостю.

— Молодец, что решил посетить мой вигвам. А где же Зигрида?

— Вчера улетела в Лиепаяу. Охотится за каким-то знаменитым рыбаком. Хочет написать о нем очерк.

— Дернул тебя черт жениться на журналистке! — пошутил Озоллапа, но в его голосе послышалась также и серьезная нотка. — Неугомонные, на неделе у них семь пятниц. Вечно чего-то ищут, куда-то летят, разъезжают, торопятся. Что я тебе тогда говорил?

— Верно, говорил! Ну, знаешь, я и сейчас не жалею.

— Так я тебе и поверил! Небось другой раз и полы самому мыть достается, и еду детям готовить.

— Все бывает. Но ведь они так же мои дети, как и Зигриды.

— Н-да, братец, здорово ты прогрессировал!

Подошла Гайда.

— Опять спорите? Отдохнули бы лучше, в шахматы поиграли, пока я обед сготовлю.

Утренняя дымка в небе помаленьку рассеивалась. Полуденное солнце ласково выглядывало из-за облаков.

Лаймон взял гостя под руку.

— Пошли, покажу тебе все здешние прелести.

5

Густой подлесок заглушал визг пил, стук топоров и молотков. Ноги мягко ступали по серебристому мху, и это вселяло чувство покоя и умиротворения. Высокие ели здесь дружно уживались с раскидистыми кленами, липами и ветлами. Прямо-таки не верилось: всего несколько сот шагов от людского жилья, и такая глубокая тишина... Впрочем, нет. Где-то в ветвях скрипуче крикнула голубая сойка. Какая-то птица, сидевшая высоко на сосновом суку, молнией метнулась на неведомо как залетевшего сюда воробышку.

— И здесь то же, что и в мире людей, — философски заметил Роберт.

— Ты о чем? — спросил Озоллапа.

— Да о последнем уголовном деле, в котором я поддерживал обвинение.

— Это по делу Саукум?

— Ну да. Сердитые старики налетели на девчонку, влепили ей семь лет и считают, что совершили благое дело.

— Ты не согласен с приговором...

— Не прикидывайся, Лаймон. Тебе моя точка зрения известна.

Лаймон Озоллапа улыбался редко, и все же вид у него был добродушный. Морщинки возле глаз придавали его лицу выражение спокойного довольства.

Много лет назад Роберт Дзенис и Озоллана одновременно закончили юридический факультет. Роберт как

был ершистым, так и остался, всегда убежденно и яростно отстаивал свое мнение. Лаймон с годами стал покладистой, сговорчивей. Нельзя сказать, что он поступал вопреки голосу совести. Отнюдь. Служебный долг он исполнял честно и пользовался славой добропорядочного работника. В свое время это помогло Озоллапе стать прокурором. Дзенис работал под его началом, но разница в служебном положении не повлияла на их дружбу.

Они пересекли поляну, перепрыгнули через старую траншею, по сей день напоминавшую о войне, и углублялись все дальше и дальше в лес.

Наконец Озоллапа спросил без обиняков:

— Надеюсь, ты приехал не только для того, чтобы уломать меня опротестовать приговор?

— Как раз об этом мне и хотелось поговорить. По сути дела, преступление еще до конца не раскрыто. Мы не имеем права останавливаться на полпути.

Озоллапа поднял брови.

— На мой взгляд, следователь сделал все, что было в его силах.

— Ты забываешь, кто вел следствие по этому делу. Лора Лиела. Она ведь и на юридический поступила только потому, что не надо было сдавать математику и физику. Понимала, что при ее способностях на другой факультет не попасть.

— Ты хочешь, чтобы все следователи были как Шейнин?

— Было бы не худо, если бы на юридический факультет принимали только тех, у кого есть способности к этой профессии.

— Не всегда это можно своевременно установить.

— Так ведь никто и не пытается. Вот в театральных институтах или в академиях художеств устраивают конкурсы, помогающие раскрыть способности человека, его склонности. Труд юриста не менее творческий, юрист тоже должен иметь тонкое восприятие, должен уметь заметить то, мимо чего другие прошли бы мимо, должен быть хорошим психологом. Должен быть! От знаний и интуиции следователя зачастую зависит судьба человека.

— Никто в этом не сомневается.

— Вот, скажем, Гунар Дзелзитис или, скажем, Борис Трубек. Почему ты не дал ему доследовать дело

Саукум до конца? У нас, к сожалению, часто так: один следователь начнет, а следствие продолжает другой. Потом сами удивляемся, отчего концы с концами не сходятся.

— Не мог же я дело об убийстве поручить желторотому стажеру!

— Почему бы и нет, если у человека способности? Конечно, надо приглядывать, помогать, учить...

Они вышли на сырой кочкарник и остановились. Лесная чаща отгораживала их от шумного и суетного мира, и это настраивало на разговор по душам. Озоллапа присел на комель поваленной бурей сосны, Дзенис сел рядом на пень.

— Давай будем откровенны, Роберт. Что ты от меня хочешь?

Дзенис внимательно следил за муравьями, бежавшими бесконечной вереницей по своей тропке мимо пня.

— Ты ведь опытный юрист, Лаймон. Материалы дела Саукум читал, сам же утверждал обвинительное заключение. Неужели не заметил, что следствие не дало ответа на целый ряд вопросов?

Озоллапу это начинало раздражать.

— Перестань! Все это ты уже выложил один раз суду. В любом деле можно отыскать туманные места. Но вопрос в том, насколько они существенны. Я считаю, что суд поступил правильно. В повторном следствии нет никакой нужды.

— А что, если я докажу тебе обратное?

— Что ж, попробуй!

— Вспомни протокол места осмотра происшествия. Соколовский и Трубек обнаружили за шкафом дверь в комнату соседей. Щели в двери были заклеены. Ребята оторвали полоски бумаги и отправили на химический анализ. Однако чистосердечное признание Зенты Саукум сбило Лиепу с панталыку, и она даже не сочла нужным потребовать заключение криминалистической лаборатории. А заключение не лишено интереса. Вот взгляни. — Роберт протянул Озоллапе листок. — По остаткам клея на бумажных полосках эксперты определили, что прилеплены они были примерно в то же самое время, когда произошло убийство.

— Заклеить дверь Лоренц могла и сама, — резонно заметил Озоллапа. — Если принять во внимание ее отношения с соседями...

— Они грызутся уже давно, — напомнил Дзенис. — Почему же она именно теперь заклеила дверь? Случайное совпадение? Не верю я в такие случайности. И есть почва для другой версии. Незвестный проник из соседней комнаты, убил Лоренц и заклеил дверь изнутри, чтобы отвести подозрения от соседей.

— А сам преспокойно ушел по лестнице?

— Нет, в этом случае его заметил бы дворник. Дворник показал, что в ту ночь долго не ложился спать и слышал наверху крики.

— Ага, — оживился Озоллапа, — твой убийца испарился через печную трубу!

Дзенис пропустил иронию мимо ушей.

— Преступник с таким же успехом мог вернуться по коридору в соседнюю комнату, из которой пришел, или же вылезти через окно, — продолжал он. — Могу напомнить: когда обнаружили убийство, окно в комнате Лоренц не было заперто.

— Да, но ведь Трубек обследовал двор и под окном ничего подозрительного не нашел.

— Это еще ничего не значит. Осмотр производился спустя неделю после происшествия. А во дворе мимо окна ежедневно проходят десятки людей. След преступника мог затоптаться.

— Все это одни предположения.

— Ну и что же? Тем не менее каждое надо проверить. По существу, вся работа следователя и состоит в преодолении сомнений.

Озоллапа не желал сдаваться.

— Теперь, когда прошло столько времени, будет еще трудней что-либо обнаружить.

— И тем не менее искать надо. Послушай дальше. Дворник на первом этаже слышит крики ночью. А Геновева Щепис утверждает, что ничего не слышала, хотя и живет в соседней комнате. Если Щепис врет, то ее можно отнести к подозреваемым.

Прокурор раздраженно грыз травинку. Что и говорить, аргументация Дзениса заслуживала внимания.

— Тебя интересуют мотивы преступления, — продолжал Роберт. — Допустим, имело место обыкновенное ограбление. Ведь пропали же из гардероба вещи Лоренц, и притом самые лучшие.

— Одежду Лоренц могла унести и сама, скажем, в химчистку, — возразил Озоллапа.

— Трубек проверил в Риге все приемные пункты, был в ломбарде. Нигде не обнаружил вещей, принадлежащих Лоренц. А комод! Ведь в нем были перерыты все ящики.

— Шкатулку с сокровищами искали?

— А ты не смейся. У таких старушонок водятся и золотишко, и прочие «фамильные драгоценности». Соседи могли о них пронюхать.

— Все это так, но не проще ли было соседям найти подходящее время днем в отсутствие Лоренц и очистить ее квартиру без помех.

— Лоренц не выходила из дому целыми днями. А если и уходила, то обычно возвращалась очень скоро.

— А ночевала она ведь тоже дома!

— Ночью человек спит. Вероятно, вор рассчитывал повернуть все втихую. Но просчитался. Лоренц проснулась, подняла крик...

Озоллапа бросил размочаленную травинку.

— Из твоих рассуждений вытекает, что Зента Саукум вообще не имеет отношения к убийству. Каким же образом она могла так подробно, а главное, точно описать картину преступления?

Дзенис ожидал этого вопроса.

— Я полагаю, ограбление совершалось с ведома девушки, возможно, даже в ее присутствии. Но Зента не ожидала, что дело примет мокрый оборот. А когда увидела кровь, бросилась бежать. В смятении заперла дверь. И потому убийца вынужден был уходить через окно.

— Но перед этим решил на всякий случай залепить бумажками дверь к соседям?

— Да, здесь действительно не все сходится, — согласился Дзенис. — Вероятней, что он бежал через окно умышленно. Да конечно же! С вещами куда спокойней можно прокрасться через соседний сад в переулок.

— М-м... — задумчиво и неопределенно промычал Озоллапа. — Если в деле участвовала Саукум, то для чего же было пользоваться дверью за шкафом? Девчонка ведь могла впустить своего дружка из коридора.

— Могла. Но для этого ей пришлось бы ночью вставать: значит, лишний шум. Надежней было заранее отпереть дверь за шкафом.

— Допустим. Но почему Саукум сама не попыталась найти эти мифические драгоценности? Ведь ей это было куда сподручней.

— Кто сказал, что не попыталась? Но, как видно, не хватало опыта.

— Почему же не выдает убийцу? Почему все берет на себя?

— Неизвестно. Быть может, любит, боится мести. Озоллапа встал с пенька.

— А если все-таки она сама...

— У Саукум не было никакой необходимости заклеивать дверь или открывать окно. Вещи убитой у нее так и не найдены. В Норильске она ничего не продавала. Это уточнено.

— А в Риге?

— И в Риге нет. Она уехала на следующее утро. К тому же Соколовский в оперативном порядке проверил все скупочные и комиссионки. Пропавших вещей нигде нет.

— Теперь ты сам себе противоречишь, — заметил Озоллапа. — Саукум говорит, что вещей не брала. И ты теперь это подтверждаешь. Одним словом, девушка не лжет. С какой же стати ей не верить?

— Но тем не менее вещи пропали. Кто-то их взял. Нет, Лаймон, быть может, Саукум и соучастница преступления, но ни в коем случае не его главный исполнитель.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Одному обстоятельству я и сам вначале не придавал значения. Мне помог адвокат Робежник. Почитай-ка еще раз судебно-медицинское заключение. Череп раздроблен у правого виска.

— Возможно, Саукум левша?

— В том-то и дело, что нет.

— А если удар нанесен все-таки правой рукой? Допустим, Саукум напала сбоку.

Пушистая белочка, шурша коготками по коре, сбегала вниз по стволу сосны и кинулась наутек. Дзенис следил за ней взглядом. Неожиданно он увидел за кустом кострище. На нем лежали два кирпича. По всей вероятности, какая-то компания жарила шашлык.

— Проведем небольшой следственный эксперимент.— Дзенис шагнул к кирпичам. — Алида Лоренц была

убита именно таким кирпичом. Возьми его и несколько раз подряд как следует замахнись.

Растопырив пальцы, прокурор поднял кирпич, размахнулся раз, другой, третий... После пятого замаха он едва не выронил кирпич и опустил руку.

— К чертям, я тебе не Жаботинский.

— Не думаешь ли ты, что Зента Саукум — Алоиз Туминьш? Восемь, десять ударов тяжелым, тупым предметом — гласит заключение экспертизы. А у девушки рука узкая, маленькая. Вряд ли она могла нанести столько сильных ударов кирпичом даже правой рукой, не говоря уж о левой.

— Постой! А брызги крови на стене? Ведь они говорят о том, что убитую били в то время, когда она лежала в постели?

— Саукум это категорически отрицает. Вот и еще одно противоречие в ее показаниях.

Озоллапа закинул кирпич в кусты.

— По-твоему, преступник — мужчина?

— Об этом свидетельствует и окурочек с характерным для мужчины отпечатком зубов. Окурочек найден на месте происшествия. Если верить свидетелям, то Алиду Лоренц мужчины не посещали, по крайней мере, в последнее время. И наконец, телефонные звонки.

— Какие звонки?

— Страуткалнам несколько раз звонили и предупреждали, что врачу придется худо, если она будет вмешиваться в ход следствия.

— Звонил мужчина?

— Нет, женщина. Какая разница. Зента Саукум в это время была уже в Норильске.

— Выходит, тут замешана целая компания.

— Возможно.

— Чем дальше, тем путаней. — Озоллапа прошелся, вернулся назад. — Вот что. Я слушал тебя внимательно. Теперь ты выслушай меня. Следствие по этому делу, конечно, имеет немало изъянов. Тем не менее Зента Саукум была и остается соучастницей преступления. Это не вызывает у тебя возражений?

— Нет.

— Саукум осудили на семь лет. Если бы теперь удалось доказать правоту одной из твоих версий и задержать главного виновника, то преступление было бы квалифицировано как убийство с целью ограбления.

Зента Саукум как соучастница получила бы те же семь лет, а то и побольше. Чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы был соблюден один из основных принципов социалистической законности — неотвратимость кары за всякое преступление. Убийца на свободе, и его надо найти. Я же не просил оправдания Саукум, но требовал доследования дела.

— Легко сказать — доследования. Это брак в нашей работе. Ты знаешь — я не из тех, кто боится ответственности. Но если уж передали дело в суд...

— То мы обязаны отстаивать честь мундира?

— Надо отстаивать свою точку зрения, но не к чему себя сечь, подобно гоголевской унтер-офицерской вдове.

— Так что же для тебя важней — справедливость или папка с делом? На мой взгляд, лучше признать ошибку сразу, а не усугублять ее.

— А ты подумал, к чему это может привести? Хорошо, мы опротестуем приговор суда, заново начнется следствие. Где гарантия того, что удастся найти настоящего виновника? Теперь, спустя столько времени. Сомнительно! Но может произойти нечто другое, похуже. Вдруг на новом следствии Саукум откажется от своих показаний, начнет все отрицать. Что тогда? Все наше обвинение, плод долгого расследования, пропадет даром. Доказательств виновности Саукум останется слишком мало, и мы будем вынуждены освободить ее и принести свои извинения, несмотря на то, что уверены в ее причастности к преступлению. Что тогда запоет твоя мудрая и безупречная совесть? Где окажется справедливость? Не лучше ли оставить все как есть? По крайней мере, хоть один преступник осужден.

На лице Дзениса не пошевелился ни один мускул.

— То, о чем ты говоришь, не что иное, как беспринципный компромисс, — негромко сказал он.

Озоллапа сложил руки за спиной и наклонил голову.

— Значит, так: вчера я санкционировал арест Саукум, утвердил обвинительное заключение, передал дело в суд. А на другой день, когда Саукум уже осуждена, сам же потребую отмены приговора, дополнительного следствия по делу. И в этом ты видишь принципиальность!

— Именно так. Это будет принципиально, смело и справедливо!

Озоллапа молчал. Он понимал — прокурор должен быть внутренне убежден, бесповоротно уверен в том, что принятое им решение — единственно верное. В деле Саукум Дзенис пошатнул его, Озоллапы, прокурорскую убежденность.

Да, конечно, в любом уголовном деле необходимо точно установить факт преступления, его детали. Но это лишь часть работы следователя. Не менее важно узнать, что побудило человека к преступным действиям. Задача следователя — анализировать поведение обвиняемого, мотивы поступков, попытаться найти им объяснение, хотя бы с точки зрения самого обвиняемого. Да, такого анализа в деле Зенты Саукум не было.

Ветер стих, деревья стояли неподвижно, словно боялись помешать раздумью прокурора.

— Уравнение со многими неизвестными, — изрек наконец Озоллапа. Затем повернулся к Дзенису. — Ладно, пошли. Обед, наверно, уже готов. Потом сходим взглянем на море.

ГЛАВА 8

1

После шумного и людного городского центра узенькая улица Вайрога показалась Дзенису совсем пустынной и тихой. И хотя был вроде бы самый разгар дня, здесь редко попадался встречный прохожий. По разбитому булыжнику вперевалку, громыхая и жалобно поскрипывая, ехал одинокий грузовик.

— Вот тебе и столица, — добродушно подмигнул Трубеку Дзенис. — Не отошли и на сто метров от улицы Ленина, а тут уже как в деревне.

Вдоль тротуара тянулись палисаднички, выкрашенные в самые невообразимые цвета. За штакетником виднелись ухоженные сады. Кусты акаций и шиповника заслоняли от посторонних взглядов увитые диким виноградом одноэтажные и двухэтажные особняки.

Дзенис сорвал свесившуюся из-за забора веточку жасмина.

— Колдовство какое-то! С детства не могу равнодушно пройти мимо цветущего жасмина, — произнес он.

Вскоре Трубек показал Дзенису облезлый двухэтажный деревянный дом, выглядевший бедным родственником среди своих нарядных собратьев.

Дом стоял посреди пустыря, который лишь условно можно было назвать садом. Несколько чахлах деревьев сиротливо жалась по углам, словно стыдясь своего убожества.

Трубек отворил калитку и пропустил Дзениса первым.

На крыльцо вышла средних лет женщина с ведром в руке. Не сходя с крыльца, она выплеснула помой у самой двери. Женщина стояла спиной к калитке, но помощник прокурора и следователь тотчас узнали ее.

— День добрый!

Женщина испуганно обернулась на голос. Ведро выпало из рук от неожиданности.

— Гражданин прокурор!

— Собственной персоной, — подтвердил Дзенис. — И следователь Трубек, мой коллега. С ним вы ведь, кажется, тоже знакомы. Помните, он был тут, когда вашу соседку обнаружили убитой.

Геновева Щепис, не зная в растерянности, чем занять свои руки, то обтирала их о бока, то засовывала под передник.

— Так я же... ничего больше не знаю... Не могу сказать... Ей-богу...

Дзенис стал успокаивать женщину.

— Вы не волнуйтесь, мы просто заглянули к вам. Поговорить, поглядеть, как вам теперь живется.

— Плохо живется, товарищ гражданин прокурор, — поборов замешательство, затараторила Геновева. — Двоих детишек надо прокормить да одеть. Муженек, чтоб ему пусто, мало денег присылает.

— Как это — присылает? — удивился Дзенис. — Разве он больше с вами не живет?

— Законтрактовался на Крайний Север. Поехал за длинным рублем, да, видно, все пропивает. Присылает гроши. На детей ему начхать, вроде как не его.

Сообщение Геновевы заинтересовало Дзениса.

— И давно он уехал?

— Господи помилуй! Да еще осенью. Аккурат перед праздниками.

— Поди, надоели ему вечные свары с соседями. Наверно, потому и уехал.

— Да нет, что вы, — всплеснула руками Геновева. — Когда Казимир уехал, старухи уже не было в живых. Ну да, аккуратно через неделю, как ее докторица нашла.

— Куда же он законтрактовался? — ввел разговор в нужную колею Дзенис.

Геновева стала припоминать.

— Тыфу ты пропасть, опять позабыла, как оно называется. Не то Нуринск, не то Мурильск.

— Возможно, Мурманск, — пришел на помощь Трубек.

— Нет, нет, по-другому.

— Не Норильск?

— Во, во, он самый.

Дзенис и Трубек переглянулись.

— Чего же мы стоим на пороге? — сказал Дзенис. — Не пригласит ли нас хозяйка в комнату?

Женщина смутилась.

— Отчего же нет, пожалуйста, только простите за беспорядок.

Когда они поднялись в квартиру, оказалось, что Щеписы теперь занимают обе комнаты.

— Лоренц была прописана одна, — пустилась в объяснения Геновева. — После ее смерти комната пустовала. Я уж ходила, ходила, просила, просила, покуда мне ее отдали.

— Отчего же не дать. У вас ведь двое детей.

Дзенис открыл и закрыл несколько раз дверь, соединяющую обе комнаты.

— Теперь не запираете. А раньше заклеивали наглухо.

— Я ничего не заклеивала. Это все она, только она.

Дзенис прошелся по комнате, встал подле окна и как бы невзначай отворил его.

— Хороший садик у ваших соседей.

Да, окно было невысоко над землей. Любой мужчина мог запросто выпрыгнуть из него во двор.

Дзенис осмотрел подоконник, затем высунулся наружу и тщательно исследовал наружную стену под окном. Внезапно он повернулся к хозяйке.

— Ваш муж, если не ошибаюсь, шофер.

— Ну да, шофер, а как же, — подтвердила Геновева.

— Где он работал до отъезда на Север?

— В транспортной конторе, на грузовой машине.

— И часто выезжал в командировки?

Щепис махнула рукой.

— Можно сказать, дома его и не видела. До того, как законтрактовался, он почти целый месяц в Кулдиге пробыл. Говорил, дрова возил на станцию.

— Это когда было, в октябре?

— Ну да, весь октябрь.

— И за все время ни разу домой не заглянул?

Геновева Щепис на миг смолкла, но тут же затараторила:

— Не, не, не был ни разу. Право слово, ни разу не заехал.

Дзенис, кажется, выведал здесь все, что было возможно. Он взглянул на часы.

— Ладно, Борис. Нам пора идти. До свидания, хозяйшкa!

Когда они спустились вниз, Дзенис потянул Трубека за рукав.

— Давай-ка зайдем к дворнику.

Дворника дома не было, но на вопросы Дзениса охотно ответила жена.

— Это все точно насчет того, что Казимир Щепис в октябре не появлялся дома.

— Так-таки и ни разу?

— Самого Казимира не видела, что правда, то правда. Но один раз... Да как же, это было в ту ночь, когда убили Лоренц. Я же следователю рассказывала, что у нас были гости. Засиделись допоздна и слышали крик. А когда провожали гостей, машина Казимира стояла в переулке. Я ее знаю. Утром чуть свет вышла улицу подметать, но он уже уехал.

— На следствии вы об этом не говорили, — заметил Трубек.

— Про машину никто не спрашивал.

Когда Трубек и Дзенис вышли со двора на улицу, последний, еще раз взглянув на двухэтажный дом, сказал:

— Кое-что помаленьку начинает выплывать на свет божий.

— Да, появились кое-какие новые обстоятельства,— согласился Трубек. — И, пожалуй, немаловажные.

— И еще более существенное значение имеют несколько нитей пряжи, зацепившиеся за острый край жести наружного подоконника, — сказал Дзенис. — Тебе придется срочно пригласить понятых извлечь эти шерстинки и потом проверить, откуда они, не из одежды ли Лоренц.

2

Отворив дверь кабинета Соколовского, Дзенис сразу понял: капитан не в духе. За письменным столом Соколовский сидел в рубашке с закатанными рукавами и недовольно листал комментарий к уголовно-процессуальному кодексу.

— Проваливай ко всем чертям! — зарычал капитан. — Не желаю я сегодня видеть прокуроров!

— Кто обидел нашего малыша? — сочувственно спросил Дзенис.

— Меня обидеть? — взвился Соколовский. — Такой еще не родился, кто мог бы нанести мне обиду.

— С чего тогда взъелся на меня?

— Ты же знаешь мой терпеливый нрав, Роберт. Я человек тихий, миролюбивый. Но даже меня твой Озоллапа сегодня вывел из терпения. Видали, умник нашелся!

— Не дал санкцию на арест?

— Как в воду глядел! Не дал, упрямый олух! И в таком деле! Два месяца я как ищейка гонялся по следам этого воруги, пока застукал. А теперь что же — прикажешь прекратить дело, да?

Дзенис задумчиво поглядел в окно.

— У тебя были серьезные улики? Может, хотелось поскорей доказать, что преступление раскрыто и спихнуть дело следователю, пускай, мол, копается в нем дальше?

Капитан ударил себя кулаком в грудь.

— Ты что, Соколовского не знаешь? Разве Соколовский хоть раз без улик лез к прокурору за санкцией? А вы тут разводите бюрократию. Трясетесь над каждой санкцией. Не дай бог, если суд кого-нибудь потом оправдает.

Соколовский откинулся на спинку стула.

— Наше дело, друг любезный, — продолжал он, — расследовать всё, добраться до истины, собрать доказательства. А дать оценку доказательствам — это, ты уж не взыщи, дело суда. Но кое-кто обязательно спешит опередить суд. При малейших сомнениях в исходе готовы тут же прикрыть дело, хотя и убеждены, что у обвиняемого рыльце в пуху. Для того ведь суд и существует, чтобы сказать последнее слово.

Дзенис скептически посмотрел на Соколовского, но тот не заметил взгляда и продолжал, все больше распекаясь:

— Научились же мы в последнее время быстро и оперативно, без предварительного следствия судить хулиганов и мелких спекулянтов. Почему бы не применять этот принцип в таких уголовных делах, где все обстоятельства не вызывают сомнений? Допустим, схвачен за руку вор. Есть свидетели. Ну чего разводить канитель? Волоки его в суд, и делу конец. Не надо никаких санкций. Так нет! Требуют оформить целый ворох документов, допросить свидетелей, провести конфронтацию, опознать личность, предъявить обвинение и, наконец, изволь познакомить этого жулика с материалами дела. А ведь потом всю эту процедуру повторит суд!

— Процессуальный закон должен соблюдаться. У обвиняемого должно быть время для подготовки защиты.

— Ну конечно, чтобы он успел сочинить разные небылицы, а свидетели — все позабыть. Нет, друзья мои, следователя необходимо освободить от мелких уголовных дел. И тогда будет больше возможности заниматься серьезными, сложными преступлениями. И тогда твой Озоллапа не будет дрожать над каждой санкцией, как участковый инспектор Езупан. Тот боялся даже составить протокол на преступление — не дай бог не удастся раскрыть, тогда ведь можно сесть в галошу.

— Езупан?

— В Виляке его все знают. Заходит к нему одна старуха — Карклиха. «Курочки мои пропали, — говорит. — Все как есть тринадцать штук: пеструшка, рябонька, чернохвостка...» — «Околели, что ль?» — «Нет, сынок, уворовали. Утром иду поглядеть, курятник разломан, и курочки мои тют-тют». Езупан взял бланк протокола и приготовился писать. «Куры были зарегистри-

рованы?» — спрашивает Езупан. Старая в толк не возьмет, о чем ее спрашивают. «А как вы докажете, что куры были ваши?» — «Господи, да хоть соседка подтвердит. Одна была пестрая, у другой хвост черный...» — «Ну ладно, ладно. А налог за кур уплачен?» — «Какой налог?» У старухи корзина из рук на пол. «Кстати, — продолжает Езупан. — Вы ведь проживаете в границах города. А в городе держать домашний скот запрещено. Только, может, вообще у вас никаких кур не было?» Старуха и вовсе опешила, но потом все же смекнула, куда он клонит. «Батюшки-светы, да нешто я говорю — были? Ясное дело, не было». Старуха на попятный, Езупан бланк порвал да и в корзину.

— Ладно, будет философствовать, — прервал Дзенис очередную импровизацию капитана Соколовского. — Есть серьезный разговор. Наш Озоллапа далеко не такая бестолочь, каким ты его изображаешь. Приговор по делу Саукум он опротестовал. Верховный суд его отменил. Надо приступать к новому следствию. Дело поручено Трубеку. Я буду ему помогать, а тебе предстоит ряд оперативных заданий. Сам понимаешь, история запутанная, придется поработать по-настоящему.

— Короче, Роберт. Давай выкладывай, что надо сделать.

Дзенис вынул из кармана записную книжку.

— Всплыли некоторые интересные обстоятельства. Мы с Трубеком заходили к Геновеве Щепис. Кстати, она теперь занимает обе комнаты.

— Значит, смерть Лоренц была для нее выгодна.

— Выходит, что так, — согласился Дзенис. — Затем: на наружном подоконнике мы обнаружили шерстяные нити. Отыскали портниху, у которой Лоренц иногда шила, нашелся и лоскуток от ее заказа. Заключение экспертизы установило: найденные нити вырваны из пропавшего зимнего пальто.

— Одним словом, твоя версия подтверждается: вещи брошены через окно.

— И третье. Казимир Щепис весь октябрь находился в командировке. Его жена утверждает, что Казимир за это время ни разу не был дома. А дворничиха в ночь убийства, когда наверху кричали, видала в переулке машину Щеписа. Наконец, последнее и самое главное: Казимир Щепис, как и Зента Саукум, после смерти Лоренц сразу подался в Норильск. Два челове-

ка из одного дома одновременно уезжают в Норильск. Не слишком ли странное совпадение?

— Ого, брат, тут не то что ниточка, за которую можно потянуть, а настоящий канат, — потер руки капитан Соколовский.

— Вот и хочу тебе всучить конец этого каната.

На столе зазвонил телефон. Капитан взял трубку.

— Уголовный розыск, — отозвался он. — Слушаю, товарищ подполковник... Где вы сказали, на Рупниэцибас?.. Так, так, похоже, работа Рыжего Джумбо... Есть, сейчас выезжаю.

Соколовский положил трубку и снял со спинки стула китель.

— Приемное время окончено. Будь здоров, Роберт! Если что нащупаю, сразу же дам знать.

3

С самого утра лил теплый весенний дождь. К полудню он перешел в мелкую изморось, и теперь улицы были окутаны настоящим лондонским туманом. Оконные стекла от него запотели. Комната напоминала каюту корабля, плывущего в туманном море.

Адвокат Робежنيек стоял у окна и вглядывался в серую муть. Рабочий день был окончен. Приемная юридической консультации опустела, коллеги разошлись по домам.

Телефонный звонок дерзко разорвал тишину кабинета. Хотя Робежниек и ждал его, он все равно вздрогнул.

«Нервишки у вас пошаливают, молодой человек!» — мысленно укорил себя адвокат и взял трубку.

— Алло! Да, это я... Конечно, могу. К вам? Хорошо, еду.

Десятью минутами позже адвокат уже поднимался на верхний этаж одного из домов в конце улицы Горького. Дверь открыла сама Майга Страуткалн.

— Входите, пожалуйста.

— Ого, трехкомнатная квартира на двоих?! — удивился Робежниек. — Вот это я понимаю.

— Это отец мужа оставил нам.

— Щедрый у вас тесть.

— Возможно, слышали об академике Страуткалне?

— Еще бы! Только не знал, что он ваш родственник.

— Два года назад, когда у Эдвина умерла мать, тесть ни за что не захотел тут оставаться. Купил себе домик в Пабажах, у самого моря, и поселился там. Городскую квартиру оставил Эдвину. Мне пришлось только обставить ее по-своему.

Робежниец переступил порог комнаты и остановился. Все тут говорило о недурном вкусе хозяйки и ее любви к уюту. Оранжевые шторы на окнах гармонировали с корешками книг на полках, торшер с двумя абажурами, торчавшими в разные стороны, как тюльпаны, ажурный столик для кофе и еще многие мелочи.

— Вы одна дома?

— Муж уехал на рыбную ловлю. Приедет поздно или даже под утро.

— В рабочий день?

Майга развела руками.

— Я в этом не разбираюсь. Эдвин утверждает, что только в будни бывает хороший клев. По субботам и воскресеньям ему не везет. Понаедут, говорит, разные пьянчуги на реку, горланят, не столько удят рыбу, сколько ее распугивают.

— А как же служба?

— Он часто берет работу на дом и тогда может по нескольку дней не появляться в своем институте.

— И каковы же у него успехи? — продолжал интересоваться Робежниец. — Я имею в виду рыбную ловлю.

Хозяйка открыла дверцу буфета и вопросительно посмотрела на гостя.

— Вино или коньяк?

— Если не возражаете — коньяк.

Майга Страуткалн налила рюмку коньяку адвокату, немного вина себе.

— Меня никогда не интересовали уловы Эдвина, — сказала она равнодушно. — Рыбу он отдает нашему дворнику. Тот присматривает за машиной.

— И вас не волнует увлечение супруга рыболовством?

— А, собственно говоря, почему?

Робежниец немного смутился.

— Я думаю...

— А я не думаю и не желаю ни о чем думать. Я не юрист и не занимаюсь расследованиями. И вообще: умная жена должна кое-что пропускать мимо ушей и на некоторые вещи смотреть сквозь пальцы. Если ты че-

ловеку доверяешь, то незачем вынашивать в голове всякие подозрения. А если не веришь — не живи с ним ни дня.

Робежник улыбнулся.

— Вас ожидает безоблачное счастье до гробовой доски.

Страуткалн недоуменно взглянула на гостя.

— Почему вы так думаете?

— Знаю по опыту.

— Насколько помню, вы никогда не были женаты.

— Добрые духи общими силами спасли меня от этого, — подтвердил адвокат. — Но мне часто приходится выступать на бракоразводных процессах. И я обнаружил одну важную закономерность.

— Интересно, какую же?

— Есть категория женщин, которые смотрят на своего мужа как на разновидность личной собственности. Не дай бог, если он невзначай глянет на другую женщину. Тут же начинается слежка, сцены ревности. А то и еще лучше — бегут к мужу на работу и жалуются в общественные организации. Результат всегда один: развод.

— Но меня-то вы ведь не причисляете к этой категории. И в предсказания я тоже не верю. Расскажите лучше — узнали что-нибудь?

— Узнал. Интересующий нас человек живет в шестидесяти километрах от Риги. Хутор Ляундобели. Сегодня вечером мы могли бы поехать к нему и вернуться не слишком поздно, как и было условлено. Вам следует с ним переговорить.

— Мне одной?

— Полагаю, что так будет лучше. Но я буду там же, поблизости.

Страуткалн встала.

— Я неопытна по части конспирации, но пусть будет по-вашему. Сообщите мне необходимые сведения.

Ивар смотрел на эту женщину с восхищением. Как хорошо, что именно она согласилась оказать ему помощь. Лучшего союзника трудно было себе представить.

Прямое и широкое, блестящее, как меч, Псковское шоссе рассекало леса и луга, перебрасывалось через овраги и ручьи. Темно-красный «Москвич» уже оставил

позади себя Баложі, Гаркале, Вангажи... «Дворники» еле успевали сметать капли дождя с ветрового стекла.

Не отрывая взгляда от асфальта, Ивар украдкой посматривал на свою спутницу. Густые и мягкие пряди светлых волос; на лице почти никакой косметики, разве что губы чуть подкрашены. Робежниек вообразил Майгу в летнем платье с короткими рукавами гуляющей с ним по песчаному берегу моря, представил, как поблескивают при низком предвечернем солнце золотистые волоски на обнаженных руках, когда она стряхивает пепел с сигареты.

Робежниек в своей жизни встречал немало женщин. Однако ни одна из них не пробудила в нем настоящего чувства. Одни надоедали скорей, с другими встречался дольше, но неизменно придерживался принципа: все, что имеет начало, должно иметь и конец. Его связи прекращались спокойно, без сожалений и драм.

С Майгой оказалось иначе. От встречи к встрече Ивар все сильнее ощущал, что эта женщина придает его жизни новый смысл, без которого не стоило ждать наступления следующего дня.

На тридцать восьмом километре, где у развилки шоссе стоит ресторан «Сэните», Робежниек свернул влево. Лил дождь. Мокрая узкая дорога теперь изобиловала крутыми поворотами, но адвокат не сбавлял скорость.

За мостом через Браслу Ивар Робежниек съехал с асфальта и остановил машину на обочине. От этого места разбегались три проселка, и все они исчезали в лесу. Ивар долго изучал указатели, сверялся со своей записной книжкой и в конце концов избрал среднюю дорогу. Высокие сосны смыкались над ней, образуя сумрачный туннель. Машина продвигалась вперед все медленней, словно ощупью находя себе путь меж ухабов и рытвин. Робежниек попробовал было включить ближний свет, но лучи рассеивались в потоках дождя и только ухудшали видимость.

Километра через два лес поредел, дорога пошла полем. На самой опушке, под высокими деревьями, притулилась небольшая избенка. Поблизости чернел старый овин.

Робежниек выбрал укромное местечко, где поставить автомобиль, и развернул его передком к дороге. Тут

машина была не видна от дома и никому не могла помешать, если бы по дороге кто-то ехал.

Темнота сгущалась быстро. Ивар запер машину, и они с Майгой направились к избе.

В одном из окон мерцал тусклый свет.

— Он живет один, — шепотом сказал Ивар. — Значит, дома. В остальном все, как условились. И не волнуйтесь!

— Хорошо, пойду, — так же тихо сказала Майга.

— Я буду здесь. В случае чего...

Майга кивнула в знак согласия. Затем быстрым шагом подошла к двери и взволнованно постучала.

Дверь отворялась медленно, как бы нехотя. На пороге стоял седой худощавый человек, со впалой грудью и непомерно длинными руками. В одной из них он держал фонарь. На щеках у него горел нездоровый румянец, губы потрескались, кожа напоминала пергамент. Высокий покатый лоб и плешивый череп придавали ему зловещий облик.

— Вам что надо?

«Вот ведь хрыч! — подумал о старике Робежниек, наблюдавший за встречей из-за куста можжевельника. — Сладит ли с ним Майга?»

Старик впустил гостью в комнату, и дверь захлопнулась. Ивару показалось, что стало еще темней и страшней. Ивар нечаянно задел ветку можжевельника, и на лицо ему упали холодные капли. Робежниек немного подождал, затем нагнулся, бегом пересек двор, подкрался к самому дому и заглянул в освещенное окно.

Комната была обставлена вполне современно, что не гармонировало с внешней убогостью избы. У противоположной стены были высокие книжные полки с несколькими собраниями сочинений и большим количеством других книг. Майга спокойно сидела в удобном кресле. Старик нервно ходил взад-вперед по комнате и жестикулировал. Видно было, что он взбудоражен и сердит. Однако разобрать, что он говорит, Робежниек не мог. Оставалось лишь запастись терпением и ждать.

Дождь перестал, и туман постепенно рассеивался. К счастью, низкие облака по-прежнему закрывали луну. Листья кустарников, стволы деревьев — все было мокрым и мрачным.

Внезапно седой сделал шаг к окну и резко распахнул его. Робезник едва успел нагнуться. Теперь он сидел на корточках, точнее, стоял на одном колене, в самой что ни на есть неловкой позе. Зато кое-что можно было расслышать. Старик говорил отрывисто и глухо, словно забивал сваи.

— ...сколько раз предупреждал Алиду. Не слушала. Все они, Лоренцы, упрямы испокон веку. И брат такой же, и старый Лоренц, ее отец. Еще в тридцатые годы, когда у Алиды был на Гертрудинской свой...

Порыв ветра тряхнул вершину сосны, и град крупных капель заглушил последние слова. Когда ветер стих, Робезник услышал голос Майги:

— Вы поступили весьма опрометчиво.

У старика неожиданно упал голос.

— Вам легко говорить... А я... сколько раз, бывало, сдерживал себя, чтобы своими руками не удушить. Жаль, что еще в тот раз...

— Значит, вы утверждаете, что драгоценности должны быть?

— Еще бы.

— Куда же они могли деться?

— Понятия не имею, мадам.

— Возможно, Волдис...

Робезник чуть привстал, чтобы распрямить затекшую ногу, и невзначай задел плечом куст шиповника. Мокрая ветка, освободясь, шумно стегнула по стене. Голоса сразу смолкли. Очевидно, в комнате прислушивались.

— Вы приехали одна? — немного погодя недоверчиво спросил старик.

— Я вам уже сказала, — спокойно заверила Майга. — Я заинтересована не меньше вашего в том, чтобы разговор остался между нами.

— Кто же там скребется снаружи?

— Сегодня такая непогода, ветер и дождь.

Робезник замер, потом неслышно прокрался через двор и спрятался за толстой сосной. Отсюда ему было видно, как старик высунулся из окна, поглядел вокруг и, очевидно успокоясь, продолжал говорить, сопровождая речь неуклюжими жестами.

Приблизительно через час Майга вышла во двор. Робезник направился ей навстречу. Они тихо сели в машину.

Заговорила Майга, лишь когда они выехали на шоссе, — Необходимо срочно отыскать некоего Волдиса.

Робежник с благодарностью посмотрел на женщину.

— Потом. Поговорим обо всем позднее. А сейчас вам необходимо успокоиться. Эти два часа потребовали от вас такого напряжения. Я вам бесконечно признателен. Теперь постарайтесь думать о чем-нибудь другом. Не хотите положить голову ко мне на плечо?

4

Виктор Соколовский подскочил на постели и сел. Резкий звонок. Так. Палец на кнопку будильника. Виктор потянулся было за брюками, но вовремя спохватился. И снова блаженно откинулся на подушки.

Со школьных лет сохранилась у него привычка в субботу на ночь заводить будильник. Таким образом он дважды испытывал прелесть выходного дня, когда ранним утром по звонку будильника можно было не вставать, а вновь погрузиться в сон.

Однако в то утро ему не спалось. Янина уже встала. Она сидела у туалетного столика и подпиливала ногти. Виктор смотрел на ее голую спину.

Словно почувствовав его взгляд, она медленно повернула голову. Улыбнулась, чуть приоткрыв рот. Сейчас Янина походила на маленькую девочку, и это особенно нравилось Виктору.

— Поднимайся, соня, — подмигнула она Виктору. — Посмотри, какая погода! На море сегодня благодать.

— На море? — задумчиво протянул Соколовский.

— А ты что, разве забыл? Сам же собирался в это воскресенье свозить меня на взморье.

— Верно, собирался, — Соколовский встал и взял гантели. — Да не всегда бывает так, как хочется.

Янина нахмурилась.

— Опять служба?

— Ну да, я должен быть в одном месте.

В этот самый час Геновева Щепис шла домой с рынка. В одной руке она несла тяжелую сумку с продуктами, на другой повис ее трехлетний постреленок Юзик, ни за что не желавший идти домой.

Да и Геновеву тоже дом не манил. Неприютен он был без смуглого и волосатого верзилы Казимира. Когда он входил, всегда казалось, что их комнатка слишком тесна и потолки низки для мужа. Правда, любил он, паразит, выпить, что поделаешь. Но если не перепьет, то притащится домой и спит в передней на своем полушубке. Зато когда заложит сверх меры — сиди в уголке и нишкни. И не дай бог, если попадалась ему на глаза старуха Лоренц! Тут уж он просто начал землю под собой рыть от злости.

«Буржуйка старая, гадюка», — скрипел он зубами и потрясал кулачищами.

А теперь сам нечистый уволок куда-то Казимира. И не пишет ни слова, барсук этакий. Ты тут лезь из кожи вон, надрывайся. Прокуроры и милиционеры житься не дают, все допытываются насчет проклятой старухи.

Геновева подошла к калитке и остановилась. Сердце в груди застучало, словно молоток. У двери дома спиной к калитке стоял рослый детина в спортивном костюме и с портфелем под мышкой. Что-то в этом человеке было знакомо Геновеве.

На скрип калитки мужчина обернулся. На глазах у него были темные очки от солнца. Геновева пристально всматривалась в лицо. Нет, все-таки она его раньше не видела.

— Вы не из третьей квартиры? — Незнакомец сделал шаг вперед навстречу Геновеве. — Здравствуйте, я из домоуправления. Мне надо проверить, крепкие ли у вас междуэтажные перекрытия и перегородки. Дом будут ставить на капитальный ремонт.

Не дожидаясь ответа, мужчина взбежал по лестнице на второй этаж. Геновева последовала за ним.

Войдя в квартиру, незнакомец вынул из портфеля плоскую коробку с рычажками и лампочками и присоединил к ней провод с метелочкой на конце. Геновева, разинув рот, наблюдала за происходящим и даже забыла обо всех своих домашних делах и о Юзике. Человек водил своей метелкой, как пылесосом по всем стенам, закоулкам и половицам. Потом еще простучал все молоточком и что-то отметил у себя в блокноте.

— Уж не сносить ли собираются? — вернулся к Геновеве дар речи. — У соседей тоже так было. Проверяли, проверяли да и снесли.

— Нет, нет, все в порядке, — пробормотал в ответ незнакомец, явно не собиравшийся точить ляды. — Халупа еще постоит. А проверить лишний раз не вредно, может, где какая трещина.

Он сложил свои инструменты, попрощался и ушел.

5

— Чтоб он сгорел, этот драндулет!

Молоденький шофер в яркой ковбойке сплюнул в сердцах. С самого утра не мог он раскочегарить свой пятитонный ЗИЛ. Сперва казалось, дело вроде бы в аккумуляторе. Сменили. Потом пропала искра. В конце концов стало ясно, что барахлит карбюратор, но отрегулировать его никак не удавалось.

В автопарке транспортной конторы рабочий день был в разгаре. Въезжали и выезжали машины. В воздухе стоял немолчный гул и рев моторов. Уж давно кончился обеденный перерыв, а шофер в ковбойке все никак не мог выехать в рейс. Наконец к нему на помощь пришли механик колонны и слесарь. Теперь они втроем сунули головы под капот двигателя и пытались найти причину неполадки.

— Все жиклеры продул, — рассказывал шофер.

— Бензонасос качает? — спросил механик.

Слесарь, теряясь в догадках, глубокомысленно поскреб затылок.

— А еще одного специалиста не надо? — раздался чей-то голос за их спинами.

Все трое одновременно выпрямились и оглянулись. Перед ними стоял плечистый человек в зеленом пиджаке.

— Это еще что за карикатура? — шофер в ковбойке был зол на весь мир.

Незнакомец покачал головой.

— Я к вам с лучшими намерениями, хочу помочь, так сказать, поделиться опытом. А вы сразу — карикатура.

— Видали таких опытных! — не снижала тона ковбойка.

— Зря, парень, ерепенишься. Мы с Езупаном едем раз по Мельничной. Вдруг стоп машина! И не заводится, хоть ты тресни. Сразу, конечно, нашлись добрые

советчики. Каждый свое ладит. Кто про карбюратор, кто про зажигание. А малец лет двенадцати дергает Езупана за рукав: «Дяденька, а бензин у тебя в машине есть?» Заглянули в бак — сухо! А ты говоришь!

— Ладно, кончай заливать. Ты откуда — из наших? — примирительно спросил шофер.

— А что, разве на шофера не похож?

Механик улыбнулся.

— Да нет, видать, парень свой; поступиай к нам деньгу зашибать. Шофера нужны позарез.

— Разве у вас зарабатываешь?

— А то нет, — поддержал механика тот, что в ковбойке. — Знаешь, какие бывают рейсы! В Москву гоняем, в Ленинград, в Кишинев. Командировочные, премиальные.

Незнакомец махнул рукой.

— Что-то не верится. У меня тут дружок работал. Не заметил я, чтобы он разбогател.

— Это кто же такой?

Незнакомец вытащил пачку «Примы», всех угостил и закурил сам.

— Щепис Казимир.

— Ах вон кто! — усмехнулся шофер. — Этому никогда не хватит. Пол-литра и колесо колбасы наворачивал только для затравки.

— За пьянку небось и уволили?

— Нет, за другое.

— А мне он ничего не говорил.

— Это было прошлой осенью, в октябре, наверно. Точно! В октябре наша бригада целый месяц работала в Кулдиге, в командировке. А он все в Ригу рвался. Видно, по бабе заскучал. Бригадир строго-настрого запретил уезжать. Но надо знать Казимира. Ночью, втихаря смотался. Гнал, наверно, под сотню. Нарвался на автоинспектора. Превышение скорости. Протокол, сообщили в контору. А у нас тут порядочки монастырские, строго.

— Превышение скорости не бог весть какой смертный грех, — заметил человек в зеленом пиджаке.

— Верно, конечно, — согласился механик. — Его наказали главным образом за самовольную поездку.

— Квартальная премия накрылась, — уточнил шофер. — Его, конечно, заело. Подал заявление и уволился. Ребята говорили, уехал на север.

— Идея неплохая. Надо и мне туда податься за длинным рублем. Схожу к начальству. Посмотрю, что тут предложат. Где контора?

Начальник отдела кадров, тучный человек, у которого из тесного воротничка выпирали складки жира, рылся в кипах бумажек. На посетителя он замахал обеими руками.

— Подождите в коридоре, сейчас нет времени!

Посетитель, похоже, не расслышал, что ему сказали. Он приблизился к столу с раскрытым служебным удостоверением в руках.

Начальник отдела кадров сразу переменял тон.

— Не успеваем. Знаете, сколько тут дел. Не то что в бухгалтерии или в отделе эксплуатации. У нас работа с живыми людьми! Кадры решают все! Так чем могу быть полезен, товарищ капитан?

— У вас когда-то работал шофером Казимир Щепис.

— Числился такой прохвост, хорошо помню. Сколько трудов положил, чтобы от него избавиться. Опять чего-нибудь натворил?

— Нет, почему же? Он теперь передовик производства, на Доске почета висит.

Начальник отдела кадров понял, что дал промашку, но сразу вывернулся:

— Вот я и говорю, мы много с ним работали, старались перевоспитать. Стало быть, труд не пропал, результаты налицо.

В глазах капитана Соколовского прыгали веселые чертики.

— В прошлом году со Щеписом произошла неприятность. Помните, когда он приезжал из Кулдиги в Ригу. Меня интересует точная дата этого происшествия.

Начальник отдела кадров сразу повеселел. Такой поворот дела вполне его устраивал.

— Извольте, один момент, сию минуточку...

Он порылся в шкафу, вытащил толстые папки с делами и принялся их перебирать. Наконец отыскал нужную.

— Извольте, вот приказик. Товарищ Щепис ездил в Ригу в ночь с одиннадцатого на двенадцатое октября.

В ночь на двенадцатое октября? Одиннадцатого был четверг. Значит, дворник и его жена не ошиблись, ко-

гда слышали крики поздно вечером в четверг и в ту же ночь видели в переулке машину Щеписа. Приказ официально подтверждал их показания.

— Попрошу вас дать мне заверенную копию этого документа.

— Сию минуточку, через пять минут будет готово.

Начальник отдела кадров был счастлив, что легко отделался от такого посетителя.

Через полчаса, выйдя из конторы, Соколовский опять встретил шофера в ковбойке, тот бежал с путевым листом к машине.

— Все в порядке, выезжаю!

— Что же все-таки было с машиной? — поинтересовался Соколовский.

— Бензина не было! Ха, ха, ха!

6

Утренняя электричка шла в Ригу. От станции к станции пассажиров все прибавлялось. В Майори поезд был уже переполнен, тем не менее нашлось место и для тех, кто толпился на перроне станции Дзинтари.

Борис Трубек стоял зажатый в углу у двери.

— Пропустите, молодой человек! — Кто-то пытался протиснуться к двери мимо Трубека, чтобы поскорей выйти, — поезд подходил к Риге.

Людская река, миновав подземные переходы, выплеснулась на вокзальную площадь. Трубек прибавил шагу, чтобы не опоздать на работу.

Гунар Дзелзитис уже сидел на своем месте и одним пальцем стучал по клавишам пишущей машинки. Вид у него был совершенно несчастный.

— Кончаются сроки по трем делам, а ты тут колуешься с машинкой. Полдня как не бывало, пока настаукаешь обвинительное заключение.

— Машинистка, конечно, как всегда, занята, — подлил масла в огонь Трубек.

— Переписывает для начальства доклад на сессии исполкома. Разве можно ее беспокоить по таким будничным делам!

— А я вчера видел колоссальную картину. Венгерский детектив. Там следователь вообще не пишет никаких протоколов и не переводит килограммы бумаги,

а творит мозгами и обходится блокнотом. Зато у него есть диктофон, кинокамера, портативная лаборатория и пишущая машинка. Даром не пропадает ни одна оперативная минута.

— У них, наверно, плохо с хранилищами. Некуда складывать толстые тома. Потому и не марают столько бумаги.

Гунар вставил в машинку чистый лист.

— Совсем без документации тоже нельзя, — возразил Трубек.

— Но не протоколировать же всякую ерунду. Как недавно в деле о краже мотоцикла: допросили пятьдесят шесть свидетелей-прохожих, из которых ни один своими глазами происшествия не видел. И каждое показание подробно запротоколировали. Получился целый том.

— Служебное рвение?

— В общем да. Доказательство трудолюбия. А то ведь как бывает: вкалываешь почем зря, рыщешь, рыщешь, пока найдешь настоящих свидетелей, и все равно, если исписал мало бумаги, тебя упрекают, что ничего не делаешь.

В этот момент дверь распахнулась, и появилась могучая фигура капитана Соколовского.

— Привет львам прокуратуры! — зычным голосом поздоровался он.

— Да здравствуют тигры милиции! — отозвался Гунар.

Соколовский поднял над головой темный сверток, облепленный сургучными печатями.

— На, Борис, получай посылку с доставкой на дом, Трубек поймал брошенный ему сверток как баскетбольный мяч.

— Значит, кое-что все-таки нашел? — радостно воскликнул он.

Капитан гордо подбоченился.

— Соколовский да не найдет! Ха!

— Ну не томи, старина, распаковывай, — горел нетерпением Гунар.

Как правило, в прокуратуре работники без нужды не вмешивались в уголовные дела, следствие по которым вели их коллеги. Но дело об убийстве Алиды Лоренц приняло необычный оборот. Это был редкий случай, когда прокуратура опротестовала приговор, тре-

буя, чтобы суд вернул дело на дополнительное исследование. И теперь все сотрудники внимательно следили за ходом событий.

Соколовский плюхнулся на стул и закурил.

— Ну так слушайте и учитесь, дети мои, — начал он. — На сей раз я действовал энергично и принципиально, как мой друг Езупан, инспектор из Прейли, когда он выколотил штраф из старухи Карклиете.

— Снова про Езупана! — вздохнул Дзелзитис. — Непонятно только, почему на этот раз он из Прейли. Насколько помню, в прошлый раз он был из Виляки.

Соколовский нахмурился.

— Прейли, Виляки — какая разница. Ну, взяли да повысили человека по службе и перевели из Виляки в Прейли. Вызывает Езупан эту Карклиете и давай отчитывать: «Ты почему, старая, штраф не платишь?» Старуха глаза на него вылупила, а Езупан знай себе бумаги перебирает. «Тут все в протоколе написано. Дебош был? Был. Стекла в окне побиты? Побиты! Жена побита? Побита!..» Карклиете ни жива ни мертва. «Ай, ай, ай, чья ж это жена... Это ведь меня старик поколотил. Сама же я к вам прибежала, старика чтобы приструнили...» — «А я что говорю? Приструнил я твоего старика на десятку. А что с него получишь? Все до копейки пропивает. Муж и жена — одна сатана. Одни радости, одни горести. Теперь давай сама и плати!»

В кабинет вошел Дзенис. Капитан замолчал, погасил сигарету и положил на стол заключение экспертизы.

— Вот, товарищ начальник, задание выполнено!

Для такого многоопытного оперативного работника, каким был капитан Соколовский, это задание отнюдь не было сложным. Надо было произвести обыск в квартире Щеписов и выяснить, нет ли там каких-либо вещей покойной Алиды Лоренц. Он захватил с собой и лоскутки ткани, полученные Дзенисом у портнихи Лоренц.

— Честно говоря, искать пришлось недолго, — рассказывал Соколовский. — В шкафу сразу же нашел черную блузку с лиловым узором и голубой халат. Материя в точности совпадала с образцами. Здесь оно все, — показал он на опечатанный сверток. — Можете сами убедиться. Вот и заключение экспертизы.

— А что говорит Геновева Щепис? — спросил Дзенис.

— Сперва отказывалась, бога в свидетели призвала. А потом начала лепетать, будто Лоренц эти вещи ей подарила.

— Наивно, — вмешался в разговор Трубек. — В особенности если принять во внимание их отношения...

Соколовский налил себе из графина полный стакан воды и залпом выпил.

— Так что, Роберт, похоже, все в порядке. Твои подозрения подтверждаются. Вещи сперва были вынесены через окно и спрятаны. А после того как Сакум осудили и все вроде бы затихло, Геновева Щепис получила свою долю.

— Надо полагать, лучшие вещи Казимир увез в Норильск и загнал там, — предположил Трубек.

— Трудно сказать, — Соколовский кинул скептический взгляд на молодого следователя. — Судя по всему, тут орудовали не только Щеписы и Сакум. Помните телефонные звонки к Страуткалнам? Звонила женщина. Сакум в то время была в отъезде. Геновева отпадает тоже, совсем другой голос и выговор. Значит, замешана по меньшей мере еще одна женщина. Черт его знает как к ней подобраться!

— Как бы там ни было, — заключил Трубек, — но, по-моему, Казимира Щеписа надо немедленно арестовать.

— Да; — согласился Дзенис, — Казимир в ту ночь, несомненно, был дома, дворник слышал крики, а Геновева категорически это отрицает. Зента Сакум сразу после убийства уехала в Норильск. При первой же возможности за ней отправился Казимир. И наконец, вещи Лоренц в шкафу у Геновевы.

— Вот видишь! — воскликнул Соколовский. — С такими уликами даже твой Озоллапа даст санкцию на арест, не моргнув глазом.

Позвонил телефон. Гунар Дзелзитис взял трубку.

— Прокуратура!

На другом конце провода послышался приятный женский голос.

— Мне, пожалуйста, следователя Трубека!

— Одну минутку! — Гунар передал трубку.

— Товарищ следователь, — произнес женский голос. — Если вы действительно намерены найти убийц Алиды Лоренц, рекомендую поинтересоваться ее завещанием. Оно в нотариальной конторе. И вам

будет ясно, кто больше всего был заинтересован в ее смерти.

— С кем я говорю? — спросил Трубек.

— С человеком, которому известно об этом деле больше, чем вам.

В трубке раздались щелчок и короткие гудки.

Борис повернулся к Гунару.

— Звони скорее на телефонную станцию, пусть проверят, откуда был звонок.

Дзенис махнул рукой.

— Разве мало в Риге автоматов...

— Э, братец! — воскликнул Соколовский. — Мне этот звонок нравится. Не она ли грозила по телефону Страуткалнам? Стало быть, противник в панике, напуган обыском у Геновевы. Чувствуют, что сук под ними начал потрескивать.

— Может быть, они хотят нас запутать и повернуть следствие в другую сторону? — предположил Трубек.

— А ты как думал? Они тоже не дураки. Понимают, что раз нашли одежду, то арестуем Казимира. И кинули нам, как приманку, новое обстоятельство. Расчет простой — пока мы будем бегать в поисках наследников, Щепис успеет еще раз улизнуть.

— Да, но завещание и в самом деле новое обстоятельство, — попытался возразить Трубек. — Возможно, следовало бы...

— Изучить завещание успеем, оно никуда не денется, — перебил его Дзенис. — А вот Казимира Щеписа упустить нельзя. Товарищ Трубек, пишите постановление на арест.

7

Дзенис взглянул на часы.

— Уже пора бы. Непонятно, почему они задерживаются.

Он взял стул и сел в углу комнаты, неподалеку от окна.

Трубек убрал со стола все лишнее, снял очки и принялся тщательно протирать стекла носовым платком.

В дверь постучали. Затем в щели появилась веснушчатая физиономия под милицейской фуражкой.

Трубек отложил очки в сторону.

— Введите!

В кабинет тяжело вошел Казимир Щепис. Он обвел стены мрачным, злым взглядом.

— Вы, может, скажете, за что меня взяли?

Трубек указал ему на стул, стоявший примерно в метре от стола.

— Прошу сесть, — предложил он спокойно.

— Спасибо вам! — Щепис сжал кулаки. — Уже третий день сижу, только не знаю, за что.

— Не беспокойтесь, все узнаете. А теперь поговорим.

— Вон чего: поговорим! — передразнил его Щепис. — Ради этого приволокли меня аж из Норильска, чтобы поговорить?

Трубек достал из кармана шариковую ручку и принялся вертеть ее в пальцах.

— Где вы работали до отъезда на Север?

Щепис налился краской от злобы.

— Ишь чего! Будто сами не знаете. В автотранспортной конторе работал.

— А почему уехали?

— Надоело в Риге, вот и уехал. Заработать хотел побольше.

— Здесь тоже грех было жаловаться на заработки. Часто ездили в командировки. Весь октябрь в прошлом году были в Кулдиге.

Щепис подозрительно покосился на следователя.

— Подумаешь, какая лафа — Кулдига, — проворчал он. — Из лесу не вылезали.

— Не так далеко от Риги. Разок-другой можно было и домой съездить.

— Черта с два съездишь при таком бригадире. Как собака на сене: сам не едет и других не пускает.

— И все-таки в Риге вы побывали!

— Кто вам сказал?

В кабинет вошел прокурор Озоллапа.

— Ну как, развязался язык у нашего приятеля?

— Он никак не может вспомнить, ездил из Кулдиги в Ригу или нет, — сказал Трубек.

— Так, так, — протянул Озоллапа. — Придется напомнить, — и прокурор повернулся к Казимиру: — Что вы делали в Риге в ту ночь?

— В какую ночь?

— Не прикидывайтесь, нам все известно. Вот тут написано, — Озоллапа хлопнул ладонью по толстым папкам на столе. — Ну так как, будете говорить?

— Мне говорить нечего.

— Совершил такое тяжелое преступление, и ему нечего рассказать, — покачал головой Озоллапа. — Ай-ай-ай!

— Я уже сказал, что в октябре в Риге не был, — упорствовал Казимир.

Дзенис, молча сидевший в углу, встал и вышел на середину комнаты.

— Не забывайте об одном: по нашим законам чистосердечное признание является смягчающим обстоятельством. Не надо упираться. Нам известно о преступлении, совершенном вами ночью одиннадцатого октября. И мы можем это доказать.

— Ничего вы не докажете.

— В ту ночь дворник видел вашу машину в переулке, недалеко от дома.

— Брешет, — отрезал Щепис. — Это была не моя машина.

— Быть может, ошибается и автоинспектор, задержавший вас по дороге в Ригу? — Трубек положил перед Казимиром Щеписом два документа.

Щепис поглядел на бумаги, словно нехотя стал их читать. И чем дальше читал, тем сильнее ощущал безвыходность своего положения.

Внешне он оставался спокоен, но мысль петляла как вспугнутый заяц: раз уж они пронюхали о происшествии на шоссе, тогда крышка. Очевидно, инспектор кое-что им порассказал. А тут у следователя на столе еще целая пачка бумаг. Столько всего понаписано. Уж это точно — кто-то раскололся. Наверно, эти двое, что помогали в ту ночь. Может, и впрямь лучше признаться?

И Казимир Щепис решился.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы. — Расскажу все.

Озоллапа окинул победным взглядом Дзениса с Трубеком и вышел из комнаты.

Когда дверь за прокурором закрылась, Щепис попросил разрешения курить. Трубек придвинул пепельницу к нему поближе. Казимир достал помятую пачку «Памира», долго разминал в пальцах сигарету, зажег

и сделал несколько глубоких затяжек. Откашлялся и начал:

— Есть у меня в Риге старый кореш, я его с детства знаю. Еще до войны вместе бегали по Московскому форштадту. Правда, теперь встречаемся редко. Он теперь большой человек, завмагом работает.

Щепис стряхнул пепел на пол. Дзенис опять сел на свой стул в углу и, скрестив руки на груди, терпеливо слушал. Трубек медленно прохаживался по комнате.

Казмир, постепенно успокаиваясь, продолжал:

— Прошлый год осенью я сидел раз в пивном баре и потягивал «Жигулевское». Вдруг — я глазам даже своим не поверил — вырос он передо мной, как гриб после дождя. Подсел. Из кармана пол-литра достает. С пивом она хорошо идет... Рассказываю ему про свою жизнь. Дела идут неважно. Тогда он предлагает мне бизнес. Подумал я, решил, на такого человека положиться можно; лишний рубль тоже не помешает. Ну чего еще? В голове звон стоит. Одним словом, ударили по рукам. По дороге домой все обговорили.

Трубек сел на свое место и приготовился записывать. Щепис закурил вторую сигарету.

— И в тот раз, когда я был в Кулдиге, он дал знать и прислал денег. Я сразу начал действовать. Нашел подходящего старикана, договорились. Когда стемнело, подъехал на машине. Погрузили быстро и... жму в Ригу. Мне — кровь из носа — надо было вернуться к утру, не то крышка. Газовал на всю железку, не заметил запрещающий знак, ну и погорел. Автоинспектор задержал. В Ригу приехал уже за полночь. Но дальше все шло как по нотам.

Щепис умолк.

— Продолжайте, продолжайте, — подбодрил Трубек арестованного.

— А чего тут еще? Я же сказал, все шло как договорились. Дружок ждал меня у Понтонного моста. С ним были еще два здоровых мужика.

Трубек с Дзенисом переглянулись.

— Для чего же вас было так много? — не скрыл удивления следователь.

— Я же сказал: хоть умри, а к утру я должен был вернуться в Кулдигу. Вдвоем нам было не управиться так скоро.

— И что же эти мужики? Стояли на стреме, чтобы никто не помешал?

— Нет, грузить помогали.

— Да разве там было что грузить?

— Я же сказал — полный кузов. Пять тонн, не меньше.

Трубек вытаращил глаза.

— Чего пять тонн — вещей?!

— Каких вещей? Яблок!

Дзенис встал и подошел ближе.

— Не валяйте дурака. При чем тут яблоки, что за яблоки?

Тогда настала очередь удивиться Казимиру.

— Я же говорил. Друг прислал денег, и я у одного старика под Кулдигой купил яблок. Отборные, антоновка и за бесценок! Друг пустил их через свой магазин первым сортом. Заработал он здорово, но и мне тоже перепал хороший кусок.

В кабинете воцарилось молчание. Дзенис напряженно думал. Судя по всему, арестованный говорил правду. Да уж чего-чего, но не такого признания ожидали они с Трубеком. В расследовании убийства Алиды Лоренц они не продвинулись вперед ни на шаг. Что же делать, какую тактику применить в дальнейшем допросе? За какую нитку разматывать этот клубок? Может, переключиться на другую волну, начать с другого конца?

— Из магазина вы сразу направились домой? — начал издалека Дзенис.

— А куда же еще? — подтвердил Щепис. — Сперва только как следует поддали.

— И что же вы делали дома?

— Спал, чего же еще.

— Жена ваша рассказывала иначе! — перебил его Трубек.

— Врет, гадина! — отрезал Казимир. — Мне и оставался-то всего час поспать. В четыре надо было выезжать, чтобы успеть вовремя в Кулдигу.

Дзенис открыл дверь.

— Попрошу войти.

В кабинет, опасливо озираясь, вошла Геновева. При виде мужа она зажмурилась, будто ее ослепил прожектор.

Дзенис не дал ей опомниться и сразу задал вопрос:

— В октябре ваш муж приезжал из Кулдиги?

— Нет, нет, не приезжал, — замахала руками Геновева.

— А вот он утверждает, что был.

— Да чего его, беса, слушать! Бог мне свидетель, не приезжал!

Казимир грузно повернулся к жене.

— Брось, Геновева, будет врать. Они и так все знают.

— Ты же сам наказывал никому ни словечка не говорить. Грозился голову оторвать...

— Здесь вы обязаны говорить правду, — строго прервал ее Дзенис. — Стало быть, он приезжал в ночь с одиннадцатого на двенадцатое октября?

Геновева еще раз покосилась на мужа и, убедившись, что с его стороны угроза миновала, затараторила:

— Был, приезжал, забулдыга окаянный, бухой, как скотина. Девчонку еще напугал чуть не до смерти.

— Какую девчонку? — быстро спросил Дзенис.

— Да нашу Луцию, кого же еще. Спяну кровати попутал. Девка с перепугу заорала так...

— И громко она кричала? — поинтересовался Трубек.

— Езус Мария! А вы бы не закричали, если б посреди ночи пьяный кобель на вас завалился? Я думала, все соседи сбегутся.

— На суде вы утверждали, что в ту ночь никаких криков не слышали, — напомнил Дзенис.

— Меня же спрашивали про соседкину комнату.

Трубек думал. После успешной махинации с яблоками Щепис действительно мог вернуться домой, изрядно подвыпив. Был ли он в состоянии так расчетливо совершить второе преступление? Допустим, был. Но ведь девочка своим криком могла поднять на ноги весь дом. Решился бы Казимир при таких обстоятельствах пойти на убийство? И последнее. Картина происшествия свидетельствовала о преднамеренности преступления. Если бы Щепис заранее к нему готовился, то ни за что не стал бы ложиться спать. Выходит, к убийству он ни в коей мере не причастен. До сих пор следствие ориентировалось главным образом на ночной крик. Теперь ему найдено другое объяснение. И еще: экспертиза определила дату убийства лишь приблизительно. Значит, есть

вероятность, что убийство было совершено вовсе не в ту ночь.

Следователь поднял телефонную трубку и набрал номер.

— Отдел кадров комбината? Говорит следователь Трубек из прокуратуры. Пожалуйста, назовите мне точную дату увольнения Зенты Сакум?.. Да, да, прошлой осенью... А когда получила расчет? Благодарю вас... Да, это все.

Дзенис с Трубеком переглянулись. Потом помощник прокурора что-то написал на бумажке и отдал ее следователю. Трубек кивнул в знак согласия и быстро покинул кабинет.

Спустя несколько минут он стоял перед Озоллапой.

— Ну как там у вас? — спросил прокурор. — Все в порядке?

Трубек переминался с ноги на ногу, как провинившийся школьник.

— Кажется, мы дали промашку, — уныло сказал он и изложил результаты допроса.

— Что-о? — пробасил прокурор, и трудно было понять, удивлен он или возмущен. — Щепис непричастен к делу Лоренц? Быть этого не может!

— В ночь на двенадцатое октября Щепис побывал дома, — докладывал свои соображения Трубек. — Это мы установили точно. А Зента Сакум показала, если помните, что на другой день после убийства взяла на работе расчет и уехала. Уволена она одиннадцатого числа. Если Зента Сакум уехала одиннадцатого, то Казимир Щепис не мог с ней вдвоем совершить убийство в ночь на двенадцатое.

— Неужели она так быстро получила расчет?

— Да, в то же утро, она ведь была ученицей. Там и рассчитывать-то особенно нечего.

Прокурор в этот миг походил на завязатого рыболова, у которого на крючок попала здоровенная щука, но леска была тонка и грозила вот-вот обрваться.

— Да бросьте вы мне тут умничать! Такой бандюга, как Щепис, мог обойтись и без девчонки!

— Убийство было совершено в присутствии Сакум, — сдержанно напомнил еще раз Трубек. — Иначе она не смогла бы так точно и подробно восстановить картину преступления.

Прокурор задумался и поостыл:

— Так, так. Сакум уволена одиннадцатого. А где сказано, что она действительно уехала в тот же день? Преступление скорей всего готовилось заранее. В этом случае Сакум вполне могла заблаговременно уйти с работы, ночью совершить преступление и уехать только на следующий день.

— Вот это надо проверить. Поэтому и пришел к вам. До Москвы Сакум ехала поездом. В списках пассажиров рижского аэровокзала ее фамилия не значится. Но дальше, в Норильск, она, вероятней всего, отправилась самолетом. Надо срочно затребовать сведения из Москвы.

— Хорошо, — согласился Озоллапа. — Сейчас я позвоню по прямому проводу.

Вынужденная длительная пауза в допросе налилась тягостным молчанием. Тупо уставясь в пол, выгнув горбом мощную спину, сидел Щепис. Трубек коротал время за тем, что в двадцатый раз листал дело, иногда что-то в нем перечитывал. Геновева пугливо поглядывала то на одного, то на другого, то на третьего и нервно теребила уголки платка. Дзенис стоял у окна. Казалось, его ничто больше не интересует, кроме этих бесчисленных пешеходов на тротуаре.

Неожиданно повернувшись к Геновеве, он задал ей вопрос:

— Да, кстати, расскажите, каким образом вещи покойной Лоренц попали к вам в шкаф?

Геновева встрепенулась.

— Я же говорила господину из милиции, который рылся в моей комнате. Лоренц сама...

— Нет, сказки вы можете рассказывать другим. Лоренц была не из тех, кто добровольно раздает свои вещи. Да еще вам! Вы же с ней ежедневно грызлись. Одежду вы взяли сами, но когда? Говорите правду.

— А меня судить за это не будут?

— Вы еще, может, потребуете от меня письменную гарантию? Ну, я жду.

— Я... Ну да... Это было... — заикалась Геновева. — Ну, когда наследник пришел. Которая одежда была получше, ту он разом с мебелью увез. Барахло всякое оставил. Я его и прибрала.

В этот момент в кабинет вошла секретарь.

— Товарищ Дзенис, вас просит к себе прокурор.

— Хорошо, спасибо, — сказал Дзенис, вставая. — Ну а с этим все ясно, — кивнул он на Щеписа. — Можете закругляться, товарищ Трубек.

Прокурор сидел, подперев кулаками подбородок, и хмуро глядел в окно. Перед ним на пустом столе лежала только что принятая телефонограмма.

Когда в кабинет вошел его помощник, Озоллапа, не поворачивая головы, бросил сердито:

— Вот, полюбуйтесь!

Дзенис быстро пробежал глазами текст, в котором говорилось: «В ответ на ваш запрос сообщаем, что Зента Саукум убыла из Москвы в Норильск самолетом 12 октября в 10.30, рейс № 541».

— Н-да, — протянул помощник прокурора. — Значит, из Риги она уехала действительно одиннадцатого октября. Что теперь будем делать с Казимиром Щеписом и его яблоками?

Озоллапа зло поглядел на своего помощника.

— Эх, Роберт, ну и посадил же ты меня в галошу! — Озоллапа резко встал и направился к вешалке.

— Выходит, дали маху, — признался Дзенис. — Версия казалась весьма правдоподобной. Все вроде бы совпадало тютелька в тютельку.

Не дожидаясь, пока Озоллапа оденется, Дзенис вышел из кабинета. Он и без того испытывал неловкость и не хотел выслушивать упреки. Около лестницы его догнал Трубек.

— Ну что там, товарищ Дзенис?

— Таковы они — будни прокуратуры, Борис. Работаешь, работаешь, а потом, оказывается, все зря. Надо начинать сызнава. Подумай, пока еще не поздно, может, лучше тебе стать адвокатом, у них жизнь полегче.

— Подумаю, когда будет побольше времени, — Трубек обиженно поджал губы. — А теперь и без того есть над чем поломать голову. Кстати, Геновева Щепис упоминала какого-то наследника. Да и звонившая тогда женщина говорила о завещании. Быть может, как раз тут собака и зарыта.

В ателье входит Майга Страуткалн. К двери прилеплено коряво нацарапанное объявление о том, что сегодня будет принято только пять заказов на пошив пальто и семь — на платья. Хорошо, что Эдвин знаком с одной из закройщиц. Не то Майге пришлось бы выстоять длинную очередь или вообще отказаться от нового зимнего пальто.

У столика приемщицы столпились заказчицы.

— Какое хамство! Испортить такой дорогой материал! — в голосе возмущенной клиентки слезы.

Другая, настроенная более оптимистически, медленно и подчеркнуто спокойно спрашивает:

— Я прихожу сюда третий раз. Скажите, когда же в конце концов состоится примерка моего костюма?

Ультрасовременно причесанная девушка в мини-платье, похожем на распашонку, казалось, не слышала претензий заказчицы. Она взяла у Майги квитанцию.

— Ждите, вас вызовут.

Майга Страуткалн отошла в сторонку и присела на краешек потертого кресла.

В эту минуту в дверях появился Эдвин. Он окинул зорким взглядом зал, увидел жену и подошел к ней.

— Пунктуален, как всегда! — усмехнулась Майга. — По тебе можно проверять часы.

— Точность — вежливость королей, — холодно отшутился Эдвин.

— Не прикажешь ли теперь обращаться к тебе «ваше величество»?

Эдвин сел на соседнее кресло.

— Всегда и всюду ты чувствуешь себя очень самостоятельно и независимо. Но вот пойти без супруга к портному ты не можешь ни в какую.

— У тебя хороший вкус. Я хочу, чтобы мое новое пальто нравилось и тебе тоже.

Эдвин, не вставая, склонил голову.

— Благодарю за комплимент, мне льстит такое отношение.

Мимо Страуткалнов прошел мужчина со свертком под мышкой. Майга проводила его взглядом. Он подо-

шел к столику приемщицы в правом углу зала; огляделся по сторонам и подал записочку. Девушка понимающе кивнула, взяла сверток и стала выписывать квитанцию.

— Пока я тут сижу, — сказала Майга мужу, — оформляют уже четвертый заказ. Хотя официально прием кончился еще утром.

Эдвин приподнял руку и критически осмотрел свои холеные ногти.

— А ты забыла, как недавно сама...

— И все-таки это отвратительно. Все по знакомству, везде через черный ход.

Эдвин поморщился.

— Кажется, знакомство с милицией и прокуратурой пошло тебе на пользу. Ты стала горячей поборницей законности.

— Что же в том плохого?

— Как тебе сказать. А твои поступки всегда соответствуют букве закона?

Майга недовольно покраснела. Она вспомнила о своем недавнем разговоре с Робежникеком на пляже, о поездке с ним в Ляундобели... Да и сейчас ей предстоит выполнить поручение адвоката, ради чего, собственно говоря, она и попросила Эдвина прийти в ателье. Кто знает, насколько законна вся эта затея. Тем не менее...

Майга, чтобы не выдать смущение, притворилась, будто последний вопрос не достиг ее слуха.

— Почему ты с таким презрением произнес эти слова: милиция и прокуратура?

Эдвин вызывающе поднял брови.

— Просто не понимаю, какое тебе дело до безобразий в ателье. Незачем портить нервы. Мир все равно не переделать. Главное, плевать на все и беречь здоровье.

— Какой же ты все-таки циник! — отвернулась Майга от мужа. — А я вот не могу относиться к этому равнодушно. Не могу и не желаю.

В этот миг Майга невзначай подняла глаза и увидела тоненькую, очень миловидную девушку в халате, которая несла несколько недошитых пальто.

Когда работница поравнялась с Эдвином, ее смуглые щеки чуть заметно вспыхнули. То ли от смущения, то ли укололась о булавку, но она сделала неловкое движение и уронила верхнее пальто.

Эдвин вскочил, поднял пальто и галантно подал его мастерице.

Девушка смутилась еще больше.

— Благодарю вас.

— Не за что, — улыбнулся Эдвин и, подмигнув, шепотом добавил: — Всегда готов служить.

Майга проводила девушку взглядом до двери. Где она ее видела? Остроносенькая, характерный изгиб темных бровей и родинка на левой щеке. Да, несомненно, Майга встречалась с этой девушкой и неоднократно. Но где? Она не была из числа пациенток. Своих больных Майга помнила хорошо.

Эдвин тоже смотрел девушке вслед. Но думал при этом совсем о другом.

В зале ожидания загорелся свет. Лишь теперь стало заметно, что на улице вечерело. Сумерки темной вуалью ложились на город и гасили краски дня.

— Мы сидим тут почти полчаса, — Эдвин посмотрел на часы.

Майга встрепенулась, выведенная из каких-то своих раздумий.

— Да, да, очень долго. Хотя, впрочем... Наверно, мастер занят с другой заказчицей.

«Как кстати он мне напомнил о времени», — подумала Майга. Ведь скоро ей придется зайти в примерочную кабину, а тогда...

Рядом на столике были разложены журналы мод. Майга выбрала один из них и стала перелистывать, внимательно рассматривая рисунки.

— Взгляни, Эдвин, как тебе нравится этот костюм для улицы?

Эдвин бросил небрежный взгляд на журнал.

— Недурен. Тебе должен пойти.

— А вот это платье? Миленькое, верно?

— Я всегда высоко ценил твой вкус.

Майга продолжала перелистывать страницы. Наконец она нашла то, что искала.

— Дорогой, — и своим плечом она слегка коснулась плеча мужа, — а ты помнишь, что скоро мой день рождения?

— Разве хоть раз я об этом забыл?

— Сделай мне какой-нибудь оригинальный подарок.

— С превеликим удовольствием.

— Вот, взгляни.

На цветном рисунке Эдвин увидел блондинку в декорированном вечернем туалете из ткани с люриком.

— Тебе хочется такое платье?! Блеск делает его просто вульгарным!

— Да нет же! Ты взгляни на украшения. Изумительная вещица.

Эдвин внимательней присмотрелся к цветному фото. Стройную шею блондинки охватывала тонкая золотая цепочка со светло-голубым сапфиром. Небольшой камешек походил на крупную каплю воды, в которой отразилось весеннее небо. Казалось, она вот-вот скатится вниз по груди красавицы.

Майга ласково прижалась к мужу.

— Подари мне такой кулон!

— Сомневаюсь, можно ли найти в ювелирных магазинах именно такой камень.

— Драгоценные камни покупают не только в магазинах. Есть люди, у которых...

Эдвин подозрительно покосился на жену.

— Я с такими незнаком. — На его лице появилось брезгливое выражение. — Я только из газет знаю о спекулянтах золотом, брильянтами и валютой. Никаких дел у меня с ними не было.

— Куда хватил — брильянты! — Майга по-детски надула губки. — И потом мы не собираемся ничего перепродавать. И о спекуляции вообще нет речи. Мне такой кулон очень пойдет. Сам увидишь.

Эдвин молчал. Еще никогда жена не выпрашивала у него подарков. Доверяла вкусу мужа и неизменно бывала довольна. Подарки Эдвина всегда были оригинальны и интересны. Что может означать эта необычная просьба? Возможно, Майга о чем-то догадывается и решила его проверить? Или действительно загорелась желанием приобрести такой кулон? Нелегко понять женщину.

Майга словно зачарованная, не отрывая взгляда, смотрела на картинку.

— В поликлинике наши девочки говорили, что такие вещицы есть у одного молодого человека. Нет, ты не думай, что он спекулянт. Просто уцелели фамильные драгоценности с прошлых времен. Не то от матери остались, не то от тетки. Возможно, у него есть и такой сапфир.

Эдвин молчал.

— Говорят, он работает в газовом управлении, — продолжала Майга. — Инспектором или контролером каким-то. Кое-кому из наших он что-то продавал. Его фамилия Лапинь. Вольдемар Лапинь.

Эдвин сдержанно улыбнулся.

— И ты думаешь, он станет вести с посторонним человеком разговор о брильянтах? Скорей всего пошлет меня к черту.

Майга заранее приготовилась к подобному и при том логическому завершению этого разговора.

— А ты скажешь, что тебе посоветовал к нему обратиться Айвар. Они когда-то дружили, вместе работали в одном автопарке шоферами. Айвар брат нашей регистраторши.

Разговор прервал каркающий голос репродуктора:

— Гражданка Страуткалн, на примерку в шестую кабину.

Майга встала и направилась к кабине номер шесть. Эдвин пошел за ней.

Часом позже их голубой «Запорожец» остановился у нового дома на улице Горького. Эдвин запер машину.

— Ты собирался зайти к Фреду, — напомнила Майга.

— Да, да! Он обещал мне новые контакты для прерывателя.

— Надеюсь, ты долго не задержишься.

— Нет, дорогая, я скоро.

Майга взбежала по лестнице, отперла дверь, осторожно закрыла ее за собой и кинулась к телефону.

Судя по всему, на другом конце провода этого звонка ждали. Трубка была поднята по первому же гудку.

— Алло!

Приглушенным голосом Майга сказала:

— Это я. Все в порядке. Эдвин его разыщет. Все. Пока!

Она положила трубку и устало опустилась на стул.

2

Софья Трубек сидела на краешке дивана и вязала сыну джемпер. Руки поднялись и вновь устало упали на колени. Уже сколько раз она разогревала ужин. А Борис ее как с утра ушел, так все и не возвращается с

работы. Да, трудно свыкнуться с фактом, что сын стал взрослым человеком, что у него свои интересы и увлечения. Что поделаться, жизнь имеет свои непреложные законы...

Мать подошла к окну и приоткрыла штору. Все люди приходят вовремя с работы домой, только ее сына все нет и нет. Опять беднягу, наверно, задержали дела. Возится все со своими преступниками.

Наконец-то раздались на лестнице знакомые шаги. Софья сняла очки и направилась, шаркая шлепанцами, к двери. Щелчок ключа, в переднюю входит Борис.

— Где ты запропастился? — в голосе привычная тревога. — Просто не знаю, что и думать.

— Какая ты у меня трусишка, мамочка!

Борис обнял мать и поцеловал в морщинистую щеку. Так всегда они встречались, даже после двухчасового отсутствия, хотя Борис давно уже не маленький, как казалось матери. Всем матерям так кажется. После школы он пошел работать на завод. И лишь спустя несколько лет, когда по-настоящему стал на ноги, поступил на заочное отделение юридического факультета.

Мать стучала на кухне крышками, Борис долго и тщательно отмывал с мылом руки. Потом они сели за ужин.

— У тебя сегодня был трудный день, — спустя некоторое время заговорила мать.

— Трудный, мама, — подтвердил Борис. Взгляд его был задумчив.

Поев, Борис встал.

— Мам, я тебе помогу со стола убрать.

— Ступай, и так устал. Сама справлюсь. Вот здесь газеты. Лучше почитай немного перед сном.

Борис зажег лампу над диваном, расположился полужележа и стал лениво просматривать газеты. Но ничего интересного не было. Мысль непрестанно вертелась вокруг одного и того же. Сегодня он был в нотариальной конторе. Там выяснилось, что Лоренц в самом деле оставила завещание, по которому все ее имущество переходило во владение Адольфа Зиткауриса, старого человека, старше, чем она сама. Но вот три года назад она переписала завещание на имя Вольдемара Лапиня.

О каком имуществе вообще могла идти речь? После смерти Лоренц нотариус описал все ее вещи. Это была старая мебель и одежда. Ничего ценного. Если не счи-

тать сберкнижки, на которой лежало сто сорок девять рублей. Правда, врач Страуткалн видела у Лоренц на руке старомодные золотые часы и массивное кольцо. Ни того, ни другого не нашли. Возможно, убийца похитил ценные вещи.

Адольф Зиткаурус. Кем он приходится покойной — родственником или старым другом? Известно ли ему, что он больше не наследник Алиды Лоренц? Это могло быть поводом для ссоры, а то и для убийства или грабежа...

Борис отложил газету в сторону, постелил постель, разделся и залез под одеяло. Но заснуть не удавалось. Слишком громко тикает будильник. Громыкает на стыках рельсов трамвай...

А если все-таки Лоренц убита Зиткаурусом? Тогда при чем тут Зента Саукум? Да и Зиткаурус она выдала бы на первом же допросе. А Вольдемар Лапинь? Молодой мужчина. Такому деньги всегда нужны. Если он был родственником убитой, то наверняка знал, что у старухи кое-что в чулке припрятано. И если он к тому же считал, что наследником по-прежнему считается Зиткаурус...

Борис повернулся на другой бок. Мать дышит тяжело. Опять, наверно, сердце. Борис зажег ночник и поднялся.

— Тебе плохо, мама? Дать капли?

— Пройдет, я уже приняла.

— Может, «неотложку» вызвать?

— Не надо, уже лучше. Ложись спи, сынок. Тебе рано вставать.

Постепенно мать задышала ровнее, видать, уснула. А у Бориса не было сна ни в одном глазу.

Прав Дзенис: чтобы расследовать это убийство, необходимо собрать как можно больше сведений об убитой и выяснить, кому была выгодна ее смерть. Похоже, и Зиткаурус, и Лапинь могли быть заинтересованы... Но какая роль при этом отведена Саукум? Неужели отношения были так натянуты, что Лоренц не впускала к себе ни того, ни другого? Надо будет познакомиться с этими людьми поближе.

Борис перевернул подушку. Она теперь приятно холодила и освежала разгоряченную голову.

Сказала тогда о наследнике и женщина по телефону. Та, что звонила в прокуратуру. Ей якобы известно больше, чем нам. Быть может, даже знает убийцу? Странно.

Почему же раньше звонили Страуткалнам, угрожали, а теперь вроде бы хотят оказать помощь следствию? Может быть, раздоры среди соучастников? Может, совесть замучила, да не хватает духу прийти с повинной? Так тоже бывает. Как ее разыскать?

Коротка летняя ночь...

3

Светло-серая «Волга» свернула с шоссе и остановилась перед двухэтажным домом. Постройка старинная, но крепкая, стены сложены из громадных отесанных валунов. Такие здания в буржуазной Латвии строили для волостных управ. Строили основательно, на долгие времена. Сейчас в этом доме помещалась контора лесхоза.

Роберт Дзенис вышел из машины, которая тут же развернулась и укатила в сторону Риги.

Директор лесхоза уже поджидал работника рижской прокуратуры, о прибытии которого предупредили по телефону.

— Прошу вас, — сказал директор, показывая на массивный стул за письменным столом, а сам направился к двери. — Кабинет в вашем распоряжении. Я должен объехать участки. Лесника сейчас пришлю. Он здесь, я вызвал.

Дзенис не стал садиться за письменный стол, а удобно расположился на широком диване у окна. Предстоял серьезный разговор. Однако Роберт решил начать его как непринужденную беседу. Таким путем легче настроить человека на откровенный лад. Потому он и не стал вызывать лесника в прокуратуру, а приехал сюда сам.

В кабинет вошел несколько деревянным шагом высокий сухощавый седой человек, в брезентовой куртке и резиновых сапогах. Серые глаза смотрели холодно и недоверчиво.

Помощник прокурора придвинул стул поближе к дивану.

— Прошу вас, Зиткаурис.

Старик покосился на стул, на Дзениса, потом неохотно сел. Свет из окна падал ему на лицо. Как раз это и нужно было Дзенису.

— Мне хотелось с вашей помощью выяснить некоторые вопросы, — безразличным тоном начал помощник прокурора. — Я, понимаете ли, разыскиваю родственников Алиды Лоренц. Она умерла прошлой осенью. Вы, кажется, знали Лоренц.

На жестком сером лице Зиткауриса не дрогнул ни один мускул. Старик держал себя так, словно разговор не имел к нему ни малейшего отношения. По дороге из Риги Дзенис продумал, как повести предстоящий разговор, чтобы установить контакт с этим человеком. Может, все-таки начал не в той тональности? Хорошо, испробуем по-другому.

— Просто ужасно, какой смертью привелось умереть Алиде! — вздохнул Дзенис. — Говорят, она была добрая, сердечная женщина.

Лесника передернуло.

— Сердечная?! Хотел бы я посмотреть на того, кто так говорит!

В общем-то Дзенис ожидал другой реакции, но и эта его устраивала. Лед так или иначе тронулся.

— Вы придерживаетесь другого мнения? — удивился он.

— Ведьма! — вырвалось у Зиткауриса.

— Ну что вы!

— Если б вы только ее знали!

— Вы-то знаете ее.

— Лучше было бы не знать.

Зиткаурис старался подавить в себе возбуждение. Он сидел прямо, не касаясь спинки стула. Ответы его были отрывисты, как удары топора.

— По всей видимости, она была к вам в чем-то несправедлива? — Дзенис говорил дружелюбно и даже сочувственно.

— Алида со многими поступала несправедливо. Даже с самыми близкими людьми. Насквозь была злонравная баба. Настоящая выжига.

— И давно вы ее знали?

— С самого детства. Мы же родня. Наши матери были двоюродными сестрами.

Дзенис почувствовал удовлетворение. Начало многообещающее. Удалось все-таки стронуть с места этот паром. Помощник прокурора решил перейти к активным действиям.

— Стало быть, вы всегда недолюбливали Алиду Лоренц?

В глазах у лесника заискрились злые огоньки. Он поджал губы, будто запер их на ключ. Дзенис задумался. Как видно, старик не из простаков. В каком же направлении разматывать дальше клубок?

Неожиданно Зиткаурус заговорил сам:

— Недолюбливал?! Не-ет! Я ее ненавидел! Ее убили, и хорошо сделали. Так ей и надо! Да, да. Хоть она мне и родственницей была. Одной негодяйкой на свете меньше.

Казалось, старика того гляди начнет колотить лихорадка. Землистые щеки нездорово запылали.

— Удивлены, что я посмел так выразиться? — продолжал он. — А мне бояться нечего. Прокуратура ищет убийцу. Я так понимаю ваш приезд и разговор со мной. Могу сказать только одно — мне никакого дела до всего этого нет. Вот так.

Дзенису окончательно стало ясно, что старика голыми руками не взять. Достойный противник. Предлагает открытую борьбу. Самым правильным будет принять вызов.

— Да, мы разыскиваем преступника, — подтвердил Дзенис. — И я вас пригласил для разговора именно об этом. Если вы действительно не имеете отношения к убийству, то будете заинтересованы в раскрытии преступления.

— Чего ради я должен вам помогать?

— Совершенно тяжкое преступление. Виновник подлежит суровому наказанию. Этого требуют закон и справедливость.

— А я так считаю, что поделом ей. И карать убийц незачем. За еретические мысли меня судить не станут? За мысли ведь к ответственности не привлекают.

Старик явно потешался над Дзенисом.

— Вы правы. За мысли, даже за еретические, наказывать нельзя. Но за отказ дать свидетельские показания — можно. Неужели вы действительно хотите, чтобы ваш отказ был записан в протокол? Вы производите впечатление разумного человека, и я надеюсь найти с вами общий язык.

Зиткаурус пожал плечами.

— Спрашивайте. На что смогу — отвечу.

— Это другой разговор. Расскажите, чем занималась

Алида Лоренц до войны, точнее — во времена Ульманиса?

— Ей принадлежал цветочный магазин на Гертрюдинской.

— Лоренц была состоятельным человеком?

— Жила всегда шикарно. Умела устроиться, подладиться под любую власть.

— И под немецкую тоже?

— Еще как!

— Она сотрудничала с оккупантами?

— Не знаю, как с оккупантами, но с немецкими офицерами — это уж точно.

— А разве у Лоренц не было семьи, мужа?

Бледные уши Зиткауриса слегка порозовели.

— Для семейной жизни эта дрянь не годилась. Чего ради обзаводиться детьми, заботиться о муже? Ей бы только самой снимать пенки с жизни.

Дзенис наблюдал за ушами Зиткауриса, они невольно выдавали хозяина. Не получил ли он в свое время отставку, а теперь хочет задним числом свести счеты? Ну что ж, пускай...

— Много у нее в юности было поклонников?

— Ого, эта бабенка и под старость не терялась. Штурмбаннфюрер фон Гауч влюбился в нее по уши и даже собирался увезти с собой в Германию, когда узнал...

Зиткаурис осекся.

— Что узнал? — резко переспросил Дзенис.

Лесник упрямо молчал.

— Я вас спрашиваю, о чем узнал фон Гауч?

В голосе Дзениса зазвучали металлические нотки. Старик опустил глаза.

— Что у них будет ребенок.

Молчание.

— Ребенок родился?

— Да, мальчик. Но Алида даже не подумала его сама воспитывать. Чужим людям сбагрила в деревню. И опять зажила припеваючи. А сын плоть от плоти... Этого я ей простить не мог.

«Да нет, не этого», — подумал Дзенис.

— А как штурмбаннфюрер? — спросил он вроде бы между прочим.

— Этого типа вскоре посадили.

— За что?

— Отдали под суд за присвоение золота и брильянтов.

— Где же он их брал?

— Работал в Саласпилсском концлагере. Через его руки проходили конфискованные драгоценности.

— Вы хотели сказать — награбленные? — уточнил Дзенис.

— Ну да, те, что отбирали у заключенных и увозили в Германию. Этот малый о себе тоже не забывал. Алида рассказывала.

— А потом Лоренц встречалась с ним?

— Я слышал, фон Гауча расстреляли. Немцы были на это скоры. Но кое-что из наворованного перепало и моей родственнице. Уж не знаю — штурмбаннфюрер ей дарил или она сама нахапала.

Дзенис встал и прошелся до окна. Перед домом стояли трое мужчин навеселе и оживленно что-то обсуждали. По шоссе в обоих направлениях неслись автомашины.

— Чем занималась Лоренц после войны?

— Работала на Центральном рынке продавщицей в ларьке. Потом ей удалось выхлопотать небольшую пенсию.

— И помаленьку расторговывала свои драгоценности?

— Наверное, кое-что продала. Но большую часть, конечно, припрятала. Ждала, что времена переменятся. Надеялась, сызнава...

— Где она прятала драгоценности?

— Если бы я знал!

— А что было дальше с ребенком?

Зиткаурис отвернулся.

— Моя изба с краю...

— Не прикидывайтесь наивным и не увиливайте. У нас был уговор: я буду спрашивать, вы — отвечать. Итак, что произошло с мальчиком.

— Жив и здоров. Вырос под фамилией своих приемных родителей. А когда те умерли, кто-то из соседей разболтал.

— И ему стало известно, кто его настоящая мать?

— Ну да. Только он к ней не пошел. Тогда был еще молод и горд.

— А потом?

— А потом жизнь малость пообломала ему рога. Был

у него товарищ. Айвар. Они вместе уехали в Сибирь. Работали шоферами где-то на стройке. Очевидно, жизнь там у ребят была не райская. А может, что натворили. Не знаю. Только три года назад Вольдемар вернулся на родину.

Вольдемар? Теперь проясняется, кто второй наследник. Но на всякий случай надо проверить.

— Но ведь после возвращения из Сибири Вольдемар Лапинь все же наведалься к своей матери.

Зиткаурис вытаращил глаза.

— Вам известна его фамилия?

— Мне многое известно, Зиткаурис. Гораздо больше, чем вы полагаете. Могу проверить каждое ваше слово. Так что не будем забывать про уговор.

— Я говорю правду.

— Вы не ответили на мой последний вопрос.

Лесник нахмурился. Да, этот прокурор стреляный воробей. Поди знай, что еще ему удалось пронюхать.

— После возвращения Вольдемар пришел к Алиде. Только они не ужились. Признать, конечно, признали друг друга. Алида больше всего боялась, что он будет просить помощи. И потому прикидывалась последней нищенкой.

— И тем не менее переписала завещание на его имя?

— И это знаете? Да, переписала. Но не из-за материнской любви. Только ради того, чтобы мне насолить.

— И сообщила об этом сыну?

— Мало того. Потребовала выкуп. Двадцать рублей в месяц.

— А почему же первое завещание было на ваше имя? Вы ведь не ладили между собой. Возможно, вам тоже надо было платить выкуп за завещание? Или она была перед вами в долгу? Не стесняйтесь, Зиткаурис, рассказывайте все о ваших с ней делах.

Зиткаурис заерзал на стуле.

— У меня было хорошее пианино. Еще с мирного времени. Алида нашла покупателя и помогла продать инструмент. Но отдала мне только половину денег. Сказала, что остальные у нее украли. А я требовал, даже угрожал ей. Тогда в уплату долга она написала завещание на мое имя.

Дзенис отнесся скептически к этому рассказу. Несомненно, какие-то сделки между ними имели место. Не эта, так другая. На сей раз Зиткаурис использовал

затасканный, но неглупый прием: держаться как можно ближе к правде и тем самым притуплять бдительность следователя, а в нужный момент подмешать в показания ложь. Ничего, проглотим эту пилюлю. Покамест противопоставить нечего. Надо притвориться, что во все веришь.

— А вас разве устраивал такой вариант? — заинтересовался помощник прокурора.

— Да что я, спятил, что ли? Ругался с Алидой на чем свет стоит. И пригрозил. Но она была не робкого десятка. Понимала, стерва, что я ничего не смогу доказать. Я ей говорю: «На кой черт мне твое наследство, ты дольше меня будешь небо коптить». А она: «Заткнись, старый хрыч, не то завещание отзову».

— И отозвала? — сочувственным тоном спросил Дзенис.

— Да. Как только появился Вольдемар. Назло мне переписала завещание на него.

Зиткаурус достал носовой платок и вытер влажный лоб. В кабинете было душно. Июльский зной густо лился в раскрытое окно. Но Дзенис его не чувствовал. Разговор оказался интересней, чем он предполагал. Один за другим всплывали новые факты, новые обстоятельства. Было необходимо их проанализировать немедленно, в ходе допроса. В то же время надо было слушать Зиткауруса и обдумывать следующие вопросы, не давая ему передышки.

— Драгоценности в завещании не упоминаются, — продолжал Дзенис. — Вольдемару было что-нибудь известно об их существовании?

Старик усмехнулся.

— Я ему рассказал.

— С какой целью?

— Думал, он малость тряхнет свою ненаглядную мамочку. Как трясут осенью осыпную яблоню. Отплатил ей — око за око, зуб за зуб.

— А он?

— Сделал вид, паршивец, будто ему начхать. Притворился. Не может того быть, чтобы человек был равнодушен к золоту и брильянтам.

Дзенис подумал: «Вот когда ты у меня весь как на ладони».

— Когда произошел этот разговор?

— С Вольдемаром насчет драгоценностей? Дайте

припомнить. Мы тогда встретились в городе. Так получилось. Я поехал теплые ботинки покупать. Да, это было в сентябре прошлого года.

— И приблизительно через месяц...

— Алиду убили.

Старик посмотрел на прокурора глазами невинного ягненка и продолжал:

— А Вольдемар вскоре купил себе мотоцикл.

— Вы хотите сказать, что...

— Ничего я не хочу сказать. Это могло быть чистое совпадение.

— Будем надеяться. В противном случае, Зиткаурис, вас можно будет считать лицом, осведомленным о преступлении. Так сказать, подстрекателем.

— Ну нет уж. На убийство я никого не подбивал. Только сказал Вольдемару, что он богатый наследник. А это не преступление.

— После смерти Лоренц в квартире не обнаружено ни золота, ни брильянтов. Возможно, их взял преступник. Но что, если драгоценности по сей день лежат где-нибудь в тайнике?

Дзенис внимательно следил за выражением лица допрашиваемого. Однако оно было непроницаемо. Глаза опять вытянулись в узкие щелочки, и щеки дрябло отвисли.

— Да, тут вам есть над чем подумать, — согласился Зиткаурис.

— И вам тоже.

— Мне-то что? Я не наследник. У меня нет никаких прав на имущество Алиды.

— А Вольдемару?

— Тому да. Но, может, он что-нибудь и знает. Ручаться я ни за что не могу. После смерти Алиды мы не виделись.

— Кто еще проявлял интерес к драгоценностям?

Зиткаурис долго молчал. Затем все-таки сказал:

— Меня хоть и предупреждали — об этом никому, ни полслова. Я обещал молчать...

— Мне вы расскажете!

— Она приезжала ко мне. В Ляундобели. Недавно это было. Расспрашивала про Алиду. Вот так же, как вы сегодня.

— И вы рассказали?

— Кое-что рассказал. Про Алиду, про фон Гауча.

Про Вольдемара и драгоценности... больно уж она ласково упрашивала.

«Эндшпиль, — подумалось Дзенису. — Зиткаурис жертвует ферзем ради того, чтобы укрепить позиции моим доверием к нему. Он мне предлагает ничью. Нет, старче, ничего не выйдет».

— Вы хотите сравнить ее... скажем, с Вольдемаром. Так же, как и в прошлом году пытались натравить Вольдемара на мать. Когда двое дерутся, третьему может перепасть то, из-за чего они сцепились.

— Эх вы куда хватили! Чересчур тонко и хитро. Я хоть и стар, но все же мужчина. Представьте себе, что к вам в лесную глушь приезжает молодая симпатичная бабенка. Улыбается как святая мадонна. Хотел бы поглядеть, хватило бы у вас духу противиться ей? Возможно, конечно. Но я не смог.

На лице Дзениса промелькнула саркастическая улыбочка.

— Кто она такая?

— Не назвалась.

— Как выглядела?

— Красивая женщина. Волосы светлые. Одета по-городскому.

— Какие еще приметы?

— Не помню.

— Могли бы узнать, если бы встретили?

— Да уж и не знаю.

— Ладно, на сегодня хватит. Дома хорошенько обо всем подумайте. Мы еще увидимся.

Зиткаурис был разочарован. Как видно, от этого настырного прокурора будет не так легко отделаться.

Минут десять спустя Дзенис уже стоял на шоссе у автобусной остановки. До автобуса еще долго. И, как назло, никто не едет в сторону Риги. Всегда так, когда торопишься.

Дзенис торопился. Добытая информация была чрезвычайно важной. Теперь наконец обрисовывались контуры Алиды Лоренц как личности. А главное, прояснились мотивы убийства. Это уже большой шаг вперед в темном лабиринте этого запутанного дела. Версия, по которой Лоренц убили ради старого пальто и пары платьев, с самого начала вызвала у Дзениса внутренний протест. Другое дело — золото, бриллианты...

Необходимо теперь срочно проверить показания Зиткауриса. Трубеку надо поручить разыскать Лапиня и допросить, покуда старый лесовик не предупредил его. Старик наверняка поторопится с этим. Какие между ними отношения? Действовать надо быстро и энергично. А ты тут стой и жди автобуса...

Прошное Алиды Лоренц старик описал правдоподобно. Все эти истории с Гаучем, с драгоценностями, с сыном, надо полагать, не плод его фантазии. Но его собственные взаимоотношения с Лоренц? М-да... Тут уж позвольте усомниться. К золоту и брильянтам старик отнюдь не равнодушен. Могло получиться так: Зиткаурис пронюхал, что завещание переписано на Вольдемара, и все надежды лопнули. Он решает завладеть богатством с помощью силы. Но тогда почему только через три года? И чего ради выбалтывать о золоте Вольдемару? Затем, чтобы позднее направить следствие по ложному следу? Очень сомнительно. Слишком уж дальний прицел.

А Вольдемар? Законному наследнику, казалось бы, нет нужды грабить свою мать? Нетерпение молодости? Захотелось поскорей разбогатеть? Может, побоялся, что драгоценности будут конфискованы как незаконно добытые и по завещанию ему достанутся кровать, стол да комод? Кое-какая логика тут есть. Но и это маловероятное допущение. Для чего Лапиню было красть пальто и платья матери, которые потом все равно достались бы ему? Или это маскировка?

Дзенис стоял и ковырял носком ботинка землю. А если все-таки Зиткаурис? Почему он почти без сопротивления рассказал о драгоценностях? Старик не дурак и должен бы понимать, что подозрение может пасть и на него. Впрочем, ясно. Рано или поздно мы все равно все это узнаем. Тогда его молчание оказалось бы вдвойне подозрительным.

Кто из них — Лапинь или Зиткаурис? Но, возможно, ни тот, ни другой. В конце-то концов преступление мог совершить и кто-то еще, кому было известно об имуществе Алиды Лоренц.

Вопросов хоть отбавляй, и каждый требовал точного ответа. Надо думать, думать и еще раз думать. Уже достаточно много допущено ошибок.

На остановке собирались пассажиры. Из-за поворота в облаке пыли показался автобус.

— Именем закона!

Тяжелая рука ложится на плечо. Трубек круто поворачивается. На лице капитана Соколовского расцветает широчайшая улыбка.

— Напугал?

— Жутко! Не видишь, коленки дрожат.

Они стояли на улице Меркеля возле «Сакты». Город окутывали сумерки. В витринах магазина загорелся свет. Над ними весело мигали красные, желтые и зеленые буквы, по-своему подсвечивая шумящий прибой толпы.

— Бегу за билетами в киношку, — подмигнул Трубеку Соколовский. — И целый вечер не буду думать ни о преступниках, ни о прокурорах и санкциях. Первый свободный вечер черт знает за сколько недель.

— Что, много беготни?

— Не говори... — Капитан взглянул на часы. — Ты спешишь, Борис?

— Пока не очень, а что?

— Пошли посидим минут десять. Замотался вдрызг.

Дождавшись паузы в многорядном потоке машин, троллейбусов и автобусов, Соколовский с Трубеком перешли через улицу и оказались под сенью вязов Кировского парка. В этот час, когда все торопятся с работы по домам, они без труда нашли свободную скамейку и сели.

Соколовский расстегнул верхнюю пуговицу кителя и, с наслаждением вытянув ноги, сказал:

— Знаешь, Боря, иногда думаю: ну ее к бесу, эту милицию. Уйду — и точка. Хочу жить как все люди. Свое время отработал — отдыхай! Театр, кино, концерт. Друзья. Подышу себе тихую, спокойную должностенку.

— Завхоза или инспектора по кадрам. Идея неплохая. Выстроишь себе дачку за городом и по выходным будешь поливать тюльпаны. Идиллия!

Капитан полез в карман за сигаретами. Закурил.

— Эх, Боря! Не понял ты ничего! Похоронить меня, что ли, собрался, да?

— Почему вдруг похоронить?

— Завхоз, тюльпаны! Я же через два месяца испущу дух.

— Сам сказал, душа жаждет спокойной жизни.

— В сердцах чего не наговоришь, но ты ведь меня знаешь: я живу, когда тружусь.

— А разве работа инспектора по кадрам не труд?

— Не отвечает моей подкожной сущности. Очевидно, я не создан для спокойной благодати.

Вдруг Соколовский спохватился.

— Послушай-ка, Борис, я чуть не забыл. Есть интересные новости. Думал завтра с утра подскочить к тебе. Но раз мы уже встретились, расскажу сразу. Знаешь, есть такой ресторан «Огрите»?

— Знаю. На первом этаже универмага в Огре.

— Ориентиры знаешь. Оказывается, ты не такой тихоня, каким кажешься. Так вот, в один прекрасный вечер сидит в этом ресторане одна наша общая знакомая. Угадай кто?

— Лора Лиэпа.

— Э, брат, ты не угадал и в жизни не угадаешь. Сидит в «Огрите» Зента Саукум.

— Из тюрьмы бежала?

— Привет! Это в прошлом году. Так вот, сидит наша Зента за столиком в ресторане. Подваливает к ней один хмельной дядя и приглашает танцевать. Зента отказывается. Тот оскорблен в своих лучших чувствах и дает Зенте затрещину. Скандал. Дружинники дядю утихомирили, составили протокол. Зента в нем фигурирует как пострадавшая.

— Когда это было?

— Второго октября.

— За две недели до убийства Лоренц?

— Так точно.

— Как она оказалась в Огре?

— Ты ее сам об этом спроси.

— Она же не одна пришла в ресторан?

— Я расспрашивал у заведующего залом и у швейцара. Те припоминают, будто вместе с Саукум был молодой человек, рослый такой, брютет, на лицо симпатичный. Других примет назвать не могли. Швейцар еще вспомнил, что они приехали на машине и оставили ее на стоянке напротив ресторана.

— Марка машины и цвет?

— Не обратили внимания. На улице было уже темно.

— А в протоколе о молодом человеке ничего не сказано?

— К сожалению, нет. Он в тот момент куда-то вышел.

Трубек почесал подбородок.

— Н-да, твоя новость действительно немаловажная. Помнишь, девушки в общежитии говорили, что у Зенты был ухажер. Хотя сама она категорически это отрицала.

— Врала. И главное — кому? Мне!

— Наверно, был для этого важный повод. Без причины ложных показаний не дают.

— Возможно, парень женился, а она не хотела его компрометировать, — предположил Соколовский.

— Ну знаешь, если человека обвиняют в убийстве...

— А если любит? В таких случаях, бывает, не считаются ни с чем.

— Так что, по-твоему, этот молодой человек к убийству непричастен?

— Я этого не сказал. Хочу только предупредить тебя от поспешных выводов. Здесь необходима ювелирная работа.

— Как бы там ни было, но Саукум придется допрашивать. Она теперь не сможет отрицать эту поездку. Наверно, в огрском протоколе есть ее подпись.

— Конечно.

— Она будет вынуждена назвать имя своего кавалера. Возможно, это и будет концом той самой нити, которую мы никак не можем найти.

— Ты не учел одно обстоятельство, Борис. Зента ведь не свидетель, а осужденная. Она имеет право отказаться отвечать на твои вопросы.

— Так что же, не допрашивать ее вовсе?

— Допросить надо. И чем скорей, тем лучше. Только осторожно. Если сразу откроешь карты, останешься ни с чем. Поймет, куда ты метишь, и будет молчать.

— Посоветуюсь с Дзенисом.

— Обязательно. А что у вас нового в деле Лоренц?

— Пока что ничего конкретного. Одни догадки и предположения. К тому же все время кто-то путается у нас под ногами. Какая-то женщина.

— Заварил же кашу Роберт с этой Зентой Саукум. Теперь, наверно, и сам жалеет. Возможно, прав был Озоллапа. Лучше бы успокоиться на том приговоре. Работы у нас и так по горло.

— А я тебя, Виктор, считал более принципиальным.

— Не ворчи. Это я просто так. И вообще вы оба с

Дзенисом молодцы. Знаешь, давай-ка сейчас зайдем к Роберту. Потолкуем. Есть тут у меня одна мыслишка.

— А как же кино и твой первый свободный вечер?

— Обойдемся.

— Но ведь Янина ждет.

— Позвоню ей от Роберта. Пошли.

5

Путь на третий этаж по многочисленным лестницам и переходам довольно длинен. На втором этаже адвокат Робежник нагнал худого высокого старика в кожаной фуражке, как у извозчиков. Придерживаясь за перила, он, крихтя, переставлял со ступеньки на ступеньку свои длинные ноги в старомодных ботинках на крючках.

«Наверно, жалобщик, — подумал Робежник и перегнал старика. — В адвокатуру они, слава богу, не ходят — консультация стоит денег. Да и вообще, чем может помочь адвокат? То ли дело прокурор. Власть, могущество. А главное, специалист по всем вопросам. Сосед тебя обругал? Иди к прокурору. Домоуправление не ремонтирует квартиру? К прокурору. И прокурор должен всех выслушать».

В приемной прокуратуры Робежник увидел, по крайней мере, пятнадцать посетителей. Одни нервно мяли в руках зеленые повестки. Это были свидетели, вызванные к следователям. Другие терпеливо дожидались своей очереди к прокурору.

Бывает, конечно, необходимость обратиться за помощью в прокуратуру. Скажем, попирают чье-то законное право на работе или в квартире. Или кто-то считает несправедливым решение суда, милиции или других административных учреждений. В таких случаях прокурор все взвесит, вникнет, примет решение. И если закон в самом деле нарушен, скажет свое веское слово и исправит положение.

Робежник поравнялся с канцелярией. Дверь полукрывается.

Двое из милиции сдают секретарю пухлые уголовные дела и в придачу два мешка вещественных доказательств. Там же крутится Гунар Дзелзитис с какими-то документами в руках.

Робежник просунул голову в дверь.

— Привет, Гунар! Как вижу, тебе подкинули раб-
ботенки.

— А тебе хлеба, — отшутился Гунар вместо привет-
ствия. — Несовершеннолетние. Тебя не интересуют? Хо-
роший материал для суда: отец пьет, мать работает
уборщицей в трех местах. Сынок-подросток, сам себе
голова, стал промышлять кражей мотоциклов. Вот тебе
готовая речь.

Гунар вышел в коридор, и они направились в каби-
нет Дзелзитиса.

— Нет, не возьму, — ответил Робежник с кислой
миной.

— Я бы тоже не брал, да не имею права отказывать-
ся. У меня в сейфе целая гора нуднейших дел. И поло-
вина из них — хозяйственные. Ревизии, экспертизы, ве-
домости на зарплату, рабочие задания, дебаты, кредиты,
балансы, отчеты, копии, подделки... Волком взвоешь...

Они вошли в кабинет, и Гунар постучал косточкой
пальца по стене.

— Скажи, пожалуйста, какого сорта кирпичи, из ко-
торых сложена эта стена?

Робежник приложил руку к груди и поклонился.

— Выражаю тебе глубокое сочувствие.

Он положил на стол свою кожаную папку. Дзелзитис
отомкнул сейф и достал несколько томов.

— Вот, оцени мое творчество.

— О, ты плодовит почти как Агата Кристи.

— Да, только мне не выплачивают гонорар за каж-
дую страницу. Почитай, а то еще станешь жаловаться,
что до суда не дал тебе возможность ознакомиться.

— Где мой клиент?

— Сейчас прибудет. Я велел привезти.

Робежник принялся перелистывать дело с конца.
В первую очередь ознакомился с постановлением о при-
влечении к уголовной ответственности.

— Сработано со знанием дела, — заметил Робеж-
ник. — Пять складов очистили! А сторожа где же были?

— Один спал, другого заперли в уборной, третий
сам спрятался. Что ему оставалось делать? Загляни в
последний том. Там показания сторожей. Приходит ко
мне одна такая хранительница социалистической соб-
ственности, наполовину глухая, с палочкой, восьмидеся-
ти восьми лет от роду. Хорошо еще, в тот день ветра

не было, а то ее мимо прокуратуры пронесло бы. Пришла и шамкает: «Ой, и набралась я штраху, шынок! Сижу в шваей будке и шлышу — шкребется там кто-то». Скребется! Они там уже грузовик подогнали и кувалдой замки со складских дверей сбивают. «Хотела попугать. Табуретку взяла да как трахну по штенке, как по ней штукну. Гошподи помилуй! Хотела поглядеть, может, они там уже разбеглишь. Глядь, а дверь жаперта». Я спрашиваю, была ли сигнализация. Оказывается, не было. Ближайший телефон в конторе на четвертом этаже. Чему же удивляться, если склад ограбили.

В коридоре слышались шаги, и в двери возник Трубек.

— Где Дзенис? — крикнул он, еще не переступив порог.

— В тюрюме! — отозвался Дзелзитис.

— Такой добропорядочный человек, — пробормотал Робежник и покачал головой.

Дзелзитис взял со стола комментарий к уголовному кодексу и замахнулся им на Робежника.

— Поехал в тюрьму побеседовать с Зентой Саукум. — Он повернулся к Трубеку: — Велел подождать. Как у тебя с Лапином?

Робежник насторожился.

— С Лапином? — переспросил он.

— Да, это по делу об убийстве Лоренц, — пояснил Дзелзитис. — Помнишь, ты еще защищал на суде Зенту Саукум. Дзенис поручил Борису допросить наследника убитой, Вольдемара Лапinya.

— Ты думаешь, я держу в памяти все процессы, на которых выступал?

Трубек снял пиджак и повесил на спинку стула.

— Знаешь, Гунар, мне что-то не нравится этот Лапине. Скользкий как угорь.

— Водит тебя за нос?

— Да нет. Но понять его не так просто. В основном Лапине подтвердил все, что сообщил о нем Зиткаурус. Он действительно приехал три года тому назад из Сибири. Даже документы показывал. Алида Лоренц встретила его не слишком любезно, но сыном признала.

— Старуха насчет драгоценностей ему говорила?

— Ни слова. Во всяком случае, это утверждает Лапине.

— Тем не менее он платил по двадцать рублей в ме-

сяц за наследство? За старые тряпки и доисторическую мебель.

— Это он объясняет достаточно логично. Он не придавал особого значения завещанию, а давал старухе деньги просто как матери. Сыновний долг.

— Ишь ты! Неожиданная вспышка сыновней любви. И ты ему веришь?

Адвокат Робежниец уткнулся в толстые папки и притворился, будто с головой ушел в материалы дела, готовясь к защите.

— Но впоследствии Лапинь все-таки разузнал о драгоценностях? — не мог успокоиться Дзелзитис. — Может, он и это отрицает?

— Говорит, прошлой осенью ему рассказал о них Зиткаурис.

— Теперь поди знай, так оно на самом деле или они успели сговориться.

— Сомневаюсь насчет сговора. Лапинь зол на старика. Даже пробовал мне доказать, что убийство — дело рук Зиткауриса. Старик решил, что у него есть права на драгоценности. Какие-то старые счета с Лоренц.

— Зиткаурис валит на Лапиня, Лапинь на Зиткауриса. Может быть, на пару? Такая игра была бы вовсе неплохой тактикой защиты. Между прочим, как Лапинь объясняет приобретение мотоцикла? Где взял деньги?

— Говорит, скопил.

— В сберкассе? Это легко проверить.

— Нет, покупал облигации трехпроцентного займа.

— Н-да, это не проверишь. А что он рассказывает о Зенте Саукум?

— Ничего. В глаза не видал ее до суда.

— Естественно. Даже если и знаком, то сразу не признается, — заерзал на стуле Дзелзитис. — Мотоцикл Швейцар ресторана «Огрите» показал, что Зента с молодым человеком приехала на машине. Только не запомнил, на какой. Может, ошибается? Может, на мотоцикле?

Трубек снял очки и внимательно стал их осматривать, близко поднеся к глазам, будто искал в них какой-то дефект.

— Ну нет, Гунар, в ресторан на мотоцикле не ездят. Я выяснил кое-что другое. Лапинь в Сибири работал шофером. Водительские права у него есть. При проверке газовых магистралей, в особенности ко-

гда надо добираться на окраины города, он часто пользуется служебным «Пикапом». Управляет сам. Нередко забирает машину вечером домой — держит во дворе, чтобы с утра, не теряя времени, выезжать на линию. Таким образом, он вполне мог прокатиться с Саукум в Огре.

— Мог, — согласился Дзелзитис. — И, как видно, не случайность, что он поехал в «Огрите». В рижских ресторанах боялся встретить знакомых. Впоследствии они могли бы стать свидетелями.

— Интересно, что даст сегодняшний допрос Дзенису? Убедит он в конце концов Зенту говорить правду или нет?

— Дело адски сложное, пропади оно пропадом, — проворчал Гунар. — Я тебе не завидую. Даже время работает против тебя. По свежему следу расследовать было легче. Эх, Лора, Лора!

Медленно отворилась дверь, и, легка на помине, вошла следователь Лора Лиела. Величавым шагом она приблизилась к столу, огляделась по сторонам и, как будто доверяя строжайший секрет, тихо попросила у Дзелзитиса бланки протоколов. Получив желаемое, она так же грациозно выплыла из кабинета.

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвался Дзелзитис. — Твоего подзащитного привели, Ивар. Начнем-ка...

ГЛАВА 5

1

Сержант милиции Тауринь неторопливо шагал по бульвару Райниса. Дойдя до приземистого здания Рижского горисполкома, он повернулся на каблучках и так же неспешно двинулся в обратном направлении. Миновал прокуратуру, радиомагазин и пересек улицу Ленина.

Около агентства Аэрофлота Тауринь остановился и взглянул на часы. Без четверти одиннадцать. Дежурство подходило к концу.

Даже в этот предобеденный час главные транспортные артерии города пульсировали с повышенным давлением. Лобастые троллейбусы, злобно рыкающие автобу-

сы выстраивались в покорную очередь перед красным сигналом светофора, чтобы через несколько секунд мощной лавиной хлынуть на перекресток. Между ними лавировали напористые «Волги» и юркие «Запорожцы».

Однако в этом кажущемся хаосе царил четкий порядок. Все маневры водителей были подчинены строгим правилам движения, всевозможным знакам над улицей и линиям на асфальте. К сожалению, этого никак нельзя было сказать о пешеходах, они доставляли много неприятностей как шоферам, так и орудовцам.

Тауринь вздохнул. Неблагодарная служба, что и говорить. Задержишь такого недисциплинированного товарища для его же личного благополучия и безопасности, а он недоволен, артачится. Ну куда тот длинный лезет прямо под мотоцикл...

Сержант Тауринь уже было поднес свисток к губам, чтобы пресечь рискованные действия нарушителя, да так и застыл на месте. Темно-красный «Москвич», до этой минуты притаившийся под старыми вязами на улице Ленина, резко разогнался, влетел на перекресток и, визжа шинами, свернул на бульвар.

В следующий миг мерный шум улицы был прерван женским криком. Люди ринулись к месту происшествия, моментально образовалась толпа. Красный «Москвич», не снижая скорости, умчался дальше. Милиционер едва успел разглядеть номер.

Тауринь с трудом протолкался сквозь стену зевак. На асфальте лежала молодая женщина. Левая нога у нее была неестественно изогнута.

Народ кругом возмущался.

— Удрал, негодяй!

— Прямо на нее пер.

— Счастье, что рядом оказался этот мужчина. Прямо из-под колес ее вытащил.

— Еще бы чуть, и капут бедняжке.

Сержант обратился к кому-то из свидетелей.

— Сбегайте вызовите «скорую помощь».

Сам же бросился в агентство Аэрофлота и, растолкав очередь, сунул голову в окошко.

— Телефон! — потребовал Тауринь.

Люди молча потеснились. В окошке немедленно появился телефон, а над ним испуганные глаза девушки, почувствовавшей, что стряслась беда. Сержант взял трубку и набрал номер.

— Дежурный? Докладывает сержант Тауринь. Сейчас красный «Москвич» сбил гражданку на углу Ленина и бульвара Райниса. Уехал в сторону вокзала. Номер машины — 28-47 ЛАВ.

2

С самого утра у Дзениса было неважное настроение. Началось с того, что заболела Марите. У малышки поднялась температура. Зигрида была вынуждена отказаться от интересной командировки и остаться дома с ребенком. Роберт ничем не мог помочь. Самому надо было торопиться на работу.

В прокуратуре его ожидали новые неприятности. Не так давно он поручил капитану Соколовскому разыскать девушек, живших у Лоренц до Зенты Сакум. Геновева Щепис ничего о них не знала, кроме имен — Мирдза и Тамара. Не было повода думать, что они причастны к убийству, но в этом запутанном деле имела значение каждая мелочь, каждая боковая линия.

Теперь, после допроса Зиткауриса, появились новые предположения. Одна из девушек могла случайно узнать о том, что у Лоренц есть драгоценности, и разболтать об этом своему дружку. У Тамары кавалер был.

Но сегодня, придя на работу, Дзенис обнаружил на своем столе записку Соколовского. Капитан сообщал, что ни Мирдзу, ни Тамару до сих пор найти не удалось.

Главная же неприятность ожидала его у Озоллапы. Шеф вызвал Дзениса и потребовал от своего помощника поддерживать обвинение по делу, которое расследовала Лора Лиена.

Телефонный звонок нарушил мрачные размышления Дзениса. Он снял трубку.

— Прокуратура.

— Могу я попросить к телефону товарища Дзениса?

— Слушаю.

— Вас беспокоят из клинической больницы. Полчаса назад к нам поступила сбита машиной женщина. Перелом ноги. Больная просит вас срочно приехать к ней.

Дзенис нахмурился. «При чем тут я? Я не автоинспектор и не следователь по транспортным происшествиям».

— Ей бы надо обратиться в Управление внутренних дел.

— Пострадавшая просила лично вас.

— Как ее фамилия?

— Страуткалн.

Дзенис насторожился.

— Как вы сказали? — переспросил он на всякий случай.

— Майга Страуткалн. Она сама врач.

— В каком отделении лежит?

— В хирургии.

— Еду!

Дежурный врач хирургического отделения набросил Дзенису на плечи белый халат и повел по длинному коридору. Гулко цокали по кафельному полу каблуки, и стук этот походил на удары метронома.

Майга Страуткалн лежала одна в небольшой светлой палате. Бледное лицо на белоснежной подушке казалось восковым. Прямой нос заострился. В больших серых глазах застыла тревога.

Увидев посетителя, молодая женщина попыталась приподняться, но Дзенис жестом остановил ее.

— Вы лежите, пожалуйста, лежите.

Врач вышел и тихо притворил на собой дверь.

Дзенис сел на стул рядом с кроватью.

— Как это с вами произошло?

Майга Страуткалн молчала. Потом, очевидно, собравшись с мыслями, начала:

— Я ездила на экскурсию в Палангу, это курортный городок в Литве. Вчера после полудня мы поехали домой. Я сидела в автобусе с правой стороны у окна и разглядывала новые особняки на окраине Паланги. Мое внимание привлек небольшой желтый домик под зеленой железной крышей. В саду работала старая женщина. Что-то в ее осанке, в движениях показалось мне знакомым. Она подняла голову. И я сразу узнала... боюсь, вы мне не поверите. Мой муж поначалу тоже не поверил. Но я не ошиблась, я более чем уверена. Это была... Алида Лоренц.

Узкая рука женщины лежала поверх одеяла. Дзенис дружески сжимал ее в своей широкой ладони.

— Не волнуйтесь, — пробовал он успокоить боль-

ную. — Возможно, это просто была зрительная галлюцинация, сказались ваше переутомление. Дальняя дорога, впечатления, ночевка в незнакомом месте без привычных удобств. Все это возбуждает нервную систему.

Страуткалн высвободила руку.

— Нет. Мы проехали мимо нее очень близко. Автобус двигался медленно, и я успела хорошо рассмотреть ее лицо и даже вязаную кофточку, которую не раз на ней видела. Песочного цвета с коричневым воротом. Она еще хвасталась, что сама связала. И потом характерная поза. У Лоренц была привычка: согнет руку в локте, а кисть висит плетью. Вот прямо вижу ее перед собой, как она стоит в поликлинике у меня на приеме в такой же позе. Нет, нет, я не ошибаюсь. Это была она.

Дзенис напряженно думал. Многое он повидал на своем веку. Но чтобы воскресали покойники... Это, вне всякого сомнения, какая-то чушь. Но и не верить Страуткалн не было оснований. С другой стороны, убийство ведь произошло. Впрочем, лицо трупа совершенно было разможено. Если Лоренц жива, то кто же убит? Почему убит? Почему Лоренц в Паланге?

В голове у Дзениса взвились вихрем события, домыслы, факты. Он перебирал их, расставлял по местам, сравнивал, анализировал.

— Расскажите, пожалуйста, как вы попали под машину?

Страуткалн отвела взгляд.

— Я шла в прокуратуру, чтобы все это рассказать.

— Из дома?

— Да.

— Какой дорогой вы шли? Расскажите подробно.

— Сегодня прием в поликлинике у меня начинается с двух. Потому я не спешила на работу. Вышла из дому, села на троллейбус...

— Улицу пересекали?

— Нет. Троллейбусная остановка на той же стороне, где наш дом, у самых дверей.

— Ну а дальше?

— Доехала до перекрестка улицы Ленина и бульвара Райниса. Сошла у Аэрофлота и хотела перейти улицу, но тут это произошло. Сама не понимаю, откуда взялась машина. Я же посмотрела, перед тем как переходить. Троллейбус ушел, улица была пуста.

— Не успели заметить марку машины, цвет?

— Нет, ничего не видала. Меня кто-то рванул за руку. Упала, в глазах потемнело. Только когда приехала «скорая помощь»...

Всегда уравновешенный и тактичный Дзенис сейчас напоминал ястреба, с высоты увидавшего цыпленка.

— А теперь хорошенько подумайте и постарайтесь вспомнить. Это важно. Когда вы вышли из дома, поблизости не стояла какая-нибудь машина?

Молодая женщина с удивлением посмотрела на Дзениса.

— Стояла, — подтвердила она. — Я огляделась, не идет ли свободное такси, и увидела «Москвич». Он стоял недалеко от нашего дома, у магазина.

— Серый?

— Нет, темно-красный.

— Вы хорошо это помните?

— Совершенно уверена. Я еще подумала, не адвокат ли Робежниека оказался в наших краях.

— Вы знаете машину Робежниека?

Страуткалн смутилась.

— Я видела адвоката за рулем. Он ведь на суде защищал Зенту Саукум. У меня хорошая зрительная память.

— Возможно, это и была машина Робежниека?

— Полагаю, что нет, но ручаться не могу.

— В «Москвиче» кто-нибудь сидел?

— Мужчина.

— Знакомый?

— Нет. Я только заметила, что шофер был в темных очках.

— Вы наблюдательны. Не обратили внимания, машина не уехала, куда вы ожидали троллейбус?

— Мне ждать не пришлось. Троллейбус подошел сразу.

— В троллейбусе вы сидели?

— Свободных мест не было. Я стояла на задней площадке.

— А красный «Москвич» больше не видели?

Майга Страуткалн подумала.

— Некоторое время он в окне виднелся. Ехал за троллейбусом.

— Где вы потеряли эту машину из виду?

— Затрудняюсь сказать. У Стрелкового парка он еще ехал за нами. Потом я про него забыла.

Дзенис не ответил. Он глядел в раскрытое окно палаты. Птичий щебет, которым был полон больничный парк, не воспринимался сознанием. Не видел он и пары голубей, севших на подоконник и в поиске хлебных крошек деловито исследовавших клювами каждую щелку.

Помощник прокурора мысленно еще раз проверил свою гипотезу, которая возникла еще в начале разговора. Она отнюдь не была плодом голой интуиции или сверхъестественного провидения. Нет. На помощь Дзенису пришла логика.

Три происшествия быстро последовали одно за другим. Вчера врач Страуткалн неожиданно для себя узнает, что Лоренц жива. На следующее утро она спешит сообщить об этом прокуратуре. Но по пути ее сбивает автомашина. И теперь все эти три события настоятельно требуют выявления связи между собой.

Проезжая часть бульвара свободна. И вдруг машина наезжает на человека. Бред! Улица в этом месте достаточно широка, движение одностороннее. Даже если пешеход кинется через улицу бегом, и то можно успеть отвернуть машину в сторону.

Быть может, шофер был нетрезв, растерялся и задел Майгу Страуткалн нечаянно? Все, конечно, возможно, но обстоятельства происшествия неизбежно наводят на другую мысль: кто-то преднамеренно стал на пути врача.

Дзенис рассуждал как шахматист, пытающийся разгадать замысел противника.

Откуда шофер мог знать, в каком именно месте Страуткалн будет пересекать улицу? Этот вопрос заставил помощника прокурора спросить у пострадавшей, не видела ли она эту машину раньше. Ответ подкрепил подозрения Дзениса. Незвестный поджидал Страуткалн в машине у дверей ее дома. Но Майга не стала переходить улицу, а сразу села в троллейбус. В этом месте замысел осуществить не удалось. Тогда он поехал за троллейбусом, не перегоняя его даже на остановках. Как лиса за курицей, крался за Страуткалн и следил, где она сойдет с троллейбуса. Только у Стрелкового парка красный «Москвич» обогнал троллейбус. Оттуда до остановки «Аэрофлот» полкилометра. Можно успеть объехать вокруг памятника и остановиться под деревьями бульвара на улице Ленина. Отсюда удобно следить за пассажирами, выходящими из троллейбуса.

Значит, кто-то хочет как можно скорей, сегодня же, убрать Страуткалн с дороги, чтобы она не успела сообщить о том, что видела Лоренц в Паланге. Иначе он избрал бы менее рискованный путь.

Логическая связь налицо. Остается нащупать последнее звено в этой цепи: как владельцу красного «Москвича» стало известно о потрясающем открытии Страуткалн?

И Дзенис спросил у пострадавшей:

— Когда вы рассказали своему мужу о том, что видели Лоренц?

— Наш автобус приехал в Ригу поздно ночью. Эдвин подждал меня на улице. И я тут же на лестнице ему рассказала.

— На лестнице!

— Да.

— А поблизости никого больше не было? Возможно, кто-нибудь спускался или стоял на лестничной площадке?

— Не видела никого.

— Быть может, хлопнула где-нибудь дверь?

— Не слышала.

— В автобусе никому не говорили?

— Никому.

— Сегодня утром?

Страуткалн помедлила с ответом.

— Н-нет.

Опытный криминалист сразу заметил колебание молодой женщины.

— Я вас понимаю. Есть вопросы, на которые... ну, что ли, не хотелось бы отвечать. Но на сей раз... — он понизил голос. — Ведь речь идет об опасном преступнике.

В глазах Майги мелькнул ужас.

— Ничего не понимаю, — шепотом проговорила она. — Это же абсурд!

— Кому вы еще рассказывали о том, что видели Лоренц? — повторил свой вопрос Дзенис.

Лишь мгновение длилась внутренняя борьба. Затем последовал ответ:

— Адвокату Робежнику.

— Когда это было?

— Сегодня утром. Я ему позвонила, как только мой

муж ушел на работу. Робежниек сказал, чтобы я, не теряя ни минуты, шла к вам в прокуратуру.

Дзенис встал.

— Вы утомились. Я тут слишком засиделся. Дольше, чем мне разрешил врач.

Страуткалн натянула одеяло до самого подбородка и глядела исподлобья на помощника прокурора. В ее взгляде легко было уловить смущение, тревогу, безмолвную просьбу. Дзенис понял значение этого взгляда. Она теперь знала, что страшное подозрение может пасть на двух человек. Но она сама назвала их имена, потому что не могла поступить иначе. Дзенису хотелось хоть как-то успокоить эту милую, честную и смелую женщину. Но еще не настало время раскрыть карты. Он старался говорить как можно мягче.

— Поверьте, Майга, еще нет оснований для серьезного беспокойства. Надеюсь, в ближайшем будущем все прояснится. И тогда я вам дам знать. Пока ни о чем не думайте и поправляйтесь.

У ворот больницы из легковой машины вышли трое. Дзенис поспешил к ней и предъявил водителю служебное удостоверение.

— Мне надо срочно попасть в Управление внутренних дел, — сказал он. — Прошу вас немедленно отвезти меня.

— Садитесь, — предложил человек за рулем.

Дежурный офицер оперативной части в тот момент был один в своем кабинете.

— Товарищ майор, меня интересует дорожное происшествие на углу улицы Ленина и бульвара Райниса, — помощник прокурора задал свой вопрос прямо с порога. — Удалось задержать шофера?

— Удрал. Сам не пойму как. Наши патрульные машины окружили район вокзала, перекрыли и обшарили все прилегающие улицы.

— А дворы? Не исключено, что машину он оставил где-нибудь во дворе, а сам преспокойно ушел. Или же вы просто проворонили, и он уехал из этого района города.

— Поиски продолжаются, товарищ Дзенис. Сообщено всем отделам милиции по республике, автоинспекции.

— Удалось ли хотя бы установить личность владельца красного «Москвича»?

— Номер подделан. Под номером 28-27 ЛАВ зарегистрирована зеленая «Волга». Принадлежит солисту

филармонии, а он уже пять дней как выехал на машине на Кавказ.

— Как только узнаете что-нибудь, прошу сообщить мне или следователю Трубеку.

— Хорошо, товарищ прокурор.

Дзенис поднялся на второй этаж, где находился кабинет начальника уголовного розыска. Подполковник Крастынь сидел за письменным столом, окутанный, как всегда, табачным дымом.

— Интересные новости, Илмар Артурович, — заговорил Дзенис, садясь в кресло. — Оказывается, Алида Лоренц жива. Вчера ее видели в Паланге.

Подполковник долгие годы проработал в милиции и привык не удивляться. Его трудно было чем-нибудь ошеломить.

— Любопытно. Надо выяснить и поскорей. Сами поедете?

— Обязательно.

— Значит, нужна машина.

Подполковник придвинул к себе поближе настольный микрофон и отдал распоряжение. Затем опять обратился к Дзенису:

— Машина будет через десять минут. И вот еще что. Капитан Соколовский сейчас в отделе внутренних дел Ленинского района. Не буду возражать, если по пути вы прихватите его с собой.

— Благодарю вас.

У этого пятидесятилетнего человека был строгий и вместе с тем добродушный и усталый взгляд, какой бывает у людей, повидавших на своем веку много такого, отчего можно поседеть и в двадцать лет. Говорят, советские чекисты — люди без нервов. В этом есть доля правды. Только никто не знает, чего это стоит самим чекистам...

— И еще одна просьба, Илмар Артурович, — спохватился Дзенис. — Здесь в управлении находится следователь Трубек. Мне надо бы перед отъездом...

Кивком головы Крастынь прервал Дзениса и еще раз наклонился к микрофону.

— Младший лейтенант Грауд, найдите в управлении следователя Трубека из прокуратуры и зайдите с ним ко мне.

Дзенис протянул руку к телефонной трубке.

— Можно?

— Да, да, звоните.

Помощник прокурора набрал номер.

— Юридическая консультация? Попрошу адвоката Робежниака. Не пришел на работу? Сами ищете? Нет, нет, ничего. Извините за беспокойство.

Дзенис положил трубку.

— Так я и предполагал.

— Адвокат Робежниек? — подполковник пытался что-то вспомнить. — Это уж не тот ли удалец, с которым наши автоинспектора вечно воюют за превышение скорости?

— Наверно, тот самый. Ну ничего, увидим...

— Что-нибудь натворил?

— Боюсь, что и в самом деле...

В кабинет вошел Трубек с белокурым младшим лейтенантом, на вид совсем еще мальчиком.

— Послушай, Борис, — обратился Дзенис к следователю. — Я сейчас еду в Палангу. Там видели Алиду Лоренц. Да, да. Цела и невредима. А ты срочно установи, где были и что делали инженер Страуткалн, Вольдемар Лапинь и Зиткаурис сегодня между десятью и двенадцатью часами. В это время сбита машиной врач Майга Страуткалн. И еще. Собери сведения, не пропала ли без вести в конце прошлого года какая-нибудь похожая на Лоренц старуха.

— Вам поможет младший инспектор Грауд, — добавил подполковник Крастынь и посмотрел на часы. — Поезжайте, товарищ Дзенис. Машина ждет вас.

3

Лет около тридцати назад шоссе между Мейтене и Йонишками было перекрыто двумя полосатыми пограничными шлагбаумами.

Подле одного стоял толстый столб с гербом буржуазной Латвии. Два кровожадных льва на нем пожирали глазами восседающего на белом коне витязя в латах, который украшал герб буржуазной Литвы, прибитый к точно такому же столбу шагах в двадцати южнее. Граница, разделявшая два братских народа, была закрыта.

Сегодня этих шлагбаумов нет. День и ночь мчатся по шоссе в обоих направлениях автомашины. Литовские колхозники везут на рынки Риги яблоки, домашнюю

птицу, овощи. Заводы Вильнюса и Каунаса поставляют в Латвию электронное оборудование. Из Риги в Литву едут радиоприемники, мопеды, трикотаж. Мчатся по шоссе экскурсионные автобусы, легковые машины...

Сразу за Мейтене дорога сворачивает вправо и огибает лесистую горку. Это место и облюбовал себе в качестве наблюдательного пункта районный инспектор дорожного надзора. Схоронив мотоцикл в придорожном кустарнике, он вместе с помощником, молоденьким сержантом милиции, расположился в лощинке на вершине бугра. Отсюда шоссе хорошо просматривалось в северном направлении.

Уже более часа сидели они в секрете. Вовсю жарило июльское солнце. Сержант с трудом отгонял сон, смыкавший ему веки. «Ночь, видать, проплясал», — подумал автоинспектор, у которого беспечная пора танцулек давно и безвозвратно минула. Сержант потер глаза и заговорил:

— Это правда, товарищ старший лейтенант, что мы ожидаем опасного преступника?

Автоинспектор неторопливо закурил сигарету.

— Не первый раз. Волков бояться, в лес не ходить. Если только он газанет в нашу сторону.

— А если другой дорогой?

— Там другие задержат. Посты есть повсюду.

Такой вариант сержанта никак не устраивал. Он недавно поступил в милицию после военной службы, впервые принимал участие в ответственном задании и мечтал о приключениях.

Старший лейтенант не отрывал взгляда от шоссе. Вдруг он насторожился. Вдали показался темно-красный «Москвич». Машина стремительно приближалась.

— Бегом! — скомандовал старший лейтенант и бросился вниз по склону.

Сержант едва за ним поспевал. Вдвоем они выкатили мотоцикл из кустов и перегородили им часть шоссе. Красный «Москвич» был уже близко. Встав посреди шоссе, старший лейтенант поднял черно-белый жезл.

Взвизгнули шины, автомобиль застыл перед неожиданным препятствием. Дверца открылась, из машины вышел статный мужчина в темных очках. Желтая нейлоновая «битловка» оттеняла коричневый загар. Брюки василькового цвета были тщательно отутюжены и плотно облегли мускулистые бедра.

Старший лейтенант подошел к водителю. Сержант держался в стороне и на всякий случай уже расстегивал кобуру пистолета. Но человек в темных очках не бросился бежать, как предполагал сержант. Только насмешливо кивнул на мотоцикл.

— Готовитесь к межколхозным соревнованиям по прыжкам на автомобилях? Или, может быть, район не выполнил план по сдаче металлолома и теперь вы хотите его наверстать за счет проходящих машин?

Старший лейтенант пропустил насмешку мимо ушей.

— Попрошу документы, — сказал он, поднося руку к козырьку.

Водитель красного «Москвича» небрежно подал шоферское удостоверение. Офицер пригляделся к фотографии, проверил печать. Затем обошел вокруг машины, осмотрел номер и сравнил его с записью в техническом талоне. Хозяин «Москвича» глазел по сторонам с таким скучающим видом, точно эта проверка его нисколько не касалась.

— Прошу открыть капот!

Убедившись, что номера двигателя и шасси тоже совпадают с записанными в документах, старший лейтенант еще раз внимательно осмотрел номерной знак. Затем отдал документы и опять откозырял.

— Можете ехать.

Человек в черных очках церемонно поклонился.

— Только, пожалуйста, откатите свою боевую колесницу.

— Сержант, освободите дорогу!

Красный «Москвич» стремительно набрал скорость. Автоинспектор задумчиво глядел, как машина делалась все меньше и меньше, пока не исчезла из виду.

— Почему отпустили, товарищ старший лейтенант? — сержант был разочарован.

— На каком основании ты его задержишь? Номер был не тот, который сообщили из Риги. Ничего похожего. Следов краски на номерном знаке незаметно. Документы в порядке.

— Значит, не он?

Офицер пожал плечами.

А красный «Москвич» тем временем жадно заглатывал километры.

Июльское солнце стояло еще высоко в небе, когда вдаль показались первые домики Паланги. Вот они уже

рядом и поспешно разбегаются по обеим сторонам дороги.

Шофер снизил скорость. На окраине курортного городка он отыскал желтый дом с зеленой крышей. Проехав мимо, свернул в переулок. Оставил там машину и пешком вернулся.

Калитка двора была заперта изнутри. Однако звонить он не стал, а просунул руку между планками и отодвинул щеколду.

От калитки до дверей дома тянулась дорожка, посыпанная белым песком. В два прыжка мужчина был у порога. Он не стучался, но осторожно приоткрыл дверь, неслышным шагом лесного хищника прошел через небольшую переднюю в гостиную.

Ни души. Незванный гость двинулся дальше. Через полуприкрытую дверь спальни он увидел старую женщину. Она стояла у туалетного столика спиной к двери.

Гость нарочито громко откашлялся.

— Приветствую вас, мадам!

Женщина резко обернулась.

— Что надо? Кто вы такой?

В голосе не послышалось ни страха, ни удивления. Скорее злорадия. Однако непрошенный гость оказался не из робких.

— Предположим, инспектор социального обеспечения и интересуюсь, как живет не трудоспособным пенсионерам. Мадам довольна таким ответом? Или было бы лучше сказать, что я из милиции?

Женщина решительно приблизилась к незнакомцу.

— Что вам надо? — повторила она с возмущением.

Мужчина и на этот раз уклонился от ответа.

— Быть может, присядем? Серьезные разговоры обычно происходят за круглым столом.

Женщина смекнула, что за наглостью неожиданного посетителя кроется серьезная угроза. В то же время этот визит в какой-то мере ее интриговал. Поэтому хозяйка решила изменить тактику: она села и жестом, свидетельствующим о знакомстве с изысканными манерами, указала гостю на второй стул.

— Прежде всего хотелось бы знать, с кем имею честь говорить?

— Чрезвычайно сожалею, мадам, но я путешествую инкогнито. Принц в изгнании, если вас это устраи-

вает. Не взывайте, но у меня высокоразвитый инстинкт самосохранения. И в подобной ситуации...

Любопытство в этой женщине боролось с подозрительностью.

— Мне кажется, вы ошиблись адресом.

— А разве вы не Алида Лоренц?

Подозрительность взяла верх. Женщина быстро прикинула: в Паланге она живет замкнуто, ни с кем не встречается. Здесь почти никто не знает ее имени. Откуда этот нахал? Кем он подослан? Скорей всего все теми же, из-за кого пришлось столь поспешно убраться из Риги и теперь жить в этой добровольной ссылке. В любом случае перед ней враг. Надо быть начеку.

Холеными пальцами мужчина ловко снял со скатерти длинный седой волос и с отвращением бросил его на пол.

— Знаете, мадам Лоренц, я завидую людям, которым всегда и во всем везет. Взять хотя бы вас. До войны, если не ошибаюсь, вы делали неплохие денежки в цветочном магазине на Гертрудинской улице. При немцах вам удалось устроиться и того лучше. Ей-богу, завидую.

Прищуриив глаза, женщина внимательно слушала. Ах вот куда ты гнешь! Сомнений нет: действует та же шайка, что и в Риге. Пронюхали, где она прячется. С этими шутки плохи. Тогда, на улице Вайрога, они показали, на что способны. Удастся ли провести их во второй раз? Теперь главное — не терять присутствия духа и постараться выиграть время.

Алида Лоренц расправила складки на скатерти. Как и подобает хорошей хозяйке.

— Сегодня мне завидовать не приходится.

— Как знать, мадам, как знать. При таком покровителе и попечителе...

— Каком покровителе?

— Очень некрасиво с вашей стороны забыть господина фон Гауча!

— Вы с ума спятили! Он расстрелян еще в сорок четвертом.

Мужчина в черных очках наклонился и загадочно улыбнулся.

— Ошибаетесь, уважаемая. Штурмбаннфюреру тогда удалось выпутаться, и сейчас он в полном здравии проживает в Западной Германии и, надо сказать, весьма процветает. Прислал весточку с одним очень солид-

ным туристом. Господин фон Гауч шлет вам свой сердечный привет.

— Почему же турист обратился к вам? И как вы меня тут нашли?

— Я же сказал: у меня сильно развит инстинкт самосохранения. Поэтому я, как правило, неделикатные вопросы оставляю без ответа.

Лицо Алиды застыло. Она пыталась противопоставить наглому упорству этого человека холодную надменность.

— Не верю. Не верю ни одному вашему слову.

Мужчина встал.

— Тогда разрешите наш разговор считать окончательным. Честь имею кланяться.

Лоренц не ожидала такого поворота.

— Постойте!

— Я вас слушаю.

— Чем вы можете доказать, что нашли меня действительно по заданию Гауча?

— В старинных рыцарских романах кавалер в подобной ситуации присылал своей даме сердца кольцо с фамильным гербом. К сожалению, штурмбаннфюрер не прибег к этому способу. Видимо, потому, что все его драгоценности остались у вас. Везти с собой письмо мой знакомый турист не пожелал. Господину фон Гаучу оставалось лишь на словах поставить вас в известность о его намерении исполнить свое обещание: он просит вас приехать к нему в Германию. Еще он велел передать, чтобы вы обязательно прихватили с собой голубой сапфир, подаренный вам на именины. Он сказал, что вы знаете, о каком сапфире идет речь.

У Лоренц голова пошла кругом. Голубой сапфир, обещание Генриха забрать ее с собой в Германию. Об этом никак уж не могли знать те, кто шантажировал ее в Риге. Следовательно, этот человек не из их компании... Вдруг он говорит правду, вдруг фон Гауч и в самом деле уцелел? Алиде Лоренц вспомнилась Рига летом сорок четвертого года: непрерывные воздушные тревоги, нервозность германского начальства, лихорадочная эвакуация. В такой кутерьме могло случиться все что угодно: у Генриха были верные друзья. «Да, но если даже Гауч жив, на что я ему теперь нужна? Столько лет прошло!»

Незнакомец словно прочитал ее мысли.

— Вашему другу в Германии принадлежит небольшая фабрика детских игрушек. Однако есть возможности к ее расширению. Необходим капитал. Фон Гауч рассчитывает на золото и камешки, которые вы здесь не оставите. Он, в свою очередь, гарантирует вам определенный процент от прибылей, виллу в Италии или на юге Франции. Одним словом, беззаботную старость в благородном обществе. Я на вашем месте не отказывался бы. Между прочим, Гунта тоже там и опять работает у него секретарем.

— Можно подумать, мне остается лишь пойти купить билет и сесть в поезд.

— Вас тревожит путешествие через границу? Можете не беспокоиться. Штурмбаннфюрер и его друзья все организовали. Ваша поездка будет не вполне легальной, но и без особого риска. Правда, все это связано с некоторыми расходами. Разумеется, в стабильной валюте. Полагаю, что вы меня поняли.

В Лоренц опять зашевелились подозрения.

— Ничего вы от меня не получите!

— Вы хотите сказать, драгоценностей больше у вас нет? Очевидно, вы их сдали в Государственный банк. В таком случае барон фон Гауч, несомненно, утратит интерес к вашей персоне.

Никогда ранее перед Лоренц не вставал гамлетовский вопрос столь остро. Соблазнительная перспектива, достижение цели жизни. Но ни малейшей гарантии. Рискнуть? Что ее ожидает здесь? Рано или поздно эта банда все равно нападет на ее след. А тогда...

— Я должна подумать.

Мужчина посмотрел на часы.

— Надеюсь, пяти минут вам будет достаточно. Я и так уже опаздываю. Это большой риск с моей стороны.

— Вы можете прийти за ответом завтра?

— Мадам нужно проконсультироваться с господами из службы госбезопасности?

— Ну знаете ли! Вы себе позволяете слишком много.

— Я дорожу свободой.

— Все равно драгоценностей здесь у меня нет.

— Какое легкомыслие с вашей стороны! Вы можете за него дорого поплатиться.

— Как это понять?

— Очень просто, — в голосе мужчины послышалась угроза. — Если вы сию же минуту не выдадите

мне средства на путевые расходы, буду вынужден сообщить...

— Фон Гаучу?

— Прежде всего органам госбезопасности.

— О моих брильянтах?

— О том, каким путем они добыты. И о кое-каких ваших валютных операциях. Таково распоряжение фон Гауча.

Алида поняла, что загнана в тупик, отступить некуда.

— Чтоб вас всех разорвало!

— Это ваше последнее слово?

— Сколько вам надо?

— Покажите все. Лишнего не возьму.

Лоренц тяжело встала и вышла из комнаты. «Гость» последовал за ней. На кухне она отодвинула в сторону бельевую корзину и попыталась поддеть одну половицу. Мужчина поспешил ей помочь. Вскоре в руках у него оказалась аккуратно перевязанная металлическая шка-тулка. Они вместе вернулись в комнату.

В этот момент возле дома затормозида машина. «Принц-инкогнито» в темных очках кинулся к окну.

— Кто-то сюда идет. Меня не должны тут видеть. —

Мужчина вбежал в спальню и прикрыл за собой дверь. Алида Лоренц поспешила в переднюю, чтобы закрыть дверь на засов, но не успела.

4

Четыре молодых человека были поставлены в ряд, плечом к плечу. Четыре серых лица и коротко стриженные головы.

Следователь Трубек еще раз внимательно осмотрел этот «строй». Слишком похожи они друг на друга. Узнает ли пострадавшая злоумышленника?

Трубек открыл дверь.

— Войдите, пожалуйста.

В дверях стояла шупленькая девушка со своей дородной мамашей. Девушка несмело сделала шаг вперед, посмотрела на парней — и тогда словно удар бича:

— Вот он!

Второй от окна вздрогнул.

— Вы вполне в этом уверены? — спросил на всякий случай Трубек.

— Да.

— Тогда присядьте, пожалуйста. Напишем протокол. Трубек уже перевернул бланк на другую сторону, когда в комнату влетел младший инспектор Грауд.

— Был в институте, — выпалил он с места в карьер. — Нашего инженера утром видели на работе.

Трубек повернул голову.

— Что значит утром?

— Был там до половины десятого. Потом уехал на завод.

— И во сколько вернулся?

— Еще не вернулся.

Следователь попросил пострадавшую подписать протокол и отпустил домой. Затем велел увести арестованных.

— А на заводе проверили? — снова обратился он к Грауду. — Действительно ли был там Страуткалн?

— Да, был.

— А потом?

— Часов около десяти ушел.

— Необходимо узнать, где он был после десяти.

Грауд прищурил глаз.

— Может быть, сидел в кафе с дамой.

— В кафе! — сердито передразнил Трубек. — А другие двое?

— Адажский участковый инспектор Абол сообщил, что Зиткаурис на рассвете отправился в лес.

— А Лапинь?

— Последний раз его видели на работе вчера после обеда. Взял «пикап», чтобы с утра объехать свой участок.

— Чем дальше, тем отрадней, — Трубек собрал со стола бумажки и засунул их в папку. — Страуткална теперь до вечера не догоним.. Зиткаурисом займется Абол. Мы попытаемся выяснить, что сегодня утром делал Лапинь. Поедем на его участок.

У главного входа следователя и младшего инспектора уже поджидал милицейский «газик».

— В старый Милгравис! — скомандовал шоферу Грауд.

У самой Даугавы, где обрывается асфальт улицы Эммас, машина остановилась.

Грауд прошелся вперед и посмотрел на номер большого углового дома.

— Должен быть здесь. По графику сегодня Лапинь должен делать обход квартир в этом доме.

Они разыскали жилище дворника. Дверь открыл подросток.

— Мы из газового управления, — поспешил представиться Трубек.

— Сегодня один уже был, — удивился мальчик.

— Хорошо, что был. Мы проверяем работу обходчика. В котором часу он приезжал?

Мальчик, повернувшись к кухне, крикнул:

— Мама, во сколько приходил тот дядя, который газ проверял?

Из кухни вышла сама дворничиха.

— Сегодня рано был. В семь часов, когда вышла улицу мести, машина уже стояла.

— Он только в этом доме проверял или в других тоже? — спросил Трубек.

— Нет, сегодня дальше не пошел. Около десяти уехал в город.

Когда вышли на улицу, Грауд остановился.

— Интересно. Оба, Страуткалн и Лапинь, пропали из виду в десять.

— Да, словно сговорились.

— Что будем делать дальше?

— Поехали назад. Вы зайдете в газовую контору. Возможно, встретите Лапиня. А я отправлюсь в управление. Надо порыться в старых донесениях и журналах.

5

Уже недалеко от Шяуляя шофер спросил у капитана Соколовского:

— Поедем прямо через Кельмы или направо, через Тельшай?

— А где ближе?

— Через Тельшай ближе, но там ремонтируют шоссе.

— Гони по ближней, не будем жалеть рессоры — надо спешить.

Плавно покачиваясь, серая «Волга» мчится по гладкому асфальту. Соколовский с Дзенисом удобно расположились на просторном заднем сиденье.

— Не угостите ли меня сигаретой? — обратился помощник прокурора к шоферу.

— Что с тобой, Роберт? — удивлен Соколовский. — Ты ведь не куришь.

— С этим делом, будь оно неладно, не только курить начнешь, но и до запоя недолго, — проворчал Дзенис. — Чем дальше в лес, тем больше дров.

— Ничего, все обойдется. Чего в жизни не бывает. Я тебе расскажу, какой номер получился у моего друга, участкового инспектора Езупана. Останавливает его на улице один районный ответственный товарищ и спрашивает: «А правда ли, что ты Свиндубиса вчера вором и взяточником обозвал?» Езупан опешил. «Свиндубиса? Да я такого и не знаю». — «Ты мне арапа не заправляй. Сам кашу заварил, а теперь делаешь такие глаза, будто с обратной стороны луны свалился. Был вчера на торговой базе?» — «Был». — «Говорил такие слова: допустим, гражданин Свиндубис разбазаривает ~~казенное~~ имущество и к тому же берет взятки, а коллектив, в котором он работает, все это видит и никак не реагирует? Сказал так?» — «Сказал. Но это же только предположение. Чтобы разговор не был в отрыве от действительности. Это я для наглядности». — «Да уж куда наглядней! Вся база только об этом и говорит. Считают, что потеряли лучшего завскладом». Езупан перепугался не на шутку. «Неужели всерьез обиделся и подал заявление об уходе? Сейчас побегу извинюсь перед ним». — «Поздно. Он уже у прокурора». — «У прокурора? Здорово! Теперь меня еще притянут по сто двадцать седьмой за клевету». На следующий день Езупана вызывает районный прокурор. «Вчера тут Свиндубис был». — «Знаю, — вздохнул Езупан. — Судить будете?» — «Будем. А вам объявляю благодарность. Свиндубис покаялся во всех своих грешках. Он решил, если уж милиция знает, нет смысла ждать. Повинную голову меч не счеет. Свиндубис дорожит этим смягчающим обстоятельством». А Езупан рот разинул и глазами хлопает.

Дзенис неумело закурил.

— Зря ты, Виктор, тратишь время в своем угрозыске. Талант пропадает. Из тебя заправский юморист получился бы. Без пяти минут Галшек. Или хотя бы один из братьев Каудзит.

Шофер прыснул со смеху. Соколовский с упреком по-

косился на него, потом на Дзениса и нахохлился в своем углу.

Машина приближалась к Паланге. Погода, как это часто бывает в Прибалтике, неожиданно переменялась. Солнце затянуло серыми тучами, и по крыше «Волги» забарабанили крупные капли, а через минуту полило как из ведра. Казалось, сплошная серая стена воды окружила машину со всех сторон.

— Попробуй найди в таком потоке желтый дом с зеленой крышей! — ворчал Соколовский.

И все-таки они нашли. Сперва Дзенис в переулке заметил красный «Москвич». Помощник прокурора взглянул на номер машины.

— Так я и думал. Наш друг уже здесь. Только, боюсь, не опередил бы его кто. Скорей, Виктор!

Они подбежали к домику. Соколовский взглянул через окно в комнату.

— Как будто все в порядке.

Шофера оставили следить за остальными окнами, а сами поднялись на крыльцо, и капитан энергично постучал.

Взглянув на милицейское удостоверение, Алида Лоренц не проронила ни слова и впустила прибывших в гостиную. «Принц-инкогнито» встал с дивана и направился к ним навстречу. Его желтая нейлоновая «битловка» была перепачкана кровью. Левая рука висела на перевязи.

— Где вас так долго носило, коллеги? Я рассчитывал, что подоспеете раньше.

— Что с рукой, Ивар? — озабоченно спросил Дзенис. — Ты ранен?

— Пустяки, царапина. Эта дама была очень любезна и сделала перевязку. В благодарность за небольшую услугу. Кажется, я спас ей жизнь. Зато сейчас как бы не хватил ее инфаркт.

Адвокат Робежниека вынул перочинный нож, подошел к секретеру, что стоял в углу комнаты, и открыл крышку. Лоренц в ужасе бросилась на адвоката. Но было поздно. Робежниека успел вынуть из ящика перевязанную шнурком металлическую шкатулку и вручить Дзенису.

— Пожалуйста, товарищ прокурор, вот здесь вещественные доказательства. Сдаю вам как представителю государства.

Дзенис развязал шнурок, открыл крышку и... остолбенел. Перед ним всеми цветами радуги сверкали, переливались и мерцали брильянты, рубины, сапфиры, изумруды, топазы. Ими были украшены всевозможные золотые перстни, браслеты, серьги, броши, кулоны и ожерелья. В длинные столбики были аккуратно сложены и завернуты в бумагу золотые монеты.

— Так вот она, сокровищница Алиды Лоренц!

— Не Лоренц, а покойного штурмбаннфюрера фон Гауча, — поправил Дзениса Робежник. — Сокровища, собственноручно награбленные в Саласпилсском концлагере.

— А что у вас с рукой? — повторил свой давешний вопрос Дзенис. — Может...

— Расскажу, Роберт, расскажу все по порядку, — перебил его Робежник. — Теперь торопиться больше некуда.

— Лихо это у вас получилось! — укоризненно покачал головой Соколовский, распахнул окно и позвал шофера. — Зайди, посидишь полчаса на кухне с барышней, заодно и обсохнешь.

С этими словами он выпроводил смертельно бледную, поникшую старуху за дверь и теперь обратился снова к адвокату:

— Взяли на себя роль частного детектива?

— Как вам сказать...

Дзенис сел к столу, закрыл шкатулку и снова перевязал шнурком.

— А не лучше ли за Робежника на твой вопрос ответу я? — предложил он. — Так вот: в один прекрасный весенний день, когда я ехал с Иваром в его машине, я, как видно, жестоко уязвил самолюбие нашего друга, позволив себе сказать, что из человека с его характером и взглядами на жизнь никогда не получится ни следователя, ни оперативного работника. Робежник решил доказать, что я был не прав. И вот таким путем доказал... Разве не так это было, Ивар?

— Не только так, — решил уточнить Робежник. — Тогда на суде я был вынужден принимать во внимание волю своей клиентки, хотя сам и не очень ей верил. Кроме того, долг адвоката повелевал мне докопаться до истины. Поскольку я не мог заниматься этим во время процесса, то пришлось приложить некоторые усилия после.

Дзенис улыбнулся.

— Ничего не скажешь, остроумное решение древнейшей проблемы защиты: как помочь установить истину, не переступая границ этики отношений адвоката и подзащитного. Н-да!.. То-то я давно чувствую, что нам кто-то сует палки в колеса.

— Бросьте меня смешить! В конце концов, я ни в чем вам не помешал. Разве что чуточку забежал вперед. Пока вы занимались Щеписами, я заглянул в нотариальную контору, собрал сведения о завещаниях. А вот не кажется ли вам, уважаемые коллеги, что участие адвоката в предварительном следствии было бы далеко не бесполезным? Мы своевременно помогали бы вам избежать многих ошибок. И уж тогда ваша Лиэпа недолго продержалась бы на должности следователя.

— Все в порядке, — примирительно сказал Дзенис. — Не понимаю только одного, для чего вам понадобилось впутать в эту историю врача Страуткалн?

Робежник повернулся к Дзенису.

— Вы, Роберт, умный человек, превосходный юрист, и я вас глубоко уважаю. Но в женской психологии, простите меня, вы ориентируетесь слабовато.

— Не стану спорить. В этом вопросе вы компетентней меня.

— Благодарю. И в таком случае смею вас заверить: в нашем неженском деле смекалистая интересная женщина иногда может добиться большого успеха там, где мужчина вынужден отступить. Спросите Виктора, он вам скажет то же самое.

— Это что — камень в мой огород? — взвился Соколовский. — Деликатный жест метлой?!

Робежник продолжал:

— Взять хотя бы Зиткауриса. Меня бы он просто выставил за дверь. А Майга Страуткалн многое выудила из старика. Он рассказал ей об отношениях между Алидой Лоренц и Гаучем, о том, что штурмбаннфюрер обещал увезти ее в Германию, о Лапине и о драгоценностях, которые Гауч дарил Алиде Лоренц. Старик даже описал, как выглядит ее любимый камень — голубой сапфир, который Гауч преподнес ей на именины. Мне это все очень пригодилось.

— Стало быть, это по вашему указанию Страуткалн звонила в прокуратуру Трубеку и советовала поинтересоваться наследниками? — осенило вдруг Соколовского.

— Я сторонник корректной игры, — ответил адвокат. — Хотел честно поделиться ценной информацией.

Последнее задело Дзениса за живое.

— Неужели вы думаете, что мы сами не проверили бы завещание?

Соколовский тоже поспешил отплатить адвокату за давешнюю шпильку.

— Да кому ты веришь, Роберт! Он просто хотел нас оставить в дураках. Хотел первым раскрыть преступление. А потом хвастать на каждом углу: я раскрыл, я все нашел, куда до меня этим остолопам.

— Не мели чепухи, — отмахнулся Дзенис. — Лучше послушай.

— Я рассудил так, — продолжал Робежничек. — В первую очередь надо искать драгоценности. У кого находятся драгоценные камни и золото, тот, вероятно, и причастен к убийству Алиды Лоренц. Зиткаурис после всестороннего анализа отпал. Если бы драгоценности были у него, он о них даже не заикнулся бы. Остался Лапинь. И опять помогла Майга Страуткалн. Ей удалось подослать своего мужа к Лапиню с целью купить голубой сапфир. Но о нем Лапинь не имел ни малейшего представления. И снова тупик. Начал разрабатывать новый план. А тут звонит Майга...

— И сообщает, что в Паланге видела Алиду Лоренц живой и невредимой, — поспешил подсказать Соколовский, который уже забыл про свою обиду.

— Совершенно верно. И я решил: раз Лоренц так поспешно удрала, то, очевидно, драгоценности не похищены. Не сбежит же она с пустыми руками? Скорей наоборот: она уехала, чтобы спасти свою коллекцию, а с ней и жизнь. Возможно, что убийца ей известен или, во всяком случае, она догадывается, кто мог им быть. Возможно, что в тот раз преступник охотился за Лоренц и лишь по чистой случайности убил другую женщину в ее комнате. Я сел в машину и помчался сюда.

— Вам не следовало ехать одному да еще без нашего ведома, — заметил Дзенис. — Сами видите, что получилось:

— Так я же велел Страуткалн немедленно сообщить вам. Я был уверен, что вы едете за мной по пятам. Чуть-точку опередить вас мне, конечно, хотелось. Профессиональный азарт. Каюсь.

— А мы опасались за вашу жизнь. Когда Страуткалн сказала, что звонила вам, я понял, что вы уже в пути. Потому мы и поехали вдогонку.

— Но какими магнитами вам удалось вытянуть шкапулку из тайника? — бурлило любопытство в капитане Соколовском.

— Опять-таки пришлось использовать знание женской психологии и разыграть небольшой фарс. Я оживил барона фон Гауча, который якобы приглашает свою бывшую подружку в Западную Германию. Предложил ей нелегальный переход границы со шкапулкой за пазухой. Одним словом, дал разыгаться ее фантазии. И старуха попалась на удочку. Но в самый ответственный момент...

— Заартачилась?

— Хуже. На сцену ворвался не предусмотренный в моем спектакле персонаж. Подъехал на машине молодой мужчина и тут же бросился в дом. Ростом он был с меня, чуть пошире в плечах. У меня не было ни малейшего желания с ним встречаться. Я спрятался в спальне за дверью. Но он не стал растрчивать энергию на болтовню, а сразу взял старуху за глотку:

«Гони сюда золото! Второй раз ты от меня не улизнешь. Выкладывай все на стол, или твоя песенка спета!»

— Лоренц, конечно, заупрямилась, — предположил Соколовский. — Ей не хотелось терять шанс на встречу с возлюбленным и чудесами Западной Германии.

— Пыталась вырваться, но у того хватка железная. Вижу, ситуация становится серьезной. Не мог же я допустить, чтобы у меня на глазах задушили женщину.

Всегда присущая Робезниэку ирония пропала. Он рассказывал просто и искренне. Дзенис понял, что за обычной театральностью адвоката скрывается мужественное и отзывчивое сердце. Он почувствовал искреннюю симпатию к этому человеку.

— Я выскочил из спальни и бросился на бандита, почти придавил его к полу, но не заметил, что в левой руке у него нож. И он успел малость пырнуть меня в плечо. Я, конечно, ослабил хватку, он воспользовался моментом, вырвался и бежать. В окно я успел только увидеть, как он вскочил в машину.

— Какая была машина? — быстро спросил Соколовский.

— Светлый «Запорожец». Не то салатного цвета, не

то голубой. У меня от боли в глазах рябило. Номер машины тоже не рассмотрел.

— Что же ты сразу не сказал? — Соколовский сам не заметил, как перешел на «ты». — Может, успели бы...

— Вы опоздали почти на час. И неизвестно, в какую сторону он уехал.

— Узнать его сможешь?

— Конечно.

Дзенис пристально смотрел на адвоката, что-то прикидывая при этом, и наконец решил.

— Должен вам сообщить весьма печальную новость. Майга Страуткалн попала в больницу.

Адвокат насторожился.

— Не волнуйтесь: жизнь ее вне опасности, — продолжал Дзенис. — Перелом ноги. Ее сбила машина.

— Когда это случилось?

— Сразу после вашего телефонного разговора. Она шла ко мне в прокуратуру. Надо полагать, наезд был умышленный. Чтобы лишить ее возможности сообщить о том, что Лоренц жива.

— Выходит, я сам же толкнул ее под колеса!

— Ну, ну, еще чего скажете! Вы же не могли предвидеть.

— Надо полагать, Майгу пытался задавить этот же самый тип...

— ...что пырнул вас ножом, — перехватил его догадку Дзенис.

— Страуткалн сбита красным «Москвичом», — напомнил им Соколовский. — А этот был на светлом «Запорожце».

— Не имеет значения, — возразил Дзенис. — Преступник пересел на другую машину. Он понимал, что красный «Москвич» будут искать, и далеко не уедешь.

— Кто же это мог быть? — простодушно спросил Робежник.

— Пока даже не представляю себе, — признался Дзенис. — Но, надеюсь, завтра к вечеру смогу назвать его имя.

Всегда очень самоуверенный Робежник был растерян и поистине несчастен.

— И какой черт меня дернул послать Майгу! Надо было позвонить самому.

— Что верно, то верно, — согласился Дзенис и о чем-то задумался. Потом неуверенно спросил: — При-

знайтесь, ведь не только дело Лоренц заставляло вас искать встречи с этой женщиной?

Робежниеке положил здоровую руку на плечо Дзенису.

— Роберт, не думайте обо мне слишком плохо... Как-то весной в консультацию во время моего дежурства пришла совсем молоденькая девушка, скорей даже девчонка. Она просила совета, помощи. Ее соблазнил один далеко не молодой негодяй. Она ждет ребенка, а он оказался женатым. Девушка назвала имя соблазнителя — инженер Эдвин Страуткалн. После этого...

— ...ты посоветовал ей подать на него в суд на алименты, — ехидно заметил Соколовский. — А сам все выложил Майге.

— Я отправил девушку к другому адвокату. Майга никогда об этом не узнает от меня.

Дзенис встал.

— Ладно, хватит лирики. Пора поговорить начистоту с Алидой Лоренц.

— Ты успел что-нибудь у нее узнать? — спросил Соколовский у адвоката.

— Слишком мало было времени, чтобы вызвать Лоренц на откровенность. Она пыталась убедить меня в том, что нажила эти драгоценности еще во времена Ульманиса. Придется устроить им очную ставку с Зиткаурисом.

— А как она объясняет свой побег из Риги?

— Довольно логично. Сегодняшний налетчик, по ее словам, однажды уже побывал у нее. Это было в октябре. Вымогал золото, камни, грозился убить, но Лоренц перехитрила его. Сказала, что свои сокровища она хранит в другом месте, и велела прийти через несколько дней...

— А сама тем временем перепорхнула в Палангу, — вставил словечко капитан.

— Да. Купила домик. Надеялась, что тут никто ее не найдет. О том, кто он таков и откуда знает о ее состоянии, она не имеет ни малейшего представления. Вот и все.

— Не жирно, — резюмировал Соколовский. — Хорошо, Роберт, давай пригласим-ка старую на интервью. Уже вечер, а у нас впереди дальняя дорога.

— Зови.

Капитан пошел на кухню за Алидой Лоренц.

Рижский вокзал уже сверкал всеми своими огнями, когда запыхавшийся Борис Трубек вбежал на перрон. Поток дачников поредел, и теперь в вагонах, совсем как в зале суда при рассмотрении гражданских дел, лишь по углам кое-где сидели немногочисленные пассажиры.

Борис остался постоять в тамбуре. Он нервничал: мать, наверно, заждалась. Нельзя же было предвидеть, что Дзенис даст ему срочное задание и придется несколько часов просидеть над изучением сведений о пропавших старухах. Правда, время потрачено не без пользы — кое-что удалось нащупать.

Может быть, это та, что из Алуksне, рассуждал он, ее видели последний раз восьмого октября. Ушла из дому и не вернулась. Время почти совпадает — убийство на улице Вайрога произошло приблизительно двенадцатого. Однако по материалам милиции эта женщина была сравнительно высокого роста. Убитая же отнюдь не была высокой.

Рижанка из Задвинья ростом соответствовала жертве, но исчезла значительно позже. Сообщение от дворника поступило лишь в декабре. А почему от дворника? Скорей всего жила бобылкой, и соседи по дому могли не сразу заметить затянувшееся отсутствие старухи. Не исключено, что в действительности она исчезла раньше.

Но которая же из них могла быть связана с Лоренц? Старуха убита в доме на улице Вайрога. Не притащили же ее туда в мешке, как кошку, и убили?

Поезд остановился. По освещенному перрону станции Булдури лениво прохаживались несколько человек. Часть из них ожидала поезда в Ригу. В тени деревьев стояла в обнимку парочка. Рядом на скамейке спал пьянчужка. Гордо подняв голову, по платформе шагал дежурный милиционер.

Картина ночной станции поплыла назад и быстро смазалась, ухнув в темноту. Поезд быстро набрал скорость.

Трубек вынул из кармана конверт с фотоснимками, полученными в Управлении внутренних дел. После эксгумации трупа эксперты реконструируют облик убитой. Тогда можно будет сравнить с этими снимками.

С одной фотокарточки на Трубека глядела добро-

душная старая тетушка. Быть может, эта? Пропала в ноябре, жила в поселке Адажи, под Ригой. Стоп!.. Стало быть, поблизости от Зиткауриса.

Однако нельзя отбрасывать и другие варианты. Возможно, убита вовсе и не местная жительница. Тогда предстоит умопомрачительно трудоемкая работа — проверить всех старух, которые в ту пору выехали из дому и не вернулись.

Борис был единственным, кто сошел в Пумпурах...

7

В сером сумраке раннего утра две легковые машины тихо въехали в Ригу. Рассвет уже мерился силой с короткой летней ночью, которая с большой неохотой уступала ему и покидала спящий город. Исполинскими гудящими жуками проползали мусороуборочные машины. Кое-где появлялись первые пешеходы.

За рулем автомобиля Робежниека сидел капитан Соколовский. Сам же адвокат вместе с Дзенисом и Алидой Лоренц ехал в милицейской «Волге».

— Здорово болит? — сдав Лоренц дежурному, сочувственно поинтересовался Дзенис. Он видел, что Робежниека поддерживает здоровой рукой раненую.

— Есть немного.

— Надо сразу показать хирургу. Возможно, медсестра в Паланге не все сделала как надо. Шофер сразу отвезет нас в больницу.

— Не беспокойся, Роберт, я и сам доберусь. Вам надо хоть немножко подремать. Работы сегодня будет по горло.

— Да, но у меня и в больнице тоже есть дела. Кстати, адвокат Робежниека, наверное, не ограничится медицинской помощью, так что нам, кажется, по пути.

Ивар рассмеялся.

— Ладно, поехали вместе.

Из приемного отделения Робежниека переправили в травматологический блок. Там пришлось ждать, пока закончат какую-то срочную операцию. За это время они с Дзенисом успели сбегать в буфет и выпить по чашке кофе, после чего направились в хирургическую клинику.

Майга Страуткалн выглядела бодрее, чем накануне, во время визита Дзениса. При появлении неожиданных

гостей ее щеки залил предательский румянец. Пытаясь скрыть смущение, она поспешно взяла с тумбочки расческу и зеркальце.

— Ужас какая я лохматая!

— В таком виде вы еще очаровательней, — поторопился ее заверить Робежниец с несколько наигранной веселостью, которая должна была замаскировать его волнение. — Разве я не прав, Роберт?

— Когда женщина на больничной койке начинает заботиться о своей внешности, — откашлявшись, серьезно начал Дзенис, — это верный признак того, что дело пошло на поправку.

Робежниец положил на табуретку три чайные розы и сел так, чтобы Майге не была видна его перевязанная рука.

Майга взяла цветы и поднесла их к лицу.

— Джентльмен, как всегда. Благодарю, Ивар.

Дзенис обвел взглядом палату.

— Я рассчитывал тут увидеть целую оранжерею. Очевидно, ваш муж цветов не признает.

— Эдвин у меня еще не был.

— Разве ему не сообщили, что вы...

— Сестричка вчера звонила, но нигде его не застала. В институте не было. Дома тоже. Последний раз звонила поздно вечером.

— На рыбалку уехал, — сделал вывод Робежниец.

— Вероятно.

— Он тогда предупредил бы, — возразил Дзенис. — Возможно, непредвиденная командировка?

Майга закусил губу.

— Как я сразу не сообразила! Очевидно, он уехал в Литву.

Дзенис с Робежниеком незаметно переглянулись.

— Почему вы думаете, что именно в Литву? — спросил Дзенис.

— Это длинная история. Эдвин всю прошлую зиму мучился с обогревателем машин. Старый, пора менять. Где только не искал, но все зря. И Фредис пообещал ему достать новый. Надо только съездить в Литву.

— Фредис?

— Да. Сын нашего дворника. Раньше он был шофером. Теперь работает автослесарем и помогает Эдвину возиться с нашим «Запорожцем». У Фредиса в Литве есть какие-то друзья-автомобилисты.

— Тогда ваш муж, наверно, уехал в Литву за обогривателем. Не так-то и далеко. Скоро вернется, — успокоил ее Дзенис.

— Конечно! Наверно, Фредис позвонил ему на работу и сказал, что надо сразу же ехать. А меня Эдвин дома уже не застал.

— Да, — согласился Дзенис. — Из Литвы он мог возвратиться и поздно ночью. Интересно, он поехал один или вместе с Фредисом?

— Не знаю, — в сердце Майги закралось подозрение. — А это имеет значение?

Дзенис понял, что сказал лишнее. Больной сейчас необходим полный покой.

— Да нет, просто так. Меня интересует другое. Ваш разговор с Зиткаурисом.

Страуткалн вопросительно посмотрела на Робежниека. Адвокат пожал плечами.

— Товарищу прокурору все известно. На то он и прокурор. Наша игра в детективов, Майга, кончилась. Секретов больше нет.

Страуткалн спохватилась, что до сих пор держит розы в руках, и это должно выглядеть очень глупо. Она бережно поставила цветы в вазу на тумбочке.

— Не знаю, товарищ Дзенис, смогу ли быть вам полезной.

— Видите ли, я тоже беседовал с Зиткаурисом. Естественно, разговор был официальный. Ваша беседа, надо полагать, носила более непринужденный характер. Поэтому хотелось бы услышать ваши соображения, как этот человек в действительности относится к Алиде Лоренц.

— Безусловно, с неприязнью, я убеждена в этом. Почему? Он возмущался бессердечностью своей родственницы: во-первых, она бросила своего ребенка, а во-вторых, надула его самого в денежных делах. А в общем, я думаю, старик не был со мной до конца искренен. Он что-то скрывает. Для такой ненависти должно быть более глубокое основание.

— Вам, доктор, свойственна наблюдательность. Вы случайно не обратили внимание на какую-либо противоречивость рассказа Зиткауриса или на какое-нибудь несообразие, скажем, в обстановке его жилища, в мебели, вещах, в какой-нибудь неоправданной асимметрии?

— В обстановке? У Зиткауриса современная мебель

в доме, много книг, разных безделушек, изделий из керамики... Пойдите-ка... А слон!

— Какой слон?

— Тяжелый такой, металлический. Их должно быть в комплекте два. Своими задранными хоботами они поддерживают с двух сторон книги на полке. Но у Зиткауриса был только один. Возможно, я и ошибаюсь, но по моему, я видела во время визитов такого же слона на столе у Лоренц.

— В протоколе, составленном при осмотре комнаты Лоренц, слон там стоял. Да вы же сами при этом присутствовали.

— Странно, но уже тогда мне показалось, что слон не тот. Раньше у него был обломан кончик хвоста. А когда приехали ваши товарищи, в комнате Лоренц был такой же слон, но с целым хвостом. Помню, я еще удивилась по этому поводу, и ваш коллега посмеялся надо мной. Сказал, что хвост отрос снова. Зато у Зиткауриса я видела слона с обломанным хвостом. Возможно, он поменялся с Лоренц. Родственники как-никак.

— Обмен сувенирами? Сомневаюсь. Да, между прочим, вы сказали — родственники. А во время вашей беседы Зиткаурис не упоминал каких-либо других родственников? Детей у него не было? Или у брата, у сестры?

— Нет, об этом мы не говорили.

— Вы устали. Не хочу вас больше мучить.

— Да ничего, я чувствую себя вполне сносно. Если вас еще что-нибудь интересует...

— Вы долгое время лечили Алиду Лоренц, неоднократно навещали ее дома. Может быть, вы видели ее прежних квартиранток, живших там до Зенты Саукум? Возможно, кто-то из них болел и в поликлинике сохранились данные?

— Квартирантки Лоренц?

Майга Страуткалн лежала на спине и, глядя в потолок, напряженно вспоминала. Неожиданно она приподнялась на локтях и села.

— Ну да, это же была Тамара! Как я сразу не сообразила!

— Тамара?

— Она жила у Лоренц перед Зентой Саукум. Тихоня такая была. Если не ошибаюсь, она вышла замуж и куда-то переселилась.

— Где-нибудь встречали ее потом?

— Да, в ателье мод. Она там работает. Мы сидели с Эдвином, я ожидала примерки. Девушка эта прошла мимо. По-моему, несла много пальто. Я в тот раз все не могла вспомнить, где видела ее раньше. Да, да, это была Тамара!

Дзенис встал.

— А теперь, Ивар, пошли. Я вконец замучил любопытством нашу бедную больную.

Когда они спускались вниз по лестнице, Дзенис взял Робезниэка под руку.

— Вы сегодня вечером будете дома?

— Куда же я пойду с такой рукой? Придется ее нянчить, как малое дитя.

— Я вам позвоню. Надеюсь, к вечеру смогу рассказать кое-что интересное.

ГЛАВА 6

1

Приближаясь к одному из новых домов в конце улицы Горького, Дзенис невольно измерил взглядом фасад, как бы намереваясь проникнуть сквозь кирпичную стену и выяснить то, ради чего он сюда приехал.

Дзенис открыл дверь парадного, остановился и стал изучать список жильцов на таблице. Мимо прошли, весело болтая, молодой человек в светлом костюме и девушка с пышной прической. Дзенис прислушался. Молодые люди поднялись уже на третий этаж, но внизу по-прежнему было отчетливо слышно каждое произносимое ими слово. Наконец хлопнула дверь, и голоса смолкли.

«Акустика как в хорошем концертном зале», — подумал Роберт.

Он огляделся по сторонам. По углам лестничной клетки валялись обрывки бумаги, горелые спички. К батарее центрального отопления было прилеплено несколько окурков. Дзенис внимательно их изучил. Затем поднялся на самый верхний этаж и встал подле окна. Он приготовился терпеливо ждать. Вскоре внизу послышались шаги. Кто-то, страдая тяжелой одышкой, взобрался

на второй этаж. И вновь тихо. Чуть погодя тишину нарушил щебет ребячьих голосов.

— В прятки! Будем играть в прятки! Чур, я не вожу!

— Нет, будем считаться! Я считаю! Аты-баты, шли солдаты...

— Нет, я... На столе стакан вина...

«Странная считалка! «На столе стакан вина...» В мое время этого не было. Впрочем, другие времена, другие атрибуты...»

Дети находились на первом этаже, в парадном. Но Дзенис слышал их так хорошо, будто они стояли рядом. Помощник прокурора остался доволен результатами этого нехитрого эксперимента. Он еще минуту постоял, затем спустился и пошел в домоуправление.

Техник-смотритель, мужчина в годах и с повадками человека, привыкшего к уважению окружающих, скорей всего отставной офицер, внимательно выслушал помощника прокурора. Затем велел принести домовую книгу и никого в кабинет не впускать. Разговор длился более часа. Был вызван общественник этого домоуправления, хорошо знавший всех жильцов.

Около часа дня Дзенис покинул домоуправление, сел на троллейбус и поехал в центр города.

...В ателье мод, как всегда, было полно. Дзенис подошел к одной из сотрудниц.

— У вас тут работает такая скромная симпатичная девушка. С родинкой на левой щеке.

— Тамара, что ли?

— Вот, вот, она самая. Вызовите ее, пожалуйста! Мне необходимо с ней поговорить.

Работница смерила взглядом солидного и, по ее мнению, уже немолодого мужчину.

— Сейчас позову.

Дзенис, разумеется, мог вызвать Тамару через директора или отдел кадров, но это вызвало бы всякие кривотолки. Дзенису не хотелось зря бросать тень на Тамару. Потому он и предпочел такой путь.

Из боковой двери вышла тоненькая миловидная девушка в сатиновом халате с белым воротничком. Она несмело приблизилась к Дзенису.

— Это вы меня вызывали?

— Да. Нам надо бы поговорить, — сказал Дзенис. — Я из прокуратуры. Давайте выйдем ненадолго на улицу. Здесь слишком много народу.

На другой стороне улицы был сквер. Они прошли в дальний уголок и сели на скамейку.

— Скажите мне, Тамара, — начал Дзенис. — Вам издалека приходится ездить на работу?

— Я живу в поселке Берги.

— Это за Баложами, на берегу озера Югла?

— Да.

— Красивое местечко. Только далековато. Автобус туда ходит редко. У вас там родители живут или кто из родни?

— Нет, я одна. Снимаю комнату.

— И давно?

— Скоро будет год.

— А где вы жили раньше?

— В городе. На улице Вайрога.

— Тоже у хозяйки квартировали?

— Да.

Дзенис о чем-то думал.

— Стало быть, на улице Вайрога, — повторил он. — Может, помните, как звали хозяйку?

— Лоренц. Алида Лоренц.

Вид у прокурора был абсолютно равнодушный, как если бы эта фамилия ничего ему не говорила.

— А почему вы перешли от нее? Оттуда ведь гораздо ближе было ездить на работу.

— Там я снимала койку. А здесь у меня своя комната. Хоть и маленькая, зато отдельная. Да и трудно было ладить с прежней хозяйкой.

— Я думал, вы переменили место жительства, потому что вышли замуж.

Девушка густо покраснела.

— Что вы!

Дзенис искоса наблюдал за выражением лица Тамары.

— Вы не стесняйтесь, рассказывайте. Ведь вы тогда готовились к свадьбе?

Девушка буквально опешила.

— Кто вам это сказал?

Дзенис пропустил вопрос мимо ушей.

— А разве вам тогда не сделали предложение? Я имею в виду того странного парня в спортивной куртке на молнии. Забыл уже, как его звать.

Тамара поникла и молчала довольно долго. Потом грустно заметила:

— Давно его не видела.

— С тех пор как переехали в Берги?

— Да.

— И это вас так печалит?

— Трудно сказать. Пожалуй, теперь уже нет. Наверно, это было не настоящее. Да и вряд ли мы ужились бы. У него тяжелый характер, непонятный. Иногда мне даже становилось страшно.

Дзенис повернулся к девушке и ободряюще заглянул ей в глаза.

— Давайте, Тамара, будем откровенны. Вы, когда уходили от хозяйки, не порекомендовали ей другую квартиру?

— Да что вы! Хозяйка и слушать бы меня не стала. Под конец мы с ней здорово разругались.

— Наверно, это было не без участия вашего друга.

— Да, пожалуй, так.

— Расскажите все по порядку. Как вы познакомились с этим парнем? Что было дальше?

— Познакомились на улице, там же около дома. Я шла с работы. Он со мной заговорил, спросил, где тут живут Андерсоны.

— Вы их знали?

— В нашем доме Андерсонов не было. Сейчас уже не очень помню, как было дальше. Разговорились. Он пригласил меня в кино. Сперва я отказалась. Но он был очень такой обходительный, вежливый. Потом стали встречаться чаще. Ходили на танцы.

— И в один прекрасный вечер он попросил у вас разрешения зайти к вам домой?

— Откуда вы знаете?

— Нетрудно догадаться.

— Я ему объяснила, что это невозможно. Хозяйка нас обоих выставила бы за дверь. В ее глазах это был бы смертный грех. Однако он не унимался, просил познакомить его со старухой. Уверял, что сможет подмазаться к хозяйке. Ему очень хотелось поглядеть, как я живу. А я все не могла решиться. Боялась оказаться на улице.

— Ведь он мог и без вас подняться в квартиру.

— Что вы! Лоренц никого к себе не впускала.

— А потом друг посоветовал вам сменить жилье?

— Он сам же и подыскал мне квартиру в Бергах. Разве, говорил он, это жизнь — снимать койку у полу-

сумасшедшей старухи. И перебраться помог мне. Да и сколько у меня пожитков-то! Пустяки.

— Ну а в новой квартире ваш парень имел возможность приходить в гости?

— Он зашел всего один-единственный раз. Хотел остаться на ночь. Я не позволила. На том дружба кончилась. Через несколько дней увидела его с другой девушкой.

Дзенис насторожился.

— Не помните, как она выглядела, эта девушка? Смогли бы ее узнать?

— Наверно, могла бы. Небольшого роста, худенькая.

Помощник прокурора достал из кармана фотографии нескольких девушек.

— Возможно, одна из этих?

Тамара рассматривала снимки.

— Вот эта.

Дзенис утвердительно кивнул.

— Да, чуть не забыл. Вы случайно не знаете адрес этого молодого человека?

— Он говорил, живет у какого-то дружка. Кажется, в Чиекуркальне.

— А кем работает?

— Не то механиком, не то слесарем. Кажется, в какой-то мастерской на улице Бирзниека — Упита. Я его однажды там встретила. В спецовке бежал в магазин за папиросами.

— «Беломор» курит?

— Вы и это знаете про Алика?

— Алика?!

Теперь настала очередь Дзениса удивиться. До этого момента все совпадало. И вдруг новое имя. Он был убежден, что девушка назовет совсем другое. Впрочем... Алик?.. А почему бы и нет?

— Спасибо, Тамара. Простите, что я вас так долго задержал. Всего вам доброго.

Получасом позднее Дзенис внимательно изучал вывески на улице Бирзниека — Упита. Его привлекла небольшая вывеска на воротах, сообщавшая, что там помещается гараж некоего предприятия. Дзенис зашел, отыскал заведующего, и они долго беседовали.

Помощник прокурора тщательнейшим образом изучил личные дела, просматривая записи в журналах, путевые листы, наряды на работу, звонил в адресный стол

Управления внутренних дел. И, уже оказавшись снова на улице, вспомнил, что еще не обедал. Дзенис отправился в ближайшее кафе. Прежде чем сесть за столик, он подошел к телефону-автомату и позвонил Трубеку. Следователь оказался на месте.

— Борис, слушай меня внимательно, — негромко сказал Дзенис. — В десять вечера выезжаем на операцию. Будем брать вчерашнего героя, который пытался задавить врача Страуткалн. Встреча — в управлении. Позвони Соколовскому, чтобы обеспечил опергруппу и машину. Найди также и Робежниака. Он нам тоже понадобится.

— Шеф, но нельзя же две ночи подряд без сна...

— За меня не беспокойся. Сейчас пойду домой и часок-другой вздремну. До вечера!

2

Шестибалльный морской ветер с разбойничьим по-свистом куролесил среди редких домиков прибрежного поселка.

Где-то совсем рядом послышался не то хруст сухих листьев, не то скрежет жести. Казалось, кто-то крадется около дома. Но никого не было. Никого, кроме этого неугомонного морского ветра, уныло трубившего о близости осени, о налетающих с северо-запада штормах, когда даже бывалые рыбаки не отваживаются выходить в море.

Потом ветер неожиданно стих. Но тишина была обманчивой. Ветер притих на несколько мгновений. Затаился, но был рядом.

И вдруг тишина взорвалась. Налетевший шквал бешено рванул кровлю с дома. Жалобно заскрипели сросшиеся сосны.

Семь человек гуськом неслышно шагали через спящий рыбацкий поселок. Время от времени вспыхивал карманный фонарик. Тонкий луч вырывал из темноты то табличку с названием улицы, то номер дома. И сызнова все заливала и выравнивала темнота.

Ветер отколупывал штукатурку со стен дома, пытался раскачать телефонные столбы, звонко бренчал проводами. В садах ломались сухие сучья. Налитые соком яблоки и сливы с мягким стуком падали на землю.

Буря разыгрывалась все сильнее, все ожесточенней становились порывы ветра, все громче и отчаянней его завывания и свист. Поселок словно растворился в этой осязаемой, но невидимой лавине ревущего воздуха.

Капитан Соколовский остановился у одноэтажного небольшого дома у подножия дюны и сказал Дзенису:
— Здесь!

Калитка не поддавалась, наверно, требовался какой-то особый прием. Два милиционера поспешили на помощь капитану.

Осторожно пробираясь, Дзенис и Соколовский проникли в сад и обошли вокруг дома. Ставни на окнах были закрыты. Свет нигде не пробивался.

— Возможно, еще никого нет, — шепотом заметил капитан.

— Что ж, подождем. Но, полагаю, он дома. Наверно, спит уже. Расставь своих людей под окнами, на случай, если вздумает бежать. Робежник пусть подождет в саду. Позовем, когда будет надо.

Дзенис говорил все это Соколовскому прямо в ухо, но ветер подхватывал слова и относил в сторону. Капитан больше догадывался, чем слышал.

Втроем с Трубеком они остановились перед входной дверью и постучали. Громко и нетерпеливо, как люди, которым некогда ждать.

За ставнями заблестел электрический свет. Послышались шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

Соколовский опустил руку в карман и ощутил холодный металл пистолета.

— Телеграмма. Срочная!

Дверь приоткрылась. В нее ворвался ветер и распахнул настежь. Капитан бросился вперед, оттолкнул опешившую женщину и вбежал в комнату.

Подушки на широком диване были смяты, одеяло откинута в сторону. Возле шкафа торопливо одевался высокий мужчина. При виде Соколовского он шарахнулся к окну.

— Руки вверх! — приказал капитан.

Мужчина побледнел и медленно поднял руки. Подбежавший Трубек обыскал карманы и положил на стол среднего размера складной нож.

— Садитесь, — капитан стволом пистолета указал на стул, затем обратился к стоявшей тут же женщине, в

глазах которой застыл ужас. — А вы подождите в другой комнате.

Стоящий в двери Дзенис внимательно рассматривал задержанного. Крепкий подбородок и резко очерченные скулы делали лицо молодого человека энергичным и запоминающимся. Такие люди умеют добиваться поставленной себе цели. Только эта цель иной раз бывает неблагоприятной.

Дзенис сделал несколько шагов вперед и остановился перед задержанным. Соколовский с Трубеком отошли в сторонку, чтобы не мешать Дзенису. Они знали, какое большое значение имеют именно эти первые вопросы.

В комнате тишина. А за окном шумит ветер, рвет с окон ставни, сотрясает оконные стекла, будто хочет ворваться в комнату, чтобы покарать зло.

Помощник прокурора нарушил молчание.

— Ваша фамилия Инус?

— Да. Что вам от меня надо?

— Вы работаете в гараже на улице Бирзниека — Упита?

— Да, я там работаю.

Задержанный наклонился вперед и положил руки на стол. Он прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить внешнее спокойствие. Но от внимания Дзениса не ускользнули побелевшие ногти Инуса. Он машинально изо всех сил давил пальцами на поверхность стола, словно пытался отломить край доски.

Помощник прокурора не подал виду, что заметил внутреннюю тревогу Инуса. Взял стул, сел рядом.

— Да, Инус, нам с вами давно пора было встретиться и поговорить по душам. Я узнал, что сегодня вы ночуете у своей очередной подружки, и потому решил посетить вас. Предупреждаю, что наш разговор записывается на магнитофон.

Инус напряженно смотрел на Дзениса. Он то сжимал кулаки, то просто прижимал с силой ладони друг к дружке, то вцеплялся в край стола. Хоть бы скорей началась предстоящая словесная дуэль, скорей бы узнать, какие заряды приготовил противник.

— Сегодня в гараже много было работы? — после небольшой паузы вновь заговорил Дзенис.

— Хватало.

— Мотор меняли на грузовике?

Во взгляде Инуса промелькнуло любопытство.

— Ну и что?

— Канительное дело, я бы сказал.

— Конечно. Ухайдакались как черти.

— А вчера?

— Каждый день хватает.

— Меня интересует, чем вы занимались вчера.

— Разная была работа.

— Весь день были в гараже?

— Сегодня весь.

— А вчера?

Инус взглянул исподлобья на прокурора. Дзенис подбодрил:

— Смелей, смелей, молодой человек. Будем взаимно откровенны. Я ведь не скрываю то, что собрал о вас сведения.

— Для чего же тогда спрашивать?

— Хочу, чтобы вы сами рассказали, где были вчера в рабочее время.

— Уезжал.

— Точнее.

— Мне надо было срочно быть в Каунасе. Начальник разрешил взять служебную машину, чтобы к вечеру вернуться обратно.

— Красный «Москвич»?

— Да.

— Стало быть, поехали в Каунас. А приехали в Палангу. Насколько мне известно, Паланга далеко в стороне.

Инус закусил губу: уже всплыло и это! Но он был убежден, что уехал никем не замеченный. Что им известно еще? Осторожная разведка могла бы принести некоторую ясность. И он ответил вопросом на вопрос:

— С чего вы взяли, что я был в Паланге?

Дзенис обратился к Соколовскому.

— Позовите Робежниека.

Через минуту в дверях появился адвокат. Рука у него по-прежнему была на перевязи. Инус поднял глаза и обомлел. Пальцы разжались и выпустили край стола, руки упали на колени.

— Ну, Инус, теперь будете говорить? Или свести вас с Алидой Лоренц? Она в Риге и не откажется от удовольствия сказать о вас пару слов.

Дзенис посмотрел на репродукцию в рамке на сте-

не, «Девятый вал» Аивазовского. В море бушует шторм. Люди с погибшего корабля судорожно вцепились в обломок мачты. А сверху на них накатывается огромная волна. Нет, не удержаться!

— Что вы от меня хотите? — глухо вытолкнул из себя Инус.

Итак, начиналась традиционная дуэль следователя и допрашиваемого. По-разному протекают подобные схватки.

Те, кто переступил черту закона по легкомыслию или по слабости характера, сдаются быстро, понимают и раскаиваются. Матерый же преступник борется отчаянно. Цепляется за малейшую возможность вывернуться, отступает лишь под напором превосходящей силы, последовательно сдвая позицию за позицией. И, будучи положен на обе лопатки, все равно норовит вырваться. Однако уже в самом начале схватки, где-то в подсознании, преступник чувствует, что следователь рано или поздно одержит над ним победу, потому что на стороне следствия правда.

Сознает это и следователь и потому непрерывно атакует. Кое-кто начинает допрос, располагая лишь отдельными косвенными доказательствами. Однако притворяется, будто ему известно все, старается запутать допрашиваемого в сетях противоречивых показаний и вырвать признание в последующем психологическом наступлении. Этот путь короче, но и чреват опасностями. Как только преступнику удастся нащупать слабые места в обвинении, так все ухищрения следователя идут насмарку.

До того, как он стал помощником прокурора, Дзенис много лет проработал следователем и всегда добивался признания другим путем, более трудным, но и более верным. Вот и сегодня тщательная предварительная проверка обстоятельств дала возможность еще до начала допроса приблизительно восстановить картину событий. И теперь он неуклонно продвигался вперед, атаковал энергично, но в то же время обдуманно и с оглядкой. Ему было ясно, что Инус так легко не сдастся и надо будет шаг за шагом обосновывать каждую деталь обвинения. Потребуется дать ему недвусмысленно понять, что выдвигаемые аргументы не догадки, а доказанные факты.

Дзенис продолжал допрос:

— В гараже мне сообщили, что вы выехали на красном «Москвиче» в девять утра.

— Без пяти девять, — уточнил Инус.

— Возможно. Минуты в данном случае не имеют значения. Важно то, что двумя часами позже на углу улицы Ленина и бульвара Райниса вы сбили женщину и скрылись.

— Я никого не сбивал. В одиннадцать я был уже за Шяуляем.

Дзенис повернул голову и взглянул на Соколовского. Тот перехватил взгляд и глазами показал на портативный магнитофон, кассеты которого медленно вращались. Значит, все в порядке. Допрос записывается на ленту. Будет возможность прослушать еще раз, как изворачивается Инус, можно будет проследить все интонации его голоса, которых никогда не отразить в протоколе. Это позволит понять и то, что не удалось уловить в первый момент. Подобно анализу отложенной партии в шахматы, следовательно в спокойной обстановке будет анализировать ходы обвиняемого, особенности его характера, слабые стороны. И будет знать, на чем строить и как планировать дальнейшее расследование.

Иногда бывает даже полезно дать возможность обвиняемому прослушать запись — пусть сам убедится, как бесплодны и нелогичны его попытки выпутаться. Возможно, тогда скорее прекратит бессмысленное упорство.

— Нет, Инус, так у нас ничего не получится. Сами не желаете рассказать? Придется вам помочь. — Теперь Дзенис уподобляется учителю, который терпеливо втолковывает нерадивому школяру содержание урока. — Вот рапорт дежурного сержанта милиции. Женщину сбил красный «Москвич» с номером 28-47 ЛАВ. Мы проверили. Такой номерной знак выдан на зеленую «Волгу». Стало быть, подделка. Вы выехали из гаража на красном «Москвиче» с номером 23-47 ЛАБ. Наши эксперты обнаружили на номерном знаке свежие следы нитрокраски и установили, что тройка была переделана на восьмерку, а буква Б подрисована так, что получилось В. Итак, ваша маленькая хитрость раскрыта. Смотрите, вот заключение экспертизы. Перед возвращением в гараж вы смыли свежую краску ацетоном. Но не учли сегодняшний уровень техники расследования. Получается, что вы все-таки виновник происшествия с наездом на женщину на углу улицы Ленина.

У допрашиваемого на лбу проступили мелкие капли пота.

— Да, был такой грех. От вас все равно ничего не скрыть. Спешил. Женщина неожиданно выбежала перед машиной. Моя вина в том, что уехал. Неужели теперь за это...

Дзенис не рассердился. Со стороны могло показаться, что ему даже жаль этого молодого человека.

— Затасканный прием, Инус. Признаться в малом, чтобы скрыть большее преступление. Ведь мы с вами оба знаем, что происшествие на улице не случайность. Если бы не подвернулся тот смелый человек, навряд ли женщина осталась бы в живых.

— Нет! — вырвался у Инуса отчаянный вопль протеста. Нервы не выдержали. — Вы этого не докажете. Этого нельзя доказать!

— Докажем, дорогой, все докажем. А для чего подделывали номер, если не собирались пойти на преступление?

— Захотелось, вот и подделал. Чтобы какой-нибудь дружинник не записал номер за превышение скорости. Подрисованный номер еще не доказательство.

— Правильно, всего лишь одна лучинка на растопку. Но вот объясните, для чего вы следили за врачом Страуткалн около ее дома? Надеялись, будет достаточно и темных очков, чтобы она вас не узнала?

— Какая еще Страуткалн? Не знаю такой!

Инус боролся с упорством обреченного; трудно было метаться в лабиринте улик, в который его загнал Дзенис. Приходилось петлять, возвращаться к исходной точке и всякий раз запоминать направление, чтобы не зайти в тупик. В последний, из которого нет выхода.

Дзенис сидел на стуле прямой и неподвижный.

— Успокойтесь, Инус, и обдумывайте свои ответы получше. Можете курить.

Инус взял с ночного столика пачку «Беломора». Горящая спичка дрожала у него в пальцах, и он никак не мог зажечь папиросу. Наконец это ему удалось, и он жадно затянулся.

Дзенис уголком глаза наблюдал за ним.

— Вы живете вместе с родителями?

— Это тоже имеет отношение к делу?

— Самое прямое. Ваш отец ведь работает дворником при одном из новых домов на улице Горького. Ва-

ша квартира на первом этаже в том же парадном, где квартира инженера Страуткална.

Инус нервно засмеялся.

— У вас точная информация.

— Я вас предупредил: я собрал сведения. Знаю, что ваше имя Альфред, что дома вас зовут Фредисом, а некоторые девочки — Аликом. Знаю, что вы помогаете инженеру Страуткалну чинить его автомобиль.

— Разве это против закона?

— Нет, отчего же.

— Тогда непонятно, к чему вы клоните.

— А к тому, что вам известна семья Страуткалнов. И вы знакомы с врачом Майгой Страуткалн.

Инус кусал губы.

— Допустим, что знаком. Ну и что в этом плохого?

— Да в общем-то ничего. Но плохо, когда человека выслеживают и пытаются задавить. Быть может, вы станете утверждать, что не сидели в машине вчера не-вдалеке от дома, где живет Страуткалн?

— Да! Но это и мой дом тоже! Я забежал взять еды.

— Так спешили, а потом просидели в машине с девяти и почти до одиннадцати? После чего ехали по пятам за троллейбусом, в который вошла Страуткалн. Останавливались сзади него на каждой остановке. Страуткалн все это время наблюдала за вашей машиной.

Инус отвел взгляд.

— А зачем мне было ее давить?

— Не спешите, Инус. Сейчас обсудим и этот вопрос. У вашей матери большое сердце, и она не выносит табачного дыма. Курить вам приходится на лестнице.

— Психологическая деталь.

— Нет, весьма практическая. В воскресенье вечером врач Страуткалн, возвратясь из Паланги, на лестнице сказала мужу, что видела там Алиду Лоренц. Вы под лестницей курили и подслушали этот разговор.

На этот раз осведомленность Дзениса настолько ошеломила Инуса, что он невольно выдал себя.

— Страуткалны не могли меня видеть. Когда я вышел покурить, они были уже на втором этаже.

Правда, Фредис сразу же спохватился, но было уже поздно. Он понял это по усмешке, промелькнувшей на лице Дзениса.

— Ну хоть в этом признались! Правда, признание еще не есть доказательство.

— Я могу отказаться, и у вас не будет других доказательств.

— Почему вы считаете, Инус, что доказательствами могут быть только показания? Бывают и другие, не менее важные.

Дзенис взял у Фредиса окурочек, достал из кармана коробочку с точно таким же окурочком и сравнил их.

— Тоже «Беломор», с таким же характерным надкусом. Надо полагать, экспертиза легко установит идентичность. Этот окурочек мы нашли вчера на батарее центрального отопления под лестницей около вашей двери. Вот, пожалуйста, есть протокол. Эксперты утверждают, что папироса выкурена, вернее всего, в ночь на воскресенье.

Цепь замкнулась.

— Вы еще прошлой осенью пытались выудить у Лоренц драгоценности. После этого произошло убийство. Об этом мы еще поговорим отдельно.

Теперь Дзенис сидел, удобно откинувшись на спинку стула. Он говорил негромко. Инус, прищурив глаза, слушал. Трубек стоял, прислонясь к косяку двери, и с интересом наблюдал. Соколовский, расположившийся с магнитофоном у окна, держал в левой руке магнитофон, а правой подстраивал аппарат.

— На лестнице вы услышали разговор, — продолжал Дзенис. — Вам стало ясно, что в тот раз жертвой стала не Лоренц и что в настоящий момент она находится в Паланге. Вновь появилась возможность завладеть драгоценностями. Но на пути оказалась врач Страуткалн. У вас не было сомнения в том, что она отправится в прокуратуру. Этот визит грозил сорвать ваши планы. Вам требовалось любой ценой выиграть время, хотя бы один день, хотя бы несколько часов. Поэтому на следующее утро вы взяли машину, изменили номер и подстерегали Майгу Страуткалн. Как только она вышла из троллейбуса и собралась перейти улицу, вы сбили ее и скрылись. Да, кстати, куда вы запрятали красный «Москвич»?

Инуса этот внезапный и теперь такой второстепенный вопрос словно вырвал из кошмарного сна.

— Запрятал? Никуда не запрятал. Поставил на стоянке у вокзала и ушел.

«Вот это номер! Милиция прочесала весь район. А посмотреть на стоянке никому в голову не пришло».

— Где вы взяли «Запорожец» для поездки в Палангу?

— У меня есть доверенность на машину инженера Страуткална за то, что ремонтирую. Вчера утром позвонил ему на работу, сказал, что друг выписался из больницы, надо отвезти его в деревню.

— Значит, о второй машине подумали заранее?

— Я понимал, что после наезда на красном «Москвиче» далеко не уедешь.

— Куда дели «Запорожец» после возвращения из Паланги?

— Поставил возле нашего дома. Страуткалн вечером собирался на рыбалку.

— А потом отогнали «Москвич» в гараж?

— Я пошел за ним попозже, когда стемнело. Боялся, что милиция нашла машину и следит. Походил вокруг стоянки, ничего подозрительного не заметил. Ну и рискнул. Другого выхода не было. Заехал в тихий переулок, смыл с номера краску и в гараж. Вот и все.

У Инуса медленно опустились плечи. Дзенис печально покачал головой.

— Нет, друг любезный, не все. Мы только начинаем. Нам еще надо поговорить о Тамаре и о многом другом.

Инус поднял мутные глаза и уставился на Дзениса взглядом смертельно усталого человека.

3

Дзенис тщательно готовился к следующей встрече с обвиняемым. Он собрал сведения об Альфреде Инусе, порасспросил о нем его сослуживцев, выяснил, с кем тот водит дружбу, поговорил с родителями, покопался в архивных материалах. И, как на смоченном проявителе листке фотобумаги все отчетливей прорисовываются детали и контуры снимка, так и в этом деле одно за другим всплывали новые обстоятельства.

Был ранний утренний час, когда милиционер ввел Альфреда Инуса в кабинет. Врывавшийся через окно шум улицы приглушал монотонный стук пишущей машинки в соседней комнате и мешал думать. Дзенис при-

творил окно и перевел взгляд на арестованного. Он рассматривал его долго и пристально, точно видел впервые. Затем без обиняков приступил к допросу, словно это было продолжением прерванного разговора.

— Каким образом, Инус, вам стало известно о драгоценностях Алиды Лоренц?

Арестованный старался избежать взгляда следователя.

— Кто-то разболтал. Даже не помню кто: давно это было.

— А как вы познакомились с Зиткаурисом? Помните?

— С Зиткаурисом?

Первые же вопросы Дзениса выбивали Инуса из седла. Он пытался выиграть время, лихорадочно думал. Но помощник прокурора не давал опомниться.

— Неужели забыли Зиткауриса?

Молчание.

— Ведь у него вы прожили почти год. Могу вам показать выписку из домовой книги.

Инус чувствовал себя как под микроскопом.

— Что вы пристали со своим Зиткаурисом? Ну жил там. Грех разве? — От прежнего самообладания ни следа. — Я же признался, подписал протокол. Да, наехал на машине на Страуткалн, пытался выжать у старухи золото, ранил вашего адвоката. Мало вам еще? Судите быстрее, посадите и отвяжитесь от меня. Больше мне признаваться не в чем. Ясно вам? Не в чем!

Дзенис не перебивал, дал разрядиться его взвинченным нервам. Затем подал Инусу стакан воды.

— Успокойтесь и держите себя как подобает мужчине. Конечно, вас будут судить. Но до этого нам необходимо кое-что выяснить.

— Вы же все и так знаете, все пронюхали. Чего еще надо?

— Узнали мы действительно немало, — согласился Дзенис. — Но я хочу уточнить некоторые обстоятельства. Скажите, Инус, где вы жили раньше?

— В деревне.

— В Мадонском районе?

— Да!

— И в Ригу прибыли три года назад?

— Да! Надоели деревенские радости. Манили огни столицы.

— Почему же вы поселились в Ляудобелях?

— Негде было жить в Риге. Милиция не прописывала. Устроился в леспромхоз «Адажи» шофером. Там и с Зиткаурисом познакомился. Дом у него большой, три комнаты. Лес кругом. Старику одному скучно. Он рад был пустить меня к себе.

— Родители приехали позже?

— Наверно, через год. Пристроились в дворники, чтобы жильё получить. Я, конечно, сразу к ним прикантовался. Пошел работать в гараж.

— Слесарем?

— А чем плохо?

— Почему же не шофером?

— Эх, да что уж... Трудно от рюмки отказаться. В совхозе — другое дело. Полтора инспектора на весь район. А в Риге в два счета без прав останешься. Слесарем, оно надежней.

— Оказывается, Инус, вы можете быть откровенным. Скажите, в последнее время вы встречались с Зиткаурисом? — спросил Дзенис.

— Давно его не видел.

— Странный он тип, как по-вашему? Не находите?

— Человек как все. Ничего особенного.

— Вы с ним ладили, когда жили у него в Ляудобелях?

— А нам делить было нечего, не из-за чего и ссориться.

— Что он вам рассказывал про Алиду Лоренц?

— Говорил, что она его двоюродная сестра. Сушая ведьма — не баба. Ненавидел ее и клял на чем свет стоит.

— Стало быть, Зиткаурис в последние годы с ней не встречался?

— Отчего нет. Бывало, что встречался.

— Почему же он в тот раз не пошел к сестре сам, а послал вас?

Вопрос был задан так же просто и таким же тоном, как и предыдущие. Однако Инус сразу почувствовал под этой гладью опасный риф.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— В октябре прошлого года вы наведались к Лоренц. Так?

— Кто это вам наговорил?

— Сама Лоренц. Вот протокол. Она утверждает,

что уже тогда вы делали попытку выжать из нее драгоценности, угрожали.

Инус был готов к такому повороту.

— Врет, старая бестия! Пусть докажет. Кто меня там видал? Никто!

— Вы сами оставили свою визитную карточку. Опять-таки окурок «Беломора».

— Вот черт!..

Это вырвалось у Инуса помимо его воли. Сразу стало понятно, что Дзенис плетет вокруг него крепкую сеть. Инус почти физически ощутил незримые тенета, все туже стягивающие его тело... В припадке безотчетного ужаса он с силой рванул на себе воротник рубашки. Оторвалась пуговица, и в наступившей тишине было слышно, как она покатила по полу.

— Что уж теперь, — проговорил Инус глухо. — Других жалеть нечего. Все равно мне крышка. И так сидеть. За наезд, за нож. А остальное... — он устало махнул рукой.

Дзенис не перебивал. Было ясно, что перелом наступил, что теперь Инус заговорит без понуканий. Вопрос в другом: будет ли он до конца откровенен?

— Закурить можно? — попросил разрешения Инус и, сделав глубокую затяжку, начал уже более твердым голосом: — Прошлым летом иду я однажды после получки с работы. Деньжата в кармане похрустывают. Тогда заколачивали неплохо. Иду думаю, не худо бы sprыснуть. Разве это дело — деньги есть, а глотка сухая? И вспомнил я тут про хорошего собутыльника — старика Зиткауриса. Не встречал его с тех пор, как перебрался в Ригу. Взял три половинки и махнул в Ляудобели. Поддали мы крепко. Целовались, дуэты горланили на весь лес. И увидал я тогда, на свою беду, этого проклятого слона... На вид слон как слон, ничего особенного, будь я трезвый, я его и в руки брать не стал бы. А тут попутал меня дьявол... Повертел я его, да ненароком нажал на левое ухо. Оно подалось. Дело ясное — потайная пружина! Нажал еще раз и сдвинул ухо вбок. Слон распадался надвое. Тайник! Спрашиваю Зиткауриса, где он добыл такую хреновину? Штука интересная. Зиткаурис сперва было упрямылся, но потом рассказал. Под честное слово, что никому не проболтаюсь. Была у него жена, но рано померла от чакотки. Дочка осталась. Гунта. Сам ее растил. В сорок

третьем ей не было еще шестнадцати, когда фрицы хотели угнать ее к себе в фатерланд. Зиткаурус пошел к Алиде. Она уговорила своего кавалера, штурмбаннфюрера Гауча, взять мою фрейлейн секретаршей. И вот однажды вызывает Гауч Гунту к себе и сует ей в руки слона. Их у Гауча было два таких. Как двойняшки. Только у второго самый кончик хвоста отломан. Дал девчонке слона и велел беречь. Очень, мол, он дорожит этим зверем. Память о покойнице матери. «Мне надо ненадолго уехать, — сказал он ей. — Как вернусь — отдашь». Но его в тот же вечер забрали. Гауч переправлял золото и драгоценности из Саласпилсского лагеря смерти в Германию. Кое-что, конечно, прилипало у него к рукам. А гестапо пронюхало. Кто-то, видать, предупредил штурмбаннфюрера. Однако упорхнуть воробышек не успел.

— Так слон и остался у Гунты? — спросил Дзенис.

— Как бы не так! Она поставила слона на полку, подпирать книги. А тут как-то заходит Алида к Зиткаурусу и видит этого слона. В тот раз промолчала. Но через пару дней прибежала, принесла такого же самого: вот, мол, Гауч по ошибке дал на хранение не того слона. Беречь надо вот этого, а первого скорей вернуть в кабинет штурмбаннфюрера.

В общем Алида поменяла слонов. Как Зиткаурусу было ей не поверить? Тетка, добродетельница.

— И куда же девался Гауч? Слона своего не потребовал назад? — поинтересовался Дзенис.

— Как? в воду канул. Свои же, наверно, земляки прихлопнули. Так слон и остался у Зиткауруса. Однажды Гунта уборку делала и хотела пыль со слона протереть. Надавила нечаянно за ушами, он и раскрылся. Как у меня в тот раз. А внутри у него была самая обыкновенная дробь. Чтобы не было подозрений, оба слона должны одинаково весить. У того с обломанным хвостом внутри было золото и драгоценные камни, а у этого дробь. Не зря фриц не доверил Алиде. Знал, что она за птичка. Эта гадюка сразу смекнула, в чем дело, и подменила слона.

Зиткаурус пробовал нажать на сестру, предлагал ей разделить сокровище пополам, как положено родственникам. Но Алида и слушать не желала. Чем, говорила, докажешь, что у слона внутри были драгоценности, а не дробь? А как он мог доказать? Доносить тоже смыс-

ла не было. Отняли бы всё состояние да еще обвинили бы в том, что дочка у немцев служила в самом Саласпилском лагере и удрала вместе с ними. Правда, потом Алида малость поддалась и написала завещание на имя Зиткауриса, но, когда вернулся Вольдемар, Алида переписала завещание на него.

Зиткаурис все рассказал ему от начала до конца. Думал, парень такой серьезный, сознательный, вытянет из старухи для своего дяди хоть какое колечко, брошку или кулончик. А тот плевать на него хотел, говорит: «Где же вы, дорогие родственнички, были, когда мать меня подкинула кулакам и я батрачил все детство? А теперь сбежались». — Инус задумался, поскреб пятерней затылок. Было видно, как трудно ему расстаться с мечтой о золотом тельце. — Вот, собственно говоря, и все, — продолжал Инус. — Правда, старик не хотел давать адрес своей сестрицы. Боялся он этой стервы здорово...

4

Дзенис не перебивал арестованного. Теперь Инус успокоился, рассказ его был обстоятелен, и прокурор несколько не сомневался в том, что ему говорят правду. Дзенису даже не приходилось задавать вопросов.

Вдруг Инус осекся и поглядел по сторонам. Он не сразу понял, чем была прервана нить его откровенного повествования, — звонил телефон.

Дзенис снял трубку.

— Прокурора... Да, слушаю... Сейчас не могу, занят. Позвоните попозже.

Затем вновь повернулся к Инусу.

— Что же вы сделали, получив адрес Лоренц?

— Несколько дней рыскал вокруг дома, соображал, что к чему. От ребятшек узнал, что у Лоренц снимает койку девчонка, Тамарой звать. Детишки, они все знают. Познакомился с Тамарой. Вроде бы невзначай.

— Пытались с ее помощью проникнуть в комнату Лоренц?

— Было так задумано. Но девчонка ни в какую. Боялась старухи как черт ладана.

— Зента Саукум оказалась податливей? — сразу загнал его в угол Дзенис.

Инус усмехнулся.

— И это знаете!..

— Расскажите, как познакомились с Саукум.

— На вечеринке, в клубе строителей. Долго пришлось вокруг нее выкаблучиваться. В конце концов втрескалась в меня по-настоящему, прилипла как муха к меду. Я тоже старался быть с ней поласковой. Она работала на строительстве, жила в общежитии, училась. Трудно ей было. Мне удалось пристроить ее в шляпную мастерскую. После этого Зента стала еще послушней. Делала все, что ни скажу. Сказал бы: выпрыгни в окно — и выпрыгнула бы.

— И вы решили этим воспользоваться. Подыскали для Тамары комнатку в Бергах, а Зенту подсунули к Лоренц.

— Не мог же я двух кошек совать в один мешок.

— Быстро вы отделались от Тамары.

Инус оскалил зубы.

— Зачем же так грубо, гражданин прокурор. Я ведь ей правильного жениха организовал. Вы его знаете. Мой сосед, Эдвин Страуткалн. Такую любовь закрутили — только держись. Сколько раз он оставался у нее на ночь, а жене загибал про рыбалку. Правда, разок дали маху. Потом Тамара бегала по адвокатам, все интересовалась насчет алиментов.

Дзенису вспомнилось, что говорил Робежниек про девушку, обратившуюся к нему в консультацию. Так вот с кем был роман у старшего научного сотрудника, инженера Страуткална! Теперь ясно, почему смутилась девушка, когда увидела в ателье своего сказочного принца вкупе с супругой.

— Как же вам все-таки удалось устроить Зенту к Лоренц?

— Очень просто. Мы с Зентой подкараулили, когда старуха поплелась на квартирную биржу — к доске объявлений. Зента на вид такая тихонькая, как овечка. Лоренц клюнула.

— Зента подругам в общежитии говорила, что ни с кем не встречается.

— Это я ей велел не распространяться. Мало ли что могло быть. Для чего мне свидетели?

— Поэтому вы и предпочли ресторан в Огре, а не в Риге?

Инус устался на Дзениса.

— Вы здорово поработали, гражданин прокурор, — признал он.

Дзенис пропустил комплимент мимо ушей.

— В «Огрите» ездили на машине Страуткална?

— Он мне разрешал.

— Ладно, это между прочим. Рассказывайте дальше. Напрягая память, Инус прищурился.

— Сперва думал, все пойдет как по маслу. Зента подменит слоника — и бонжур, мадам!

— Сакум знала, для чего это делается?

— Еще чего? Я бабам вообще не доверяю. Я такой номер сделал: однажды показал Зенте Зиткаурисова слона. Она удивилась: точь-в-точь такой же есть у Лоренц. Я предложил шутки ради подменить. Интересно, мол, заметит старуха или нет.

— И Сакум согласилась?

— Я же говорю, она была послушна, как дрессированный щенок. Взяла с комода у Лоренц слона с обломанным хвостом и поставила вместо него другого, которого мне дал Зиткаурис.

— Вы сами вскрыли слона?

— Вместе с Зиткаурисом в Ляудобелях. Но он был пустой.

— И Лоренц так и не заметила подмены?

Дзенис неспроста задал этот вопрос. В свое время даже Майга Страуткална обратила внимание на то, что слоник другой. Однако никто из опергруппы не придавал этому значения. В том числе Соколовский, бывалый оперативник!

Инус пожал плечами.

— Наверно, Лоренц быстро смекнула, что ее собираются торпедировать. Но Зенте не сказала ни словечка. Правда, девочка жаловалась, что старуха стала придирчива до невозможности и ни на минуту не оставляет ее в комнате одну.

— После этой неудачи вы все же не забросили ружье в кусты?

— Прежде всего я решил сделать там небольшой обыск, но из этой затеи ничего не вышло. Старая бедьма далеко от дома не отходила, а для обыска нужно время. Вы это знаете лучше меня.

— И что же вы придумали?

— Решил сам поговорить с Лоренц. Как дипломаты говорят — установить непосредственный контакт.

— Взяли у Саукум ключ?

— Это был пустой номер. Лоренц всегда закрывала дверь изнутри на задвижку. Я пошел вместе с Зентой.

— В таком случае вам пришлось обосновать необходимость такой встречи?

— Сказал Зенте, что хочу проверить с Лоренц одно дельце. Зента заметила, что старуха жадна до денег. Потому поверила.

— Вы пошли вечером, когда стемнело?

— А как же иначе? Тут наши интересы никак не совпадают. Вам желательно, чтобы были свидетели. А мне наоборот — чтобы не было. Я остался в коридоре, выждал, пока Зента разденется. Старуха ничего не почуяла. Из вечерней школы Зента всегда приходила в это время. Потом она вышла в коридорчик, вроде бы в уборную. Дверь осталась незапертой, я и вошел в комнату.

— Сомневаюсь, чтобы Лоренц обрадовалась такому гостю.

— А она хоть бы хны, даже не испугалась. Зиткаурис был прав — его родственницу голыми руками не возьмешь. Я потому, как говорится, и взял ее сразу за рога. Говорю, мне известно, что у вас есть золотишко и камешки, не совсем законно добытые. За молчание запросил по-честному — третью часть. Она выслушала и даже глазом не моргнула. Потом захныкала: ничего-то у нее нет, о золоте впервые слышит. Живет на пенсию и, чтобы сводить концы с концами, сдает койку девушкам. Причитала, глаза закатывала, а сама ухо остро держит: как я — клюнул или нет? А мне ее басни до лампочки. Взял с комода слона, нажал ему на ухо и раскрыл. Старуха не рассчитывала на такой ход. Но сразу смекнула, что к чему, и переиграла. Когда-то, мол, в старые времена кое-что у нее было. Самая малость. Но давно все продано и прожито. А я — свое: выкладывай товар на стол, не то...

Арестованный достал папиросы и вопросительно посмотрел на Дзениса. Тот кивнул. Инус закурил.

— Это я вам, гражданин прокурор, коротко рассказал. По правде-то мы с ней целых полчаса сторговаться не могли. В конце концов прижал я ее к стене, как клопа. Ей и податься некуда. Для виду какие-то подписки стала с меня требовать, что отстану, если свое

получу. «Какие еще тебе, старая карга, подписки? — я смеюсь. — Может, вексель написать?»

Дзенис придвинул пепельницу.

— И все же она меня провела, — признался с досадой Инус. — Загнула, будто золото зарыто у нее далеко от дома и чтобы я, значит, зашел через пару дней. Все может быть, я ей почти поверил. Подожду, думаю, не горит ведь. Все равно никуда от меня не скроется. На другой день мне надо было ехать в командировку. В Минск за запчастями. Рассчитывал, вернусь в конце недели. Так и договорился с Лоренц — встретимся в субботу вечером.

— Значит, в тот вечер никакого рукоприкладства не было? — спросил для верности Дзенис.

— Расстались как лучшие друзья.

— В комнате никого, кроме вас, не было?

— Никого. Зента ждала на лестнице.

— Девушка могла подслушать разговор.

— Нет, не думаю. Когда вышел из комнаты, дверь из коридора на лестницу была закрыта.

— Вы ей рассказали про ваш разговор с Лоренц?

— Ни полслова.

Инус задумался. Казалось, лишь теперь он о чем-то начинал догадываться.

— А может, и правда, Зента что-нибудь слышала. Она в ту ночь ни за что не хотела возвращаться домой. Дрожала как овечий хвост. Я еще подумал, она озябла, и накинул на нее свою куртку. Так мы до утра и прошлялись по улицам. Потом проводил ее на работу, а сам — в гараж.

— И в тот же день уехали в Минск?

— В половине девятого утра. На грузовой. Втроем поехали: шофер, мастер и я.

— Это что был за день?

— Среда, десятое октября. Это я точно запомнил. Начальник отдела кадров спросил, какой день, когда выписывал командировку. Я в календарь поглядел.

— Отсюда вытекает, что разговор с Лоренц у вас был девятого числа, во вторник вечером. А в Ригу вы вернулись только в субботу?

— Нет, в пятницу после обеда.

— Все трое?

— Ну а как же. Вместе уехали, вместе приехали. И я сразу побежал к Зенте в мастерскую. Хотелось

узнать, как себя ведет старуха. А в мастерской на меня как гром с ясного неба — Зента вчера взяла расчет, ушла с работы, и больше ее никто не видел.

— Она не говорила вам, что собирается уезжать?

— Не собиралась она никуда уезжать.

— Значит, отъезд Зенты был для вас полной неожиданностью?

— И какой еще! Поломал голову будь здоров. Вся моя затея висела на волоске. Пойти к Лоренц днем я не рискнул — соседи могли увидеть. Вечером они запирают нижние двери. Без девчонки я был как без рук. Ходил вокруг дома, опять ребятишек расспрашивал. Так ничего толком узнать и не удалось. Через несколько дней услышал, что Лоренц убита.

Дзенис мысленно сопоставил показания обоих задержанных. Инус утверждает, что пришел к Лоренц девятого октября поздно вечером. Это подтверждает и сама Лоренц. Еще на первом допросе она показала, что человек, ворвавшийся к ней в дом в Паланге и ранивший первого «визитера», побывал у нее в начале октября и требовал драгоценности. Надо полагать, Инус не лжет. Инус и Лоренц утверждают, что их разговор происходил с глазу на глаз. В комнате, кроме них, никого не было. Тоже правдоподобно. В присутствии третьего человека Инус не осмелился бы шантажировать Лоренц. Следовательно, в тот вечер убийства не было. Хотя бы потому, что в комнате не было жертвы.

На следующее утро Инус уезжает в Минск. У него есть два свидетеля плюс командировочное удостоверение. В ту же среду, в первой половине дня, Геновева Щепис видела, как Лоренц выходила из дома. После того никто ее в Риге не видел. Сама же Лоренц утверждает, что бежала из Риги с драгоценностями десятого октября, потому что боялась, как бы претендент на ее богатство не заявился раньше условленного срока. Ведь Лоренц не могла знать, что Инус уехал в Минск.

И наконец, Геновева Щепис в ходе предварительного следствия показала, что в ту самую среду поздно вечером она слышала, как кто-то поднимается по лестнице, отпирает дверь Лоренц и ходит по комнате. Потом сбегает вниз по лестнице. Геновева убеждена в том, что это Зента. В это время девушка обыкновенно приходит из школы. Однако Щепис не видела, кто приходил. Это могло быть и другое лицо. Но только не Лоренц. Лоренц

не могла так быстро сбежать вниз. Это обстоятельство еще раз косвенно подтверждало показание Лоренц.

Одним словом, все эти факты делают убедительным предположение, что убийство произошло скорей всего во второй половине дня десятого октября. На следующий день Зенты уже не было в Риге, и она не могла видеть происшедшего. Инус же не мог быть убийцей, так как отсутствовал в Риге в тот день.

Но каким образом убитая оказалась в комнате Лоренц и кто еще, если не Зента Саукум, мог туда прийти вечером десятого октября и сразу сбежать? Где посторонний человек мог взять ключи от комнаты и от входной двери в дом?

Ладно, это потом. Придется еще раз обстоятельно побеседовать с Саукум. Теперь, после того как Инус дал показания, разговор можно вести с новых позиций.

— Убийство на улице Вайрога спутало ваши карты, — заметил как бы между прочим Дзенис.

— Надежда еще оставалась. На суде я узнал, что золото не найдено. Подумал, может, оно запрятано где-то близко, может, даже в комнате Лоренц. Убийца тоже мог его не найти. Я смонтировал штуковину вроде миноискателя и пришел к соседке Лоренц под видом инженера домоуправления определять техническое состояние дома. Я проверил стены, перекрытия, пол. И хоть бы что!

— После этого махнули рукой на поиски драгоценностей, и если бы не разговор Страуткалнов на лестнице...

— Да. Я сразу понял, что Лоренц, конечно, прихватила с собой и золото и камешки.

— Зиткаурус знал, что вы едете в Палангу за добычей?

— Я, даже если б захотел, не успел бы ему сообщить. Честно говоря, у меня не было желания ни с кем делиться. Сам шел на риск, сам все делал, а значит, и добыча тоже моя.

Дзенис покачал головой.

— Дело, конечно, ваше, но вернемся к судебному заседанию. Показания Зенты Саукум вы слышали. Вы поверили в то, что она убийца?

— Это совсем не походило на Зенту. Я хорошо знал ее характер. Очень сомневаюсь, чтобы такая девочка

могла убить кого-нибудь. Но ведь на суде призналась. Кто ее знает... Чужая душа — потемки.

— А если она все-таки невиновна? Как вы считаете, для чего было взваливать ей на себя такую тяжесть?

— Этого я понять не могу.

— Может, пыталась кого-то защитить, спасти от наказания?

— Кого же?

— Например, вас.

— Меня?

— Почему бы и нет? Вы же только что сами утверждали, ради вас она была готова хоть в огонь, хоть в воду.

— Но ведь я никого не убивал!

— Очевидно, у Зенты были основания подозревать вас.

— Почему же она смылась?

— Пока что я этого тоже не знаю, — чистосердечно признался Дзенис. — Но выясню. Притом очень скоро.

5

За спиной с громким лязгом захлопнулись двустворчатые железные ворота и впереди распахнулись следующие. Впечатление было такое, будто кто-то гигантским топором отсек прошлое, и впереди приоткрылась другая жизнь, угрюмая и мрачная, как стены этого следственного изолятора.

Каждый шаг Бориса по бетонному полу гулко отдавался в узком, как труба, коридоре. Борис остановился у ниши с зарешеченными окошками. Послышался голос дежурного:

— Ваши документы.

Борис подал удостоверение и пропуск.

Медленно открылась небольшая тяжелая, как у сейфа, дверь, и Трубек попал во внутренний двор. Узкая, мощенная булыжником улочка с тротуаром на одной стороне вела мимо массивных серых корпусов.

Трубек позвонил у двери женского корпуса. Охранница через окошко поглядела на служебное удостоверение и заявку и впустила следователя.

— Свободна вторая камера, — равнодушно произнесла она. — Сейчас приведем Саукум.

В следственной камере был полумрак. Трубек сел на табурет за письменный стол, очень похожий на школьную парту, снял очки и, прищурив близорукие глаза, огляделся.

В школьные годы Борис, как и его сверстники, увлекался романами Стендаля, Дюма и Гюго. В своем воображении он вместе с Фабрицио дель Донго побывал в пропахшей плесенью камере пыток башни Фарнезе, где человек не может выпрямиться, не ударясь головой о потолок. Вместе с Эдмоном Дантесом он прозябал в подземных казематах крепости Иф, вместе с Жаном Вальжаном делил жуткую судьбу каторжника. Теперь же Борис впервые в жизни оказался в настоящей тюремной камере и невольно искал ее сходства с теми, что так красочно описаны великими писателями. Но сходства не было. Голубые стены камеры были недавно покрашены; потолки высокие. Деревянный пол чисто вымыт, а стол покрыт чистой белой бумагой. Человек здесь был лишен свободы, но не унижен.

Легкий шорох шагов вывел Трубека из раздумья. У двери робко топталась Зента Саукум. Она была в темно-синей блузе с белым, как у школьницы, воротничком и в длинной юбке, полинявшей от частой стирки, но тщательно отутюженной. На ногах у нее были брезентовые туфли. Запавшие глаза девушки со скрытой опаской изучали незнакомого очкастого юношу: что может сулить разговор с ним?

Трубек вымученно улыбнулся и предложил Саукум сесть.

— Я вчера виделся с Альфредом Инусом, — начал он, стараясь держаться как можно спокойней.

Лицо девушки оставалось непроницаемым. Затаилась.

— Легкомысленный он малый, ваш Альфред, — продолжал следователь. — Наделал уйму всяческих глупостей.

— Я такого не знаю и не хочу ничего даже слышать.

Слова как-то сами собой вырвались у девушки. Голос страдальческий. И все-таки она отвечала. Это придало Трубеку уверенности.

— Я пришел, чтобы вам помочь. Мне ваша участь не безразлична. Давайте поговорим по душам.

Зента безучастно смотрела перед собой, не проявляя ни малейшего интереса к предложению следователя.

— Альфред обвиняется в совершении автомобильной аварии, — продолжал Трубек. — Он в этом признался и заодно рассказал все. И то, что вы помогали ему проникнуть в комнату Лоренц.

— Не знаю я никакого Альфреда. Отстаньте от меня, — во взгляде девушки страх и недоверие.

Зента Сакум теперь напоминала маленького ежа, поднявшего дыбом свои иголки, когда грозит опасность. Трубек понимал, что продолжение в таком духе не принесет успеха.

— По-видимому, вы правы, — сдержанно, даже с холодком, сказал он. — Я действительно все это высосал из пальца. И то, что вы с Фредом были в ресторане «Огрите», где к вам пристал какой-то пьяный. И то, что вы неоднократно подкарауливали Лоренц у доски объявлений, чтобы устроиться к ней на квартиру. И то, что стояли ночью на лестнице, покуда Фредис в комнате вел переговоры с Алидой Лоренц, а потом, боясь возвратиться домой, всю ночь бродили по улицам Риги. Я даже вообразил, как вы в ту ночь озябли, и Фредис набросил вам на плечи свою куртку.

Все это Трубек проговорил безразлично и скучно. Зато для Зенты каждое его слово было словно удар плети по нагому телу. Она вся съежилась и исподлобья глядела на следователя.

— Я вам еще много мог бы порассказать, Зента. Например, то, что он во время своего разговора действительно пригрозил Лоренц, но ничего ей не сделал. Убийство произошло на другой день. Это точно установлено. А в этот день Альфред Инус находился далеко от Риги — в Минске. Он никаким образом не мог убить вашу хозяйку. Но, видимо, вас это мало интересует. Что ж, ничего не поделаешь. Если не желаете разговаривать, то и прекратим все это.

Трубек уже протянул руку к кнопке звонка, чтобы вызвать конвой. Но тут Сакум испуганно остановила его.

— Постойте!

— Хотите что-то сказать?

— Н-не знаю...

Трубек поглядел на свои черные ботинки, они были начищены до блеска, и потому осмотр ничего не дал.

— Удивительно странный вы человек. Для чего вы с таким упорством держитесь за свою ложь, будто уби-

ли Алиду Лоренц? Этот обман уже никому не нужен. Вы не могли этого сделать. Хотя бы по одному тому, что она по сей день жива и здоровехонька.

Неожиданный и хорошо рассчитанный ход следователя достиг цели. Девушка в ужасе схватилась за голову, словно перед ней разверзлась земля.

— Не может быть! — взвизгнула она. — Я сама видела...

— Труп?

— Ну да!

— Этому я верю. А лицо убитой рассмотрели?

— Оно было в крови...

— Так слушайте же: там лежала не Лоренц, а другая женщина. Похожая на Лоренц по возрасту и сложению, но другая. Ваша бывшая хозяйка все это время ухаживала за цветочками в Паланге. Она в тот раз уехала из Риги, никому не сказавшись. Потому вначале поверили в то, что ее убили вы. Теперь Лоренц найдена и в настоящее время находится в Риге. Можно устроить вам свидание с ней.

— Кого же тогда... Кто она была, та, другая?

— Это и я хотел бы у вас спросить. Вы утверждали, что совершили убийство в ссоре, когда в комнате горел свет. Вы не видели, с кем ссоритесь и кого бьете кирпичом?

Зента несколько успокоилась. Она подняла глаза на следователя.

— А Фреда будут судить?

— Да, только за другое преступление. Я уже сказал, во время убийства Инуса не было в Риге. Принимая на себя вину за убийство, вы ничем ему не поможете. Только зря губите свою молодость.

Трубек наблюдая за Зентой. Ее худенькая фигурка от печальных раздумий сжалась и стала еще тоньше. Девушка перевела взгляд на оконную решетку. В этом взгляде было столько страдания и безысходной тоски, что у молодого следователя к горлу подступил горький ком.

«Будь они неладны, эти эмоции, — ругал себя Трубек. — Чересчур уж я чувствителен для работы в прокуратуре. Может, надо уходить с этой работы и переключаться на науку? Но, с другой стороны, где сказано, что следователь должен быть суровым?»

Словно издалека до Трубека донесся голос Зенты:

— Если я теперь и скажу что-нибудь, вы мне все равно не поверите.

— Попробуйте. Может, и поверю.

— Знаете, это было как в страшном сне. Я в тот вечер правда стояла за дверью и подслушивала, о чем Фредис говорил с Лоренц. Всего разобрать не могла — они разговаривали тихо. Но я поняла, что Фредис чего-то требует от нее и угрожает. Мне стало страшно. Я выбежала на лестницу и захлопнула за собой дверь.

— Потому Инус и застал вас на лестнице, когда вышел из комнаты.

— Да. Он сказал, чтобы я не возвращалась. Я почувствовала неладное, но спросить не посмела, что там случилось. Страшно мне было. Всю ночь проходили, словом не перебросились. А утром, когда разошлись, Фредис посмотрел на меня таким звериным взглядом, что я вся обомлела. Он пригрозил, чтобы я ни в жизнь не вспомнила про то, что было в тот вечер, и никому ни слова не выболтала. Сказал, если что — оторву тебе голову, как цыпленку.

— Вы и перепугались.

— А то нет! Но вообще-то Фредис иногда бывал хороший. Во многом мне помог. С жильем, с работой. А другой раз — злой как собака. В такие минуты убить мог запросто. Глазом не моргнул бы.

— На следующий день вы все-таки пришли домой.

— Вечером, из школы. С ног валилась после бессонной ночи. Деваться было некуда. Только боялась, пустит ли меня хозяйка после вчерашнего. Поднялась, отпираю дверь, а она и не заперта. Захожу в комнату и... обмерла! Все перевернуто вверх дном. Стул опрокинут, на полу осколки, комод перерыт. И этот кирпич, весь в крови. Я говорю как было. И сейчас еще все стоит перед глазами.

— Успокойтесь, Зента.

Девушка тяжело и прерывисто вздохнула.

— Смотрю, лежит на кровати хозяйка. Сверху на ней подушки, одеяла. Может, конечно, это была не Лоренц. Не знаю. Подняла подушку, и... ноги подкосились. Не лицо — каша кровавая. Поняла, что кирпичом. Побросала в чемодан свое бараклишко и убежала.

— Вы решили, что это работа Инуса?

— Чья же еще? Я своими ушами слышала его угрозы. Была уверена, что это он...

— А почему уехали, даже не переговорив с Фредисом?

— Боялась. Мне тогда было уже не до чего. Об одном думала — побыстрей бы и подальше уехать.

— Почему же потом, когда капитан милиции разыскал вас в Норильске, приняли вину на себя? И на суде тоже?

— Что мне оставалось делать? Я же была уверена, что это Фредис. И меня все равно бы судили за соучастие. Ведь это я привела его к Лоренц. Кто мне поверил бы, что я не знала, какие у него мысли...

— Вопиющее ребячество! — возмутился Трубек. — Допустим, Фредис действительно виновен. Согласен. Основания так думать были. И все-таки вам ничего не грозило. Да, вы помогли Фредису попасть в комнату Лоренц. Но это еще никому не дает права утверждать, что вам было известно о его намерениях. Улик против вас нет. Если бы вы обо всем честно рассказали...

— Выдать Фредиса! Он мне никогда этого не простил бы. Прикончил бы меня так же, как ту женщину.

— Неужели вы думаете, что мы не сумели бы вас защитить?

— Нет, нет, так просто я бы не отделалась. Нашлись бы дружки Фредиса, которые отомстили бы за него. Решила: лучше возьму вину на себя. По крайней мере, хоть Фредиса не надо будет бояться. Может, он передачи носить будет. Была же у нас любовь...

Любовь? Бориса передернуло. Зента любит негодяя Инуса, хотя прекрасно знает, что он негодяй. Любит и в то же время боится его. Нелепый сплав двух противоположных чувств. Но, к сожалению, в жизни они нередко сливаются воедино. Именно такое сплетение чувств заставило эту хиленькую, запуганную девочку принести себя в жертву.

— Жаль времени, которое вы так непростительно погубили, — Трубек вздохнул и положил перед Зентой отпечатанный на машинке документ. — Прочитайте и распишитесь.

— Что это?

— Постановление о вашем освобождении из-под стражи.

— Меня выпустят?!

— Сегодня же.

У Зенты хлынули слезы, и она не могла выговорить ни слова.

Трубек пришел в полную растерянность.

— Я-то в общем ни при чем. Прокурор товарищ Дзенис доказал вашу невиновность.

6

Дверь шумно распахнулась, и в мрачноватое помещение ворвался порыв ветра. Гунар Дзелзитис недовольно оторвал взгляд от бумаг на столе и увидел капитана Соколовского.

— Рот фронт! — гаркнул на всю комнату капитан.

Следователь кивнул, бросив небрежно:

— Гуд морнинг, сэр.

Однако тон приветствия был таков, словно Гунар хотел сказать: только тебя мне не хватало!

Соколовский остановился посреди комнаты и, широко расставив ноги, уставился в угол. За приземистым сейфом была целая куча автомобильных частей: почерневшие коленчатые валы, погнутые колесные диски, всевозможные подшипники, ржавый глушитель и бездна еще каких-то деталей. Чуть в стороне, как бы чураясь своих соседей-плебеев, стоял прислоненный к стене новехонький руль «Волги».

— Комиссионный ларек открываешь, Гунар? Или записался в кружок «Умелые руки» и будешь лепить автогибрид?!

— Ты не ошибся. Леплю. Но только не автомобиль, а уголовное дело. Это все вещественные доказательства.

Вошел Дзенис.

Капитан повернулся к нему.

— Привет, Роберт! Почему такой мрачный?

Дзенис тяжело опустился на свободный стул подле стола следователя.

— Устал как собака. Хоть бы скорей покончить с этим делом и уйти в отпуск.

— Поедешь на юг?

— Хотели в Крым. Ни разу там не был. Но теперь уже поздно. В сентябре ребятам в школу.

— Тогда надо поторапливаться...

— Надеюсь завтра поставить на этом деле точку.

— Что, новый сюрприз?

— Помнишь три фотоснимка, что приносил Трубек из Управления внутренних дел?

— Старушенции, пропавшие в прошлом году?

— Да. Я эти портретики сегодня показал Зиткау-рису. Одну из них он узнал. Эльфриду Краузе.

— Интересно. Кто она такая?

— Более того, — продолжал Дзенис, не обращая внимания на вопрос. — После эксгумации — я говорю о женщине, убитой в комнате Лоренц, — наши эксперты с помощью фотографии установили, что это была Эльфрида Краузе.

— А откуда ее знает Зиткаурис?

— До войны Краузе работала продавщицей в цветочном магазине Алиды Лоренц.

Соколовский даже присвистнул.

— Вот это цветики! Видал, куда веревочка тянется! Был уже у Краузе дома?

— Сегодня утром. Однокомнатная квартирка в Задвинье, на улице Калнциема. Жила одиноко, родственников в Риге нет. Одна соседка вспомнила, что прошлой осенью к Краузе заходил молодой человек. Приезжал на машине. В квартире побыл совсем недолго. Потом они вместе вышли и уехали. После этого Краузе дома не видели. Жильцы думали, уехала к сестре в деревню. Через некоторое время сестра сама прибыла в Ригу. Тут-то и оказалось, что Эльфрида у нее не была. Тогда дворник сообщил участковому. Начался розыск. Квартиру опечатали. Так она и стоит по сей день...

Капитан с интересом слушал.

— И когда же в последний раз видели Краузе?

— В середине октября. Дату никто точно не помнит. Но приблизительно она совпадает со временем убийства.

— На какой машине они уехали?

— На легковой. Определенней соседка сказать не могла. Но теперь ее свидетельство больше и не требуется. Ясно и без того, что была за машина и кто был шофер.

— Успел проверить?

— Только что. Все подтвердилось.

Соколовский что-то прикидывал в уме. Затем вскочил со стула.

— Роберт! — воскликнул он. — Какие же мы были лопухи! Ведь все проще простого. Кровь брызнула на

стену снизу вверх. Дверь заклеена изнутри. Открыто окно, нитки от пальто Лоренц на наружном подоконнике и наконец, кирпич. Обыкновенный кирпич, который нельзя было схватить ни с того ни с сего, потому что на нем стояла увесистая керосинка. Все же просто!

— Разве это первый раз? — Дзенис взял со стола черную пепельницу и повертел в руках. — Чем проще способ преступления, тем труднее бывает его распутать.

— Да и машина, — продолжал рассуждать Соколовский. — От Калнциемы до дома Лоренц километров восемь-девять. Надо ехать на двух троллейбусах. Да еще сколько топать пешком. Старухе трудновато. Ясно, на машине скорей.

Дзенис поставил пепельницу на место.

— И еще одно важное доказательство я обнаружил во время обыска на квартире Краузе.

В дверь просунулась завитая головка секретарши.

— Товарищ Дзенис, вас шеф к себе просит, — прошептала она тонким голоском. — Там милицейских собралось видимо-невидимо. Наверно, что-то важное.

— Спасибо. Сейчас иду.

— Да, немало мы наломали дров в этом деле, — никак не мог успокоиться Соколовский.

2

Накануне во время допроса Зиткаурис показал Дзенису старую, еще довоенных времен фотографию. С пожелтевшей карточки на помощника прокурора смотрела спесивая и видная собой девица. Теперь перед ним сидела совсем другая Алида Лоренц. Ногти обломаны, платье помято, из-под платка выбиваются нечесанные седые космы.

Противно было смотреть, как эта опустившаяся, словно заплесневевшая старуха из кожи лезет вон, чтобы под маской дешевого высокомерия спрятать свой страх. Она сидела у стола помощника прокурора и вела себя так, словно была до глубины души оскорблена несправедливым отношением к ней, как будто бы ее присутствие здесь было сущим недоразумением, которое вот-вот выяснится, перед ней извинятся, а кое-кому за это крепко влетит.

Допрос тянется почти час. Время от времени Лоренц подавляет зевету, притворяется, будто не слышит или не понимает вопросы Дзениса. Иной раз нехотя что-то произнесет в ответ, но разговора по существу не получается. Можно подумать, все, о чем тут говорится, не имеет к ней ни малейшего отношения. Затем она неожиданно бросает на помощника прокурора оценивающий взгляд. Красноватые глазки под увядшими веками с прожилками сосудов вспыхивают и впиваются в Дзениса. Глубоко впиваются, словно хотят выведать, что у этого представителя власти на уме.

Советская власть национализировала частную собственность Лоренц — отобрала у нее магазин и дом, лишила возможности жить с комфортом за счет других и чваниться своим превосходством над трудовым людом. По этой причине Лоренц всей своей душой ненавидела Советскую власть и тех, кто ее представлял. Она и не скрывала своей ненависти.

В кабинете присутствовали еще двое. Они не принимали участия в допросе Лоренц. Борис Трубек внимательно следил за тем, как Дзенис пытается вызвать Лоренц на откровенность, выкладывая из своего арсенала аргумент за аргументом и все туже затягивая петлю из доказательств. Старуха, в свою очередь, продолжает строить из себя наивную простушку. Прокурор Озоллапа, сидевший рядом с Трубеком, уже начал нетерпеливо барабанить по коленкам.

Под конец и Дзенису надоело бессмысленное запирательство Лоренц.

— Я даю вам возможность смягчить вину чистосердечным признанием, — сказал он. — Вы не желаете воспользоваться этой возможностью. Упрашивать не буду. Доказательств достаточно, чтобы обойтись и без ваших показаний. Я расскажу, что произошло в вашей комнате.

Озоллапа закивал: давно пора было перейти на такой тон, нечего с ней миндальничать.

— Итак, вернемся к тому вечеру, когда вас посетил Альфред Инус, — продолжал Дзенис. — Вам ловко удалось его надуть. Инус поверил, что драгоценности вы зарыли где-то далеко. Вы же, в свою очередь, готовы были пойти на любое преступление, лишь бы сохранить богатство. Вырвали у него несколько дней отсрочки и стали

придумывать выход из тупика. В ту ночь Зента не вернулась домой, что тоже было кстати: можно было спокойно собраться с мыслями. Наверно, в эту ночь и зародился в вашем мозгу чудовищный замысел...

Алида Лоренц выпрямилась и застыла как истукан. Лишь глаза засветились еще более яростной злобой.

Дзенис встал и прошелся взад-вперед по кабинету. Он как бы говорил теперь не с Лоренц, а обращался к Озоллапе и Трубеку. Мысленно Дзенис уже выступал с обвинительной речью, рисуя перед судом детальную картину происшествия на улице Вайрога.

— Что дальше? План разработан достаточно подробно. Остается осуществить. И чем скорей, тем лучше. Молодой наглец не отстанет, в этом нет никаких сомнений. Он может объявиться и до субботы. Поэтому Лоренц принимает решение ковать железо, пока горячо. И начинает с того, что заклеивает дверь в комнату соседей: Геновева Щепис — женщина любопытная! На следующее утро Лоренц звонит своему сыну, Вальдемару Лапину, просит привезти из Задвинья ее бывшую продавщицу Эльфриду Краузе. Есть, мол, срочное дело. Лоренц будет поджидать Краузе в маленьком кафе на улице Бикерниеку, а это почти рядом с ее домом, домом, где живет Лоренц.

Трубек не спускал глаз с Лоренц. Он заметил, как она съежилась при упоминании имени Эльфриды Краузе. Но это длилось не долее секунды. Лицо арестованной тотчас скрылось под маской безразличия.

— Товарищ Дзенис, у вас был об этом разговор с Вальдемаром Лапином? — официально задал вопрос Озоллапа.

— Он все это подтвердил.

— Почему раньше он ни слова не сказал о поездке?

— Лапину отвез тогда Краузе в кафе, оставил ее в обществе своей матери и сразу уехал. Он не знал, какого числа произошло убийство, потому ему и не пришло в голову соединить эти два события. Итак, идем дальше. Из кафе Лоренц пригласила Краузе к себе домой. Она действовала расчетливо и осторожно. Свою гостью провела в комнату не замеченной соседями. Дома Лоренц угостила ее кофе, в который подсыпала веронала...

— Ложь! Гнусная ложь!

Истерический вопль заставил Дзениса обернуться. Лоренц стояла сгорбившись около своего стула и судорожно сжимала руками его спинку. Не осталось и следа от первоначального спокойствия и наигранного простодушия. Ее трясло как в лихорадке.

Всегда отзывчивый Дзенис на этот раз не испытал ни малейшего сострадания к арестованной.

— Садитесь и не перебивайте! — жестко прикрикнул он на нее. — Вам была представлена возможность дать показания. Вы ею не воспользовались. Теперь слушайте.

Дзенис снова обращался к Озоллапе и Трубеку.

— После эксгумации в трупе Краузе был обнаружен веронал.

— Да, — согласился Озоллапа, — веронал может сохраняться в тканях год и даже дольше.

— Это снотворное средство теперь употребляют редко, — продолжал Дзенис. — В аптеках оно продается только по рецептам. Я тщательно обыскал квартиру Краузе, нашел различные лекарства, но веронала там не было. В поликлинике беседовал с врачом, у которой лечилась Краузе. Она никогда не выписывала своей пациентке веронал. Из снотворных Краузе употребляла лишь димедрол.

— В квартире Лоренц веронала мы тоже не нашли, — заметил Трубек.

— Не нашли, — не возражал Дзенис. — Поскольку в комнате вообще не было никаких медикаментов, хотя Лоренц и сердечная больная. Всю свою аптеку она увезла с собой в Палангу. Вчера я звонил врачу Страуткалн. Она прекрасно помнит, что время от времени давала Лоренц рецепты на веронал. Одним словом, круг замкнулся. Эльфрида Краузе, напившись кофе с вероналом, почувствовала усталость, прилегла на кровать Лоренц и крепко уснула. Лоренц перешла к осуществлению главного пункта своего зверского замысла. Взяв изпод керосинки кирпич, она нанесла им несколько ударов по лицу Эльфриды Краузе. Била до тех пор, пока оно не было изувечено настолько, что труп нельзя было опознать. Этим также объясняется и то, что брызги крови на стене рядом с кроватью направлены снизу вверх. Расчет Лоренц был прост и точен. Когда обнаружат труп с изуродованным до неузнаваемости лицом, никому в голову не придет, что жертва не хозяйка комнаты, а

другая женщина. Во-первых, это оградит Лоренц от следственных органов, во-вторых — и это главное — спасет ее от преследования Альфреда Инуса. Двух зайцев одним выстрелом! Для вящего правдоподобия она инсценирует нападение с целью грабежа. Опрокидывает стул, разбивает об пол вазу, перерывает ящики комода. И мы, надо признаться, клюнули на эту удочку. Затем берет вещи, драгоценности, запирает дверь и ретируется.

Озоллапа ехидно ухмыльнулся и шепнул Трубеку:

— А кто-то мне пытался доказать, что убийца был левшой!

— В самом начале, — Дзенис хоть увлекся своими логическими построениями, но замечание шефа услышал, — мы ошибочно предположили, что первый удар жертва получила стоя. Никто не догадался, что женщина была предварительно усыплена. Теперь я свою ошибку исправил.

— Как же попали на подоконник нитки от пальто? — напомнил Трубек. — Лоренц ведь не через окно ушла, которое, кстати, на втором этаже.

— Разумеется, нет. Это было бы чересчур спортивно для ее возраста. Все делалось проще. Лоренц не рискнула идти с вещами по лестнице. Поэтому она завернула свои пожитки в зимнее пальто и выбросила узел через окно. Нитка зацепилась за уголок жестяного покрытия подоконника. Сама же она налегке покинула дом через парадное.

— Тогда, надо полагать, телефонные угрозы врачу Страуткалн исходили от самой Лоренц, — проворчал прокурор Озоллапа.

— Вне всякого сомнения! Страуткалн была опасным свидетелем для Лоренц. Врач неоднократно ее осматривала, знала особенности ее телосложения, одежду и могла установить, что убита другая женщина.

— Логично, — согласился прокурор.

Дзенис повернулся к Лоренц.

— Ну так как же? Может быть, будете говорить?

Арестованная даже не взглянула в его сторону.

— Как угодно. Только должен вас предупредить: надеяться вам не на что. Винодность доказана. Судить будем независимо от того, заговорите вы или будете молчать.

— Проклятые! — как змея, прошипела старуха.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В один из сентябрьских дней у здания Верховного суда толпились люди. Только что закончилось очередное заседание на процессе Алиды Лоренц. Десятки людей, никогда ранее не знавшие друг друга, теперь оживленно обсуждали показания свидетелей, поведение обвиняемой.

Никто, разумеется, не обращал внимания на невысокого кудрявого юношу в роговых очках, стоящего на ступеньках у главного входа. Сзади к нему подошел широкоплечий мужчина в сером осеннем пальто.

— Привет!

Трубек круто обернулся.

— Здравствуй, Виктор. Что новенького?

— Пришел взглянуть на нашу обанкротившуюся миллионершу. А ты почему здесь, ведь собирался в отпуск?

— Опять сорвалось: подсунули тяжелое дельце. Сроки подпирают. Собрал уже три тома бумаг...

— Надо брать пример с Робежниека. Он не теряет. Полюбуйся-ка!

В этот момент из здания суда вышел, как всегда, элегантный Робежниека с Майгой Страуткалн.

— Не торопитесь, Майга, — сказал Робежниека, как видно продолжая ранее начатый разговор. — Еще все, может быть, образуется. Вы прекрасно знаете, что я... и тем не менее...

— Потому и ценю ваши советы. Хорошо, ничего не обещаю. Подумаю. Но заявление я уже написала.

Робежниека грустно улыбнулся.

— Жаль, что закончился процесс. Больше не будем видаться...

— Всего доброго, Ивар. Не говорю — прощайте. Гора с горой не сходится, а человек... — Она не договорила фразу, помахала рукой и исчезла в толпе прохожих.

*Авторизованный перевод с
латышского Юрия Каппе*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Ульмас Умарбеков

ВСТРЕЧА — 6

Евгений Коршунов

ГРОЗА НАД ЛАГУНОЙ — 66

Юлий Файбышенко

РОЗОВЫЙ КУСТ — 166

М. Стейга, Л. Вольф

ДЕЛО ЗЕНТЫ САУКУМ — 286

РАССКАЗЫ

Петр Шамшур

РОМАШКА — 470

Сергей Наумов

В ГОЛУБЫХ БАРХАНАХ — 490

Борис Сопельник

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК — 510

Леонид Словин

ДЕЛО БЕЗ СВИДЕТЕЛЕЙ — 522

Юрий Усмченко

ПРОЗРЕНИЕ — 544

Сборник приключенческих повестей и рассказов.
П-75 М., «Молодая гвардия», 1973.

576 с., с илл. («Стрела») 100 000 экз. 1 р. 17 к.

В новом сборнике читатель найдет произведения как уже известных ему авторов-приключенцев, так и новые имена.

Повесть У. Умарбекова «Встреча» посвящена ченистам первых лет Советской власти в Узбекистане. В мир борьбы народов Африки за свою независимость против колонизаторов переносит читателя повесть Е. Коршунова «Гроза над лагуной». Повесть Ю. Файбышенко «Розовый куст» рассказывает о работниках уголовного розыска в годы нэпа. Сегодняшним дням посвящена большая повесть М. Стейги и Л. Вольфа «Дело Зенты Саусум». Ее герои — следователи и оперативные работники милиции Советской Латвии.

В сборник вошли также рассказы П. Шамшура, Л. Словина, Ю. Усыченко, С. Наумова, В. Сопельяма.

7-3-2
191-73

P2

OCR: Угленко Александр

Редактор-составитель **А. Строев**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Г. Прохорова**

Сдано в набор 23/III 1972 г. Подписано к печати 23/V 1973 г.
A00395. Формат 84×108¹/₂. Бумага № 2. Печ. л. 18 (усл. 30.24).
Уч.-изд. л. 31.5. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 17 к. Т. П.
1973 г. № 191. Заказ 2330.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сушеш-
ская, 21.

